

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE UNIVERSITY
BULLETIN

MOSCOW STATE UNIVERSITY BULLETIN

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER SIX

NOVEMBER – DECEMBER

This journal is a publication
prepared by the Philological Faculty
Editorial Board.

There are six issues a year

MOSCOW UNIVERSITY PRESS • 2017

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 года

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 6

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Выходит

один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2017

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – д. ф. н. проф. **М.Л.Ремнёва**
Зам. главного редактора по лингвистике – д. ф. н. проф. **И.М.Кобозева**
Зам. главного редактора по литературоведению – д. ф. н. проф. **В.М.Толмачев**
Отв. секретарь по лингвистике – д. ф. н. проф. **С.В.Князев**
Отв. секретарь по литературоведению – д. ф. н. проф. **Г.В.Зыкова**
Оргсекретарь / выпускающий редактор – науч. сотр. **Е.Г.Домогацкая**

Члены редколлегии:

д.ф.н. проф. **О.В.Александрова**, к.ф.н. ст. преп. **А.Е.Беликов**,
д.ф.н. проф. **Т.Д.Венедиктова**, д.ф.н. проф. **Д.П.Ивинский**,
д.ф.н. проф. **А.И.Изотов**, д.ф.н. проф. **С.И.Кормилов**,
д.ф.н. проф. **Н.Т.Пахсарьян**, д.ф.н. проф. **Е.В.Петрухина**,
д.ф.н. проф. **С.Г.Татевосов**, д.ф.н. ст. науч. сотр. **О.Е.Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

проф. **М.Бёмиг** (Италия), проф. **Я.Вавжиньчик** (Польша),
д.ф.н. проф. **А.А.Гугнин** (Беларусь), д.ф.н. **В.З.Демьянков** (Россия, ИЯ РАН),
д.ф.н. проф. **В.И.Заботкина** (Россия, РГГУ),
д.ф.н. проф. **О.Ю.Инькова-Манзотти** (Швейцария),
проф. **Т.Йованович** (Сербия), проф. **Дж. Корнблатт-Дёйч** (США),
проф. **Б.Мирчевская-Бошева** (Македония), проф. **А.Мустайоки** (Финляндия),
д. ф. н. проф. **Д.О.Немец-Игнашева** (США), акад., проф. **Ж.Нива** (Франция),
проф. **А.Орландо Кавальере** (Бразилия),
д.ф.н. проф. **В.В.Полонский** (Россия, ИМЛИ РАН),
проф. **Дж. Робертс** (Великобритания), доц. **М. Ухлик** (Словения),
д. ф. н. проф. **Саранцацрал Цэрэнчимэдийн** (Монголия)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Пентковская Т.В.</i> Беседы Иоанна Златоуста на Деяния и Писания апостольские как источники перевода Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого	7
<i>Николенкова Н.В.</i> Место перевода «Атласа Блау» в формировании лингвокультурологической ситуации кануна петровских реформ	32
<i>Довгий О.Л.</i> Оппозиция «сон / бессонница» в сатирах А.Д. Кантемира	44
<i>Михайлова М.В., Чжан Чихе Хан</i> Тело в экспрессионистской прозе Л. Андреева	55
<i>Красавченко Т.Н.</i> У истоков британского модернизма: Т.Э. Хьюм	65

ДОНЕЦКАЯ ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

От редакции	72
<i>Теркулов В.И.</i> Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания	73
<i>Бровец А.И.</i> Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова.	98
<i>Рязанова В.А.</i> Мутантные аббревиатурно-композиционные группы в словообразовательной системе языка	108
<i>Акулич Е.А.</i> Аббревиатурная группа <i>вело</i> : общая характеристика.	117

ДЕЛА И ЛЮДИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЛИБАН

<i>От редколлегии.</i> Дань памяти лучшего университетского лектора	125
<i>Беляева И.А.</i> Либан Николай Иванович	127
<i>Кормилов С.И.</i> Собрание сочинений и выступлений выдающегося гуманитария	133

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Тан Дини.</i> Юбилейный сборник «Венок Лермонтову» (1914) (к вопросу о московской школе лермонтоведения)	162
<i>Ермоленко Г.Н.</i> Хронотоп путешествия в романе и путевых очерках А. Жиды	171
<i>Шейко А.А.</i> Жанровые принципы романа-фельетона во Франции и романа-сериала в Англии	178
<i>Цзи Сюэцзюнь.</i> Установка спрашивающего в вопросительных конструкциях китайского языка.	190

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Зыкова Г.В., Чумаченко Е.И.</i> «Современник» против «Москвитянина»: Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / Изд. подгот. А.В. Вдовин, К.Ю. Зубков, А.С. Федотов. СПб.: Нестор-История, 2015. 872 с.	205
<i>Верина У.Ю.</i> Венок сонетологов и сонетистов: Альманах 7-го симпозиума Международного научно-творческого семинара «Школа сонета», прошедшего 17–18 декабря 2015 г. в рамках конференции «Филологическая наука и школа: диалог и сотрудничество», приуроченной к 75-летию ученого-филолога Олега Ивановича Федотова. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2016. 360 с.; ил.	211
<i>А.И. Изотов</i> Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Язык городского пространства: словарь, карта, текст. М.: Языки славянской культуры, 2015. 240 с.	220
<i>Фролова О.Е.</i> Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Язык городского пространства: словарь, карта, текст. М.: Языки славянской культуры, 2015. 240 с.	225

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А.Е. Беликов</i> Всероссийская конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры – X: научные чтения, посвященные 170-летию со дня рождения профессора Московского университета Ивана Владимировича Цветаева»	228
<i>Д.П. Ивинский</i> Научная конференция к 225-летию со дня рождения князя П.А. Вяземского (1792–1878)	234
<i>Е.Г. Домогацкая</i> V Соколовские научные чтения	238
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» в 2017 году	241

CONTENTS

ARTICLES

<i>Pentkovskaya T.V.</i> The Homilies of St. John Chrysostom on the Epistles of St. Paul and on the Acts as Sources of the New Testament Translation of Epiphanius Slavnetskiy and Euthymius Chudovsky Book Circle	7
<i>Nikolenkova N.V.</i> The Place of Atlas Blaeu Translation in the Formation of the Linguistic and Cultural Situation on the Eve of Peter's Reforms	32
<i>Dovgii O.L.</i> The opposition "sleep / insomnia" in A.D. Kantemir's satires	44
<i>Ryazanova M.V., Chiang Chieh-Han.</i> Body in the Expressionist Prose of L. Andreev	55
<i>Krasavchenko T.N.</i> At the Origins of British Modernism: T.E. Hulme	65

DONETSK DERIVATEOLOGY SCHOOL

Preface	72
<i>Terkulov V.I.</i> Compound Abbreviations: Synchronic and Diachronic Aspects of Description	73
<i>Brovets A.I.</i> The Modification Interpretive Deciphering Stimulus of an Abbreviated Word	72
<i>Ryazanova V.A.</i> Mutant Abbreviative-Composite Groups in Language Word-Forming System	72
<i>Akulich E.A.</i> Abbreviated Group Velo-: General Characteristics	72

AFFAIRS AND PEOPLE OF MOSCOW UNIVERSITY: NIKOLAY IVANOVICH LIBAN

From the Editorial Board. Tribute to the Best University Lecturer	125
<i>Belyaeva I.A.</i> Liban, Nikolay Ivanovich	127
<i>Kormilov S.I.</i> Собрание сочинений и выступлений выдающегося гуманитария	133

COMMUNICATIONS AND MATERIALS

<i>Tan Dini.</i> Jubilee collection "The Wreath to Lermontov" (1914) (on the Question of the Moscow School of Lermontology)	162
<i>Ermolenko G.N.</i> Chronotope of Travel in the Novel and Travelogues of A. Gide	171
<i>Sheyko A.A.</i> Genre Peculiarities of Roman-Feuilleton in France and Novel in Serial in England	178
<i>Ji Xiaojun.</i> Background Assumptions of Questioner in Chinese Interrogative Sentences	190

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

<i>Zykova G.V., Chumachenko E.I.</i> «Sovremennik» versus «Moskvityanin»: Literary-critical polemic of the first half of the 1850s / Ed. prep. A.V. Vdovin, K.Yu. Zubkov, A.S. Fedotov. St. Petersburg: Nestor-History, 2015. 872 p.	205
<i>Verina U.Yu.</i> Wreath of Sonnets and Sonetists: Almanac of the 7th Symposium of the International Scientific and Creative Seminar "Sonnet School", held on December 17–18, 2015, within the framework of the conference "Philological Science and School: Dialogue and Cooperation" timed to the 75th Anniversary of the Scientist-Philologist Oleg Ivanovich Fedotov. M.: OOO Russian Word – Textbook, 2016. 360 p.; il.	211
<i>Izotov A.I., Konurbaev M.E.</i> The style and timbre of English speech and literature. London: Palgrave Macmillan Ltd, 2016. 208 p.	220
<i>Frolova O. E., Bulygina E. Yu.</i> Frolova	225

SCHOLARLY LIFE

<i>Belikov A.E.</i> All-Russian Conference "Classic Philology in the Context of Global Culture – X: Scientific Readings on 170th Anniversary of Prof. I.V. Tsvetaev's Birth"	228
<i>Ivinsky D.P.</i> Scientific Conference towards the 225th Anniversary of Prince P.A. Vyazemsky's Birth (1792–1878)	234
<i>Domogatskaya E.G.</i> The 5th A.G. Sokolov's Scientific Readings	238
Index of articles and materials, published in the journal "Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology" in 2017	241

СТАТЬИ

Т.В. Пентковская

БЕСЕДЫ ИОАННА ЗЛАТОУСТА НА ДЕЯНИЯ И ПОСЛАНИЯ АПОСТОЛЬСКИЕ КАК ИСТОЧНИКИ ПЕРЕВОДА НОВОГО ЗАВЕТА КНИЖНОГО КРУГА ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО

Беседы на Послания апостола св. Павла (1623 г.) и Беседы на Деяния апостольские (1624 г.), напечатанные в типографии Киево-Печерской лавры, приобрели статус авторитетных церковнославянских переводов экзегетических текстов не только в Киеве, но и в Москве. Оба эти издания были использованы московскими книжниками круга Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского при подготовке перевода Нового Завета. Использование этих источников в переводе Нового Завета включает в себя отсылки к киевским изданиям, а также прямые заимствования лексики (в основной текст перевода или в маргиналии). Кроме того, на полях имеются выписки из комментариев Бесед. Их наличие, наряду с выписками из других святоотеческих произведений, позволяет реконструировать систему готовившегося издания Нового Завета Епифания. Его поля предназначались, в частности, для экзегетических дополнений, целью которых была критика текста. Такой тип издания характерен для раннего Нового времени и не имеет аналогов в России рассматриваемого периода.

Ключевые слова: книжный круг Епифания Славинецкого, перевод Нового Завета, гомилии св. Иоанна Златоуста, текстологические заимствования, раннее Новое время.

The Homilies of St. John Chrysostom on the Epistles of St. Paul (1623) and the Homilies on the Acts of the Apostles (1624) issued in Kiev Pechersk Lavra's printing house had become *authoritative* on the Acts Church Slavonic translations of the exegetical texts not only in Kiev, but also in Moscow. Both of these editions were used by Moscow bookmen during their work on the translation of the New Testament under the leadership of Epiphanius Slavinetskiy and Euthymius Chudovsky. The use of these sources includes both references to the Kievan editions and direct borrowing of vocabulary (either on the main text or on the margins). There are also the extracts from the commentaries on fields along with the extracts from another patristic works. It allows to reconstruct the system of the planned edition of the Epiphanius Slavinetskiy translation of the New Testament. Its margins were destined in particular to the exegetical additions the purpose of which was criticism of the text. This type of publication is typical of the early modern period and has no analogues in Russia in the 2nd half of the 17th century.

Key words: Epiphanius Slavinetskiy book circle, New Testament translation, homilies of St. John Chrysostom, textual borrowings, Early modern period.

Новый завет книжного круга Епифания Славинецкого (далее – НЗЕ) сохранился в трех рукописях, старшие из которых – ГИМ, Син. греч. 472 и 473 – датируются последней третью XVII в. и представляют собой церковнославянско-греческую диглотту, снабженную рядом дополнительных текстов [Исаченко, 2009], [Исаченко, 2015: 164–165]. Работа над Новым Заветом началась в 1673 г., когда по благословению Поместного Собора было решено переводить вновь всю Библию. Первый этап работ завершился со смертью ведущего организатора sprawy, Епифания Славинецкого (+1675 г.). О ходе работ и об источниках данного перевода Нового Завета известно, в частности, из предисловия, сохранившегося в составе его самого позднего списка, содержащего только четвероевангелие РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского) № 1291 первой трети XVIII в. Предисловие это, как полагают, принадлежит ученику и преемнику Епифания Евфимию Чудовскому [Исаченко, 2015: 154, 156, 160–170]. В нем, однако, перечисляются только те источники, обнаружение которых не расходится с идеологическими установками чудовского книжника (так, здесь не упомянуто об использовании польского перевода Нового Завета Якоба Вуйка 1593 г.).

Как нам удалось установить, Послания апостола Павла в НЗЕ представляют собой извлечение основного (комментируемого) текста из выполненного Епифанием Славинецким перевода Толкований Феофилакта Болгарского на Павловы Послания. Этот перевод частично сохранился в рукописи ГИМ, Син. 718 второй половины XVII в. (в ней представлено толковое Послание ап. Павла к Римлянам и 1-е к Коринфянам, обрывающееся на 1 Кор. 15:17) [Пентковская, 2017]. Привлечение при работе над переводом Библии экзегетико-гомилетических источников, к которым принадлежат толковые тексты, имеет давнюю традицию в славянской книжности: так, уже в Чудовской редакции Нового Завета использовался старший перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского [Воскресенский, 1896: 276–279], [Евангелие от Иоанна 1998, Введение: 16], причем, по определению В. А. Ромодановской, сам Чудовский Новый Завет представляет собой «первый опыт создания библейского кодекса у восточных славян» [Ромодановская, 2017], ср. [Алексеев, 1999: 199]. В дальнейшем толковые тексты использовались при создании части книг Геннадиевской Библии 1499 г. [Алексеев, 1999: 196, 198]. В начале XVI в. (1502–1507 гг.) толковые переводы были задействованы в работе книжника из Торопца Матфея Десятого, составившего собственный вариант библейского кодекса. При этом, как и создатели Геннадиевской Библии, Матфей Десятый стремился снабдить свой свод библейских книг

наиболее полным справочным аппаратом, что нашло выражение в системе маргинальных отсылок в данном кодексе [Ромодановская, 2017], [Алексеев, 1999: 201].

К подобного рода источникам НЗЕ, помимо толкового перевода Павловых Посланий, принадлежат два церковнославянских издания Бесед Иоанна Златоуста, вышедших в типографии Киево-Печерской лавры: Беседы на Послания апостола Павла (1623 г.)¹ и Беседы на Деяния апостольские (1624 г.)². Про издание 1623 г. в предисловии в рукописи Унд. 1291 сказано следующее: **Нѣкаа же реченїа исправляшася съ книги бесѣдъ же златоуста. на посланїа сѣгаго апла павла. печатаныа въ кїевопечерстѣй лаврѣ** (л. 7–7 об.)³.

Киевские издания представляют собой результат ревизии более ранних переводов. Перевод гомилий на Послания сделал острожско-дерманский иеромонах Киприан в 1610 г., а перевод гомилий на Деяния был выполнен до 1607 г. иеромонахом Гавриилом Дорофеевичем. Эти переводы были отредактированы коллективом книжников (Памво Берында, Лаврентий Зизаний, Захария Копыстенский и Иосиф Святогорец) по изданию греческого текста Генри Савилия 1612–1613 гг. [Thomson, 1993: 190], [Темчин, 2011: 217], [Турилов, 2010: 236]. Издание Генри Савилия⁴ *Sancti Ioannis Chrysostomi Opera graeca, Octo voluminibus. Etonae, in Collegio Regali, excudebat Joannes Norton, 1612* не содержало параллельного латинского перевода и было адресовано лицам, занимающимся патристикой и греческими древностями [Хлынова, 2007: 34].

Использование Бесед на Послания св. апостола Павла в НЗЕ проявляется следующим образом. Прежде всего, это отсылка к тексту Бесед на полях без выписки самого текста. Син. греч. 472 Колос. 1:22 **нынѣ же примири въ тѣлѣ плоти своеа чрезъ смерть** (л. 371) – *νυνὶ δὲ ἀποκατήλλαξεν ἐν τῷ σώματι τῆς σαρκὸς αὐτοῦ διὰ τοῦ θανάτου*⁵. На поле

¹ Экземпляр данного издания хранится в Музее книги РГБ под № 516. Его оцифрованная версия находится по адресу: <http://old.stsl.ru/manuscripts/staropечатnye-knigi/516>. Дата обращения 05.07.2017.

² Экземпляр данного издания хранится в Музее книги РГБ под № 518. Его оцифрованная версия находится по адресу: <http://old.stsl.ru/manuscripts/staropечатnye-knigi/518>. Дата обращения 05.07.2017.

³ Цит. по приложению № 4 на компакт-диске к работе [Исаченко, 2015].

⁴ Беседы на Послания Апостолов занимают т. 3 и 4 данного издания, Беседы на Деяния входят в состав 4-го тома. Они доступны по ссылке: <https://archive.org/search.php?query=Chrysostomi%20Opera>. Дата обращения 05.07.2017.

⁵ То же [Savilius, 4: 108].

гlossa: **БЕ: ЛИ^{СТ}: 360**. Данный стих в 4-ой Беседе выглядит следующим образом: **ННѢ же* примри тѣломъ плоти своеа Сѣмртїю** (л. 533). На поле киевского издания glossa: ***-ри, въ тѣлѣ**, свидетельствующая о том, что в основной текст НЗЕ был принят маргинальный вариант Бесед, представляющий кодифицированный в переводах XIV в. буквальный перевод конструкции *ἐν + Dat.* Сопоставление с Чуд. показывает, как выглядел данный стих в одной из так называемых правленных редакций XIV в., вошедших в число источников НЗЕ: Чуд. **нынѣ же примри о тѣлѣ плоти его. смерти ради** (л. 130 в). О конструкции *чрезъ + вин.п.* в НЗЕ, которая в данном случае противопоставляет переводы, см. [Пентковская, 2016: 208–209].

Такая отсылка к Беседам имеется также в Син. греч. 472 для 1 Фес. 1:8 **Ѡ васъ бо нѣгласиса^{чб} слово гдѣ. не токмъ въ македонии и во ахаии, но и во всяко^м мѣстѣ вѣра ваша, ꙗже къ бгѣ, изиде. ꙗкоже^{чб} не требѣ^{чб} на^м имѣти глаголати что** (л. 375 об.)⁷ – ἀφ' ὑμῶν γὰρ ἐξήχρηται ὁ λόγος τοῦ κυρίου οὐ μόνον ἐν τῇ Μακεδονίᾳ καὶ ἐν τῇ Ἀχαΐᾳ ἀλλὰ καὶ ἐν παντὶ τόπῳ ἡ πίστις ὑμῶν ἢ πρὸς τὸν θεόν. ἐξελήλυθεν, ὥστε μὴ χρεῖαν ἡμᾶς ἔχειν λαλεῖν τι. К стиху относится маргиналия: **зри БЕ: ЛИ^{СТ} 2193**.

Текст комментариев к Беседам на Послания в киевском издании 1623 г. расположен на листе в два столбца, основной (комментируемый) текст занимает середину листа. Как и в греческом издании, он разделен на главы и на стихи, при этом, в отличие от издания Савилия, дополнительно он содержит разметку по зачалам. Столбцы киевского издания пронумерованы с помощью кириллических букв. Нумерация отсылок в Син. греч. 472 колеблется: вначале она дается, как в данном примере, современными (арабскими) цифрами, позднее ее сменяют обозначения кириллическими буквами, как в самом киевском издании (см. Колос. 1:22). Номер столбца соотносится не с основным текстом (он расположен на стлб. 2191–2192), а с повтором данного стиха в составе цитаты в комментарии. При этом разночтений с основным текстом в повторной цитате нет: 2-ая Беседа **Ѡ васъ бо промчаса слово Гдѣ, не токмъ въ Македонии и Ахаїи, но и въ всякомъ мѣстѣ вѣра ваша ꙗже къ Бг изиде, такъ ꙗкъ не требовати намъ глаголати что** (л. 563 об. и 564) – ἀφ' ὑμῶν γὰρ

⁶ Пометы в междустрочном пространстве обозначаются тем же способом, что и в рукописи.

⁷ Приведем полностью чтение Чуд., чтобы показать, как в данном случае соотносится этот источник с НЗЕ: **Ѡ васъ бо прогласиса слово гдѣ. не ткмо в македонии и ахаии. но и во всяко мѣсто вѣра ваша иже к бгѣ изиде. ꙗкоже не требѣ на^м имѣти глаголати что** (л. 132 в).

ἐξήχεται ὁ λόγος τοῦ κυρίου οὐ μόνον ἐν τῇ Μακεδονίᾳ καὶ Ἀχαΐᾳ ἀλλὰ καὶ ἐν παντὶ τόπῳ ἢ πίστις ὑμῶν ἢ πρὸς τὸν θεὸν. ἐξελήλυθεν, ὥστε μὴ χρεῖαν ἡμᾶς ἔχειν λαλεῖν τι [Savilius, 3: 166].

Греческий текст в издании Г. Савилия отличается от параллельного греческого текста в НЗЕ отсутствием предлога (ἐν τῇ Ἀχαΐᾳ: Ἀχαΐᾳ) Это различие греческих оригиналов отражается в двух рассматриваемых церковнославянских переводах: **во ахаин** : **Ахаїи**, которые не сходятся и в других чертах. В перевод НЗЕ в этом стихе с определенными поправками приняты чтения Чудовского Нового Завета (о чем свидетельствует неоднократно встречающаяся помета **чю**^Д), а не Бесед. Маргинальная помета, отсылающая к изданию Бесед, в данном случае нужна, чтобы обратить внимание на несходство двух версий.

Отдельных объяснений требует тот факт, что отсылка ведет не к цитируемому тексту 1 Фес. 1:8, а к комментариям на него. В соответствующем столбце комментариев Иоанна Златоуста на данный стих обсуждается использование св. Павлом глагольной формы ἐξήχεται (ἐξηχέω – ‘раздаваться, звучать’): Καὶ οὐκ εἶπε· Διατεθρύλληται ἡ πίστις ὑμῶν, ἀλλ’, Ἐξήχεται· δηλῶν ὅτι ὥσπερ σάλπιγγος λαμπρὸν ἰχούσης ὁ πλησίον ἅπας πληροῦται τόπος, οὕτω τῆς ὑμετέρας ἀνδρείας ἡ φήμι, καθάπερ ἐκείνη σαλπίζουσα, ἰκανὴ τὴν οἰκουμένην ἐμπλήσαι, καὶ πᾶσι τοῖς πανταχοῦ μετὰ τῆς ἰσης ἡχῆς προσπεσεῖν. Τὰ γὰρ μεγάλα τῶν πραγμάτων ἐνθα μὲν ἂν γένηται, λαμπρότερον ᾄδεται, πόρρω δὲ ᾄδεται μὲν, οὐχ οὕτω δέ· ἀφ’ ὑμῶν δὲ οὖν οὐχ οὕτως, ἀλλ’ ἡχὴ εὐσημος πανταχοῦ τῆς γῆς ἐξηλήλυθε [Savilius, 3: 166]⁸ – **И не рече, прослѣла сѧ вѣра ваша. но, Промча сѧ, ꙗвлѧи зане ꙗкоже трѣбѣ свѣтѧу звѣчащей близѣ сѣще все исполнаеть сѧ мѣстѧу, такѧ вашего мѣжества слава. ꙗкоже онаѧ трѣбѧщи доволна есть вселеннѣю исполнити, и всѣ^М иже по всюдѣ сѣ равны^М гласѣ припасти. велѣѧ во еци идеже аще бѣдѣ^Т свѣтѧѣ вѣспѣвають сѧ, далече же вѣспѣвають сѧ оубѧ, но не такѧже: Ѡ васѣ же оубѧ не такѧ, но гласѣ бл҃гонарочнѣ^Т всюдѣ по земли изыиде** (л. 376).

⁸ И не сказал он: «распространилась» вера ваша, но «пронеслось», внушая тем, что подобно тому, как глас звучащей трубы наполняет все окрестные места, так и слава о вашей доблести, громкая, точно звук трубный, наполнила всю вселенную и повсюду до всех достигла с равною силою. Великие деяния там, где они совершаются, громогласно бывают прославлены, а в отдалении, хотя и прославляясь, но не так. Но с вами иначе: слава о вас с одинаковою силою разнеслась по всей земле. https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolkovanie-na-pervoe-poslanie-k-fessalonikijsam/2. Дата обращения 17.07.2017.

Выбор глагола в церковнославянском переводе Бесед (**промчасѧ**) обусловлен контекстным переводом, ср. **промъкнуѡтисѧ** ‘разнестись, распространиться’ [СлРЯз XI–XVII вв., 20: 169]. В НЗЕ, как уже было сказано, принят (с изменением приставки на буквальное соответствие греч. ἐκ-) вариант Чудовского Нового Завета, который представляет собой поморфемное калькирование. Значение слова здесь не складывается только из значения компонентов, что делает необходимым отсылку к объяснению переводимой греческой формы, которая содержится как раз в Беседах. Лексема **изгласитисѧ** ‘быть обнаруженным, объявленным’ зафиксирована в соответствии с глаголом *egumpege* в переводе Толковой Псалтыри Брунона Вюрцбургского, выполненном Дмитрием Герасимовым. Невозвратная форма **изгласити** ‘провозгласить, объявить’ отмечается, в частности, в Кормчих [СлРЯз XI–XVII вв., 6: 135–136]. Вариант Бесед опирается на Острожскую Библию, где находим **промчасѧ** (л. 51 об.). В зависящей от нее Библии 1663 г. также читается **промчасѧ** (л. 492 об.). Таким образом, чтение НЗЕ опирается на предшествующую традицию.

К комментариям Бесед отсылает маргинальная помета и в Гал. 3:28: Син. греч. 472 **вси во вы єдинъ^{чб} єсте во хрѣтѣ іисѣ** (л. 352 об.) – πάντες γὰρ ὑμεῖς εἰς ἑστε ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ. Поле: **бѣ** лг^т 1328: **тѣ**.

На соответствующем листе киевского издания Бесед в основном тексте читается **вси во вы єдино єсте въ хѣ ісѣ**. Греческий текст в издании Савилия [Savilius, 3: 743] совпадает с греческим текстом в НЗЕ. При этом в толкованиях при повторе цитаты та же фраза имеет чтение **єдинъ**, как в НЗЕ. Вопреки помете **чб**, чтение **єдинъ** заимствовано из толкований Бесед и является буквальным переводом греч. εἰς. В Чудовском Новом Завете читается **єдино**, как и в основном тексте Бесед (л. 123 б). Именно грамматический буквализм служит в данном случае основанием для выбора чтения, так как отвечает основной переводческой стратегии НЗЕ, заключающейся в максимальном следовании греческому тексту.

Отсылки к Беседам могут даваться и без указания на листы киевского издания. Син. греч. 472 Филим. 1:6 **іакw да ѡбщеніє вѣры твоеѧ дѣйстви́тельно бѣде^т въ познаніи всякагw дѣла бл҃га** (л. 395 об.) – ὅπως ἡ κοινωμία τῆς πίστεώς σου ἐνεργῆς γένηται ἐν ἐπιγνώσει παντός ἔργου ἀγαθοῦ. На поле помета **бѣ**, относящаяся к отсутствию слова «дѣла» в Беседах, далее помета *Lat*. При этом в тексте **дѣла** зачеркнуто киноварью. Ср. Беседа 2-ая **іакw да ѡбщеніє твоеѧ вѣры дѣйстви́тельно бѣде^т въ познаніи всакагw бл҃га** (л. 696) – ἐν ἐπιγνώσει παντός ἀγαθοῦ [Savilius, 4: 416]. Чуд.

яко да оуценыѣ вѣры твоѣя дѣйствовано бѹде^т в разоумѣ всако^ѣ блага (л. 141 г).

Чтение «дела» встречается и в греческих, и в латинских источниках: *omnis <operis> boni* [Nestle-Aland, 1994: 561–562]. Для Евфимия, судя по помете, это связано прежде всего с латинским текстом.

Еще одна отсылочная маргиналия демонстрирует результат сверки текста по нескольким источникам, в число которых входят Беседы.

Син. греч. 472 1 Фес. 5:8 **Мы же днѣ сѣще [сѣше], да трезвимса. ѡдѣявше броню вѣры, и любуе** (л. 378 об.) – ἡμεῖς δὲ ἡμέρας ὄντες [υἱοὶ] νήφωμεν ἐνδυσάμενοι θώρακα πίστεως καὶ ἀγάπης. На поле примечание: **не во всѣ^х. и бѣ^е, не есть.**

Примечание относится к заключенному в так называемые вместины скобки⁹ слову. Сопоставление с киевским изданием 1623 г. показывает, что данное вариантное чтение оформлено там таким же образом: **Мы же [сѣше] сѣще днѣ, трезвѣмъса** (л. 585). На факультативность этого чтения указывает и уменьшение размера шрифта. При этом данный вариант отсутствует в греческом издании Савилия: ἡμεῖς δὲ ἡμέρας ὄντες νήφωμεν [Savilius, 4: 206]. Следовательно, его наличие в киевском издании представляет собой результат самостоятельной критики текста украинскими справщиками, который впоследствии переходит в НЗЕ. Отметим, что данное слово отсутствует и в Чуд. (л. 133 г). При этом оно имеется в Острожской Библии: **Мы же сѣнове сѣще днѣ да трезвимъса** (л. 52 об.)¹⁰, а также в Московской Библии 1663 г. (л. 493)¹¹.

Значительную группу составляют случаи использования чтений Бесед в Посланиях апостола Павла в НЗЕ. В всех этих случаях лексема сопровождается киноварной пометой *бес*. Они могут быть разделены на две подгруппы. В первой из них лексический вариант принят в основной текст посланий НЗЕ:

Син. греч. 472 Филип. 4:19 **бѣтъ же мой да исполнитъ всяко требованіе ваше по богатствѣ своему въ славѣ^е, во хрѣтѣ^е и истѣ** (л. 369 об.) – ὁ δὲ θεὸς μου πληρώσει πᾶσαν χρείαν ὑμῶν κατὰ τὸ πλοῦτος αὐτοῦ ἐν δόξῃ ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ¹². 15-ая Беседа: **Бѣтъ же мой да исплѣнитъ всакое требованіе ваше по богатствѣ своему въ славѣ, ѡ хрѣтѣ ісѣ** (л. 520 об. – 521). Ср. Чуд.

⁹ Этот вид скобок используется, в частности, для вставки вспомогательных слов для прояснения значения контекста [Кузьминова, 2000: 153].

¹⁰ <http://www.vechnoe.info/bible/pdf/1thessalonians/view>. Дата обращения 1.08.2017.

¹¹ <http://dlib.rsl.ru/01003345095>. Дата обращения 03.08.2017.

¹² То же [Savilius, 4: 85].

БѢ же мон да исполни^Т всю потребу^У вашу. по бѣтствоу^У его в славоу^У о х^Сѣ іс^Сѣ (л. 129 в). С Беседами совпадает выбор мест. падежа.

В Колос. 1:10 в одном случае использования Бесед славянские источники опираются на различные греческие чтения, в другом они представляют разный перевод одной и той же греческой лексемы. Син. греч. 472 ходити^{ио} вамъ достоинѣ^Т Гда^{вс} во^{ио} всяко^М дѣлѣ^М благо^М плодоносяще, и растѣще въ познаніе^{вс} бѣа (л. 370 об.) – περιπατῆσαι ἀξίως τοῦ κυρίου εἰς πᾶσαν ἀρεσκείαν ἐν παντί ἔργῳ ἀγαθῷ καρποφοροῦντες καὶ αὐξανόμενοι τῇ ἐπιγνώσει τοῦ θεοῦ¹³. Беседы Гдѣ ходити вамъ достоинѣ Гѣи. въ всякое оугожденіе, въ всякомъ дѣлѣ бѣсѣ плодоносящей, и възрастающей въ познаніе Бжіе (л. 370 об.). Сопоставление чтений с пометой *бес* показывает, что заимствоваться в НЗЕ мог текстологический вариант, а не грамматическая форма (Гда: Гѣи). При опоре на текстологический вариант Бесед грамматическая форма НЗЕ точно передает греч. родительный приименной, как это свойственно никоновской справе в целом.

Чуд. имеет здесь чтение ходити ва^М достоинно бѣ. во всякомъ оугоженнѣ. во всяко^М дѣлѣ бѣсѣ плодоносяще и растѣще в ра^змѣ бѣи (л. 130 б). Чтение Чуд. бѣ ориентировано, вероятно, на вариант *тоῦ θεοῦ, а чтение Бесед, принятое в НЗЕ, на вариант τοῦ κυρίου¹⁴.

Син. греч. 472 Колос. 1:28 оучаще всякаго чѣка во всякой^{вс} мѣдрости^{вс} (л. 371 об.) – διδάσκοντες πάντα ἄνθρωπον ἐν πάσῃ σοφίᾳ¹⁵. Ср. 5-ая Беседа оучащей всякаго чѣка въ всякой Мѣдрѣсти (л. 536). Чуд. оучаще всяко чѣвка во всякоу премѣрѣсть (л. 130 г). Расхождения с Чуд. (и одновременно совпадения с Беседами) проявляются в НЗЕ как на уровне грамматической конструкции (выбор падежа), так и на уровне лексико-словообразовательном (выбор бесприставочного сущ. в соответствии с греческим бесприставочным σοφία).

Во второй подгруппе лексический вариант Бесед расположен в виде глоссы на полях (маргинальное использование).

Син. греч. 472 1 Кор. 2:3 и а въ немоци, и въ боязни, и въ трепетѣ^Т много^М вѣхъ къ вамъ (л. 314 об.) – καὶ ἐν ἀσθενείᾳ καὶ ἐν φόβῳ καὶ ἐν τρόμῳ πολλῷ ἐγενόμην πρὸς ὑμᾶς. Поле: оу васъ. Над этим вариантным чтением сверху киноварная помета злѣ^с бѣ. Это чтение находится в Бе-

¹³ То же [Savilius, 4: 96].

¹⁴ Чтение Deo имеют здесь некоторые латинские источники [Nestle-Aland, 1994: 523].

¹⁵ То же [Savilius, 4: 113].

седе 6-й: **И азъ въ немоци и страстѣ и трепетѣ мнѡсѣ выхъ оу васъ** (л. 157). Греческий текст в издании Савилия не отличается от НЗЕ [Savilius, 3: 274]. Чтение **к ва^М** содержится в Чуд. (л. 108 г).

Син. греч. 472 1 Кор. 12:13 и **вси въ єдино^М дхѣ напои^Мсѡ** (л. 326 об.) – καὶ πάντες ἐν πνεύμα ἑποτίσθημεν. На поле: **то^Т зла^Тсѣ. єдинѣмъ дхѡмъ.**

Маргиналия совпадает с чтением, дважды зафиксированным в 30-ой Беседе, в основном тексте и в комментарии: **єдинѣмъ дхѡмъ** (л. 240 об.). Текст Савилия не расходится с греческим текстом НЗЕ [Savilius, 3: 438].

Отличается от этого чтение Чуд., в котором находится вариант **єдинѣ^М пѣво^М** (л. 113 б), что соответствует греческому чтению πόμα [Nestle-Aland, 1994: 461]. Ссылка на Беседы, очевидна, призвана подкрепить выбор в НЗЕ одного из вариантных чтений.

Син. греч. 472 2 Кор. 5:14 **аще єди^Н за всѡ^Ч ѡмре** (л. 339) – εἰ εἷς ὑπὲρ πάντων ἀπέθανεν. На поле глосса **ω всѣхъ^Б**. Выбор предлога в основном тексте продиктован чтением Чуд. **за всѣ^Ч** (л. 118 а). Ср. Беседа 11-я: **аще єдинъ ω всѣхъ ѡмре** (л. 328). Расхождений с текстом НЗЕ греческое издание Савилия не имеет [Savilius, 3: 608].

Вариативность в передаче греческих предлогов (в частности, в контекстах с целевым и объектным значениями) известна уже по старославянским памятникам [Ходова, 1971: 158–159, 169], так что в НЗЕ расхождения двух источников отражаются в виде критического сведения разных вариантов перевода одного предлога.

В следующих двух случаях обращение к киевскому изданию показывает, что в НЗЕ было принято и основное чтение, и глосса этого источника: Син. греч. 472 Гал. 5:13 **вы во на свободѣ зываете^{сѡ}, братїе: токму да не свободѣ^Б в̑^В винѣ^В плоти, но чрезъ любовь работаете дрѣгъ дрѣгѡмъ** (л. 354 об.) – ὑμεῖς γὰρ ἐπ’ ἐλευθερίᾳ ἐκλήθητε ἀδελφοί· μόνον μὴ τὴν ἐλευθερίαν εἰς ἀφορμὴν τῇ σαρκὶ ἀλλὰ διὰ τῆς ἀγάπης δουλεύετε ἀλλήλοις. На поле глосса к подчеркнутому слову: **вѣ: извѣтъ.**

Ср. Беседа 5-я **Вы же, братїе, на свободѡу звани выте. точїю да не свободѣ^В в̑^В винѣ^В16** плоти [...] **Любовїю работайте дрѣгъ дрѣгъ** (л. 402 об.). Сопоставление с изданием Савилия не показывает расхождений с греческим текстом НЗЕ: εἰς ἀφορμὴν [Savilius, 3: 753]. Чтение **в виноу** содержится, в частности, в Чуд. (л. 124 а).

Те же лексические варианты (**вина – извѣтъ**) в соответствии с ἀφορμή имеются в НЗЕ в Рим. 7:8 и Рим. 7:11. В Син. греч. 472 основным чтением является **извѣтъ**, глоссой – **вина**, что свидетельствует о колебаниях

¹⁶ На поле глосса **извѣтъ**.

в предпочтениях справщиков. Оба варианта присутствуют уже в Син. 718 – толковом переводе Посланий, являющемся источником НЗЕ. При этом **вина** является традиционным чтением, присутствующим в более ранних редакциях ц-слав текста [Пентковская, 2017]. Отметим, что именно **вина** читается в Рим. 7:8 и Рим. 7:11 в Беседах без каких-либо вариантов (Беседа 12-я, л. 63 и 64)¹⁷.

Син. греч. 472 Филип. 4:6 **прошенїа ваша да знателствѣютьса къ бгѣ** (л. 368 об.) – τὰ αἰτήματα ὑμῶν γνωρίζεσθαι πρὸς τὸν θεόν¹⁸. На поле глосса **оу бга** и киноварная помета **бѣ: в полѣ**. Эта помета указывает на то, что из Бесед в НЗЕ перешло не только основное чтение, но и маргинальная глосса.

Приведем чтение 14-ой Беседы: **прошенїа ваша да ѡскажѣются къ бгѣ** (л. 517). На поле: **ѡзнаема сѣ оу бга**. Чтение Острожской Библии совпадает с основным чтением Бесед: **да скажѣются къ бгѣ** (л. 49). Чуд. **прошеїа ваша да познається къ бѣ** (л. 129 б).

Син. греч. 472 Ефес. 1:19 **и кое прѣ ѡзѣще ѡсѣвѣющее величество мощи его** (л. 357 об.) – καὶ τί τὸ ὑπερβάλλον μέγεθος τῆς δυνάμεως αὐτοῦ. Поле: **ѡвыше**¹⁹. В 3-ей Беседе содержится следующее чтение: **Или кое прѣ спѣѣ ѡвѣющее величество силы егѡ** (л. 413 об.)¹⁹. На поле глосса **ѡвышѣ**. Издание Савилия не содержит разночтений с греческим текстом НЗЕ [Savilius, 3: 773]. Таким образом, глосса Син. греч. 472 (**превышшеествовѣющее**) базируется на маргинальном варианте Бесед (**превышающее**), отличаясь от последней формы наличием активно используемого переводчиками Чудовского книжного круга суффикса **-ств-** [Исаченко, 2002: 71].

Частотность прил. **изяцный** и производных от него²⁰ уже отмечалась в исследованиях для переводов книжного круга Епифания Славинецкого с латыни. В качестве тенденции, проявляющейся в переводе Атласа Блау (в части, принадлежащей самому Славинецкому), прил. **изяцный** с про-

¹⁷ Вопрос о том, использовалось ли издание Бесед 1623 г. на Павловы Послания уже в переводе Толковых Посланий Епифанием Славинецким, или же сверка с этим источником проводилась только в НЗЕ, нуждается в отдельном исследовании.

¹⁸ То же [Savilius, 4: 78].

¹⁹ Это чтение, в свою очередь, опирается на предшествующую традицию, ср. Чуд. **и что преспѣюще величье силы егѡ** (л. 125 б).

²⁰ Эти лексемы характерны для определенной группы переводов домонгольского периода, содержащих в своем составе маркированные южнославянизмы [Пичхадзе, 2011: 59, 61, 72].

изводными лексемами употребляется для целого ряда латинских соответствий: **изѡщѣствѣ^Т** – excellit, eminent ‘превосходит’; **преизѡщный** – augustus. Те же глаголы excello и emineo переводятся как **превышаю** в «Лексиконе латинском». В «Лексиконе словено-латинском» Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского для **изѡщный** имеются две параллели – singularis ‘отдельный, особый, единственный в своем роде’ и praestans ‘выдающийся, превосходный’ [Николенкова, 2013: 123–124]. Именно это второе значение (хронологически более раннее) фиксируется для глагола **преизѡществовати** в НЗЕ.

То же соотношение наблюдается в (Ефес. 3:19 **Познати же прѣизѡщѣствѣ^юю знаніѡ любовь^{чю} хрѣтовѣ^{чю}, да исполнитесь во всякѣ^ѣ полность [‘тѣ’] вѣ^юю** (л. 359 об.) – γνώαι τε τὴν ὑπερβάλλουσαν τῆς γνώσεως ἀγάπην τοῦ Χριστοῦ ἵνα πληρωθῆτε εἰς πᾶν τὸ πλήρωμα τοῦ θεοῦ. На поле глосса: **вышша-^{вс}**.

Беседа 7-ая: **Разѡмѣти же прѣспѣ^ююю любовь разѡма хва**. На поле глосса: **выша^в** (л. 425). Текст в издании Савилия не расходится с греческим текстом в НЗЕ [Savilius, 3: 795]. Ср. Чуд. **разоумѣти же преспѣ^ююю разоум^а любо хвоу^в** (л. 126 а).

Син. греч. 472 Филип. 2:18 **тожде же и вы радѣйтесь, и ѣрадѣйтесь мнѣ** (л. 366 об.) – τὸ δὲ αὐτὸ καὶ ὑμεῖς χαίρετε καὶ συχαίρετέ μοι. На поле глосса **томѣжде** с пометой сверху **вѣ**.

Порядок слов в греческом издании Савилия отличается от порядка слов в НЗЕ в сегменте τὸ αὐτὸ δὲ [Savilius, 4: 50]. Этому соответствует чтение 8-ой Беседы **Томѣже и вы радѣйтесь и сѣрадѣйте ми сѡ** (л. 502).

Син. греч. 472 Филип. 4:17 **не такѡ ѡнцѣ^ѣ [глосса взиискѣю] даяніѡ, но нцѣ^ѣ плода ѡмногѣствѣ^ююцагѡсѡ в слово ваше** (л. 369) – οὐχ ὅτι ἐπιζητῶ τὸ δόμα ἀλλ’ ἐπιζητῶ τὸν καρπὸν τὸν πλεονάζοντα εἰς λόγον ὑμῶν²¹. На поле варианты: **множа^{вс}**; **оумножаю-**. Первый из этих вариантов читается в 15-ой Беседе: **Не такѡ нцѡу ... дааніѡ: но нцѡу плода множацагѡ сѡ вѣ слово ваше** (л. 520 об.). Второй вариант принадлежит Чуд. **не тако нцѡ даныѡ. но нцѡу плода оумножающа сѡ вѣ слово ваше** (л. 129 в).

Син. греч. 472 Колос. 2:22 **таже сѣть вся во тлю ѡпотребленіѣ^м по заповѣдемъ^{чю} и ѡченіемъ^{чю} челоувѣкѡвѣ^ѣ** (л. 372 об.) – ἃ ἐστὶν πάντα εἰς φθορὰν τῇ ἀποχρήσει κατὰ τὰ ἐντάλματα καὶ διδασκαλίας τῶν ἀνθρώπων²². На поле глоссы: **ѡдоволеніемъ^{вс}**. **ческимъ^{чю}**.

²¹ То же [Savilius, 4: 85].

²² То же [Savilius, 4: 124].

Чтение Бесед: **ІАже сѣтъ вса въ Тленіе оудовленіемъ, по заповѣдѣ^х и оученіа^х человекѣски^х** (л. 541 об.). Чуд. **іаже естъ вса во истлѣныи вкоушаныи^м по заповѣдѣ^м и оученію^н члвчскоу** (л. 131 а). Расхождение род.п. приименной в НЗЕ и прил. в двух предшествующих источниках является системным и связано с выравниванием грамматических отношений по образцу греческого управления, возведенным в норму никоновскими справщиками [Успенский, 2002: 451–458].

Син. греч. 472 Колос. 3:25 **ввидѣй же ѿнесетъ^{вѣ} еже ввидѣ, и не естъ лицепріятіе^{чѣд}** (л. 374) – *ὁ γὰρ ἀδικῶν κομίσεται ὃ ἡδίκησεν καὶ οὐκ ἔστιν προσωπολήψια*²³. На поле глосса **пріиметъ**. Ср. 10-ая Беседа: **А ввидѣй, ѿнесетъ еже обидѣ: и нѣсть лицѹ обвиновеніе оу Ба** (л. 550). Чуд. **явля- ется источником маргинальной глоссы НЗЕ: обидѣи же. пріимѣ еже обидѣ. и нѣ лицепримства** (л. 131 в).

Син. греч. 472 1 Фес. 5:11 **Тѣмъ^{чѣд} ѡтѣшайте дръгъдрѣгы, и созидай- те еднѣ^{нѣ} единого^{вѣ}** (л. 379) – *διὸ παρακαλεῖτε ἀλλήλους καὶ οἰκοδομεῖτε εἰς τὸν ἑνα*²⁴. Беседа 9-ая **Тѣмъже оутѣшайте дръгъдрѣга, и съзидайте еднѣ^{нѣ} единого** (л. 585 об.). Ср. Чуд. **Тѣмъ оутѣшанте дроу^г дроуга и съзи- данте** (133 г).

Син. греч. 472 1 Фес. 5:14 **поѣмante немоцныи, долготерпите ко всѣмъ** (л. 379) – *ἀντέχεσθε τῶν ἀσθενῶν μακροθυμεῖτε πρὸς πάντας*²⁵. Поле: **пріемante: вѣ: злаѣ**. Ср. 10-ая Беседа: **въсприемѣте немоцныи, долготерпѣте къ всѣмъ** (л. 587 об.). При включении в основной текст НЗЕ вариант Бесед подвергся обработке, которая заключалась в усече- нии первой приставки. Продиктовано это было стремлением к формаль- ному соответствию числа морфем в греческом и славянском слове.

Син. греч. 472 2 Фес. 1:11 **во еже и молимса всегда ѡ васъ** (л. 380 об.) – *εἰς ὃ καὶ προσευχόμεθα πάντοτε περὶ ὑμῶν*²⁶. Поле: **за еже^{вѣ}**. Беседа 3-я: **Заеже и млимса всегда во ва^с** (л. 598).

Син. греч. 472 2 Фес. 2:4 **Противяйся^{чѣд}, и превышаянса на^{чѣд} всяго глѣмаго бѣа, или чествилице, іакоже емѣ^{чѣд} во храмѣ вѣжемъ іакѡ** [на поле: **акнѣ^{вѣ} бѣѣ сѣсти. показѹющѣ^{вѣ} себесамаго іакѡ естъ бѣѣ** (л. 381) – *ὁ ἀντικείμενος καὶ υπεραίρόμενος ἐπὶ πάντα λεγόμενον θεὸν ἢ σέβασμα ὥστε αὐτὸν εἰς τὸν ναὸν τοῦ θεοῦ καθίσαι ἀποδεικνύοντα ἑαυτὸν ὅτι ἔστιν θεός*²⁷.

²³ [Savilius, 4: 140] add. *παρὰ τῷ Θεῷ*.

²⁴ То же [Savilius, 4: 207].

²⁵ То же [Savilius, 4: 211].

²⁶ То же [Savilius, 4: 230].

²⁷ То же [Savilius, 4: 232].

Беседа 3-я Противникъ и превъзносай сѧ на^д всакаго глѣмага Бѣа или чтиница, такъ иакоже емѸ сѣсти въ Церкви Бѣей, аки БогѸ, показѹющѸ себе иакъ богѸ естъ (л. 599)²⁸. Чуд. противлѣнса и превземлѣнса на всакаго глѣмага бѣа. ли чистище. иакѸ^ж емоу въ цѣкви бѣи сѣсти. и показати себе иакѸ естъ бѣъ (л. 134 г).

Син. греч. 472 2 Тим. 1:3 бѣгодать имѧ^м бѣѸ, емѸже сѧжѸ ѿ прародителѣй вѣ чистѣй совѣсти (л. 388 об.) – χάριν ἔχω τῷ θεῷ ᾧ λατρεύω ἀπὸ προγόνων ἐν καθαρᾷ συνειδήσει²⁹. На поле: бѣгодарю^{вѣ} бѣѸ. чистою совѣстїю^{чѸ}. Беседа 1-ая БѣгодарѸ БѸ, емѸже сѧжѸ ѿ Прародителѣй чистою совѣстїю (л. 650). Чуд. хвалѸ имамѸ бѣи емоу^же слоужю ѿ прародитель чѣю сѣстїю (л. 138 г). Маргинальный вариант НЗЕ, заимствованный из Чуд., совпадает с чтением Бесед и представляет собой традиционный (существовавший до так называемых правленных редакций XIV в.) перевод конструкции ἐν + Dat. с помощью беспредложного тв.п. Чтение основного текста НЗЕ (въ + м.п.), являющееся калькой, продолжает практику редакций и переводов XIV в., а также Максима Грека [Кравец, 1991: 259–260], [Норовская Псалтырь, 1989, I: 73–74].

Син. греч. 472 Тит 3:1 ѿпо^дминай тыѧ ѿначаломѸ и властемѸ по^дчинятисѧ (л. 394 об.) – ὑπομνήσκε αὐτοὺς ἀρχαῖς καὶ ἐξουσίαις ὑποτάσσεσθαι³⁰. На поле: ѿвоспо^д. ѿначалствомѸ^{вѣ}. Беседа 5-ая Вѣспоминай тѣмѸ, начальствомѸ и властемѸ повиноватисѧ (л. 688 об.). Чуд. Вспоминани имѸ началѸ^м и властемѸ покаратисѧ (л. 141 а).

Син. греч. 472 Тит. 3:2 несварливы^м быти, кроткимѸ (л. 394 об.) – ἀμάχους εἶναι ἐπεικεῖς³¹. Поле тихымѸ^{вѣ}. Беседа 5-ая Ни сварливомѸ быти ... ТихомѸ (л. 689 об.). Чуд. быти смотреливомѸ (л. 141 б).

²⁸ В орфографии данного стиха обращает на себя внимание дифференциация написаний лексемы **БогѸ** в зависимости от значения в контексте не только с помощью титла [Успенский, 2002: 314–315], но и с помощью прописной/строчной буквы: **показѹющѸ** себе иакъ богѸ естъ ‘выдавая себя за бога’, **но превъзносай сѧ на^д всакаго глѣмага Бѣа** ‘превозносящийся выше всего, называемого Богом’. Отметим также расхождение **въ Церкви** **во храмѣ** для перевода εἰς τὸν ναόν. Создатели НЗЕ следуют в своем словоупотреблении в данном случае за Максимом Греком, который, в свою очередь, опирается на практику, сложившуюся в период книжной sprawy у южных славян в XIII–XIV вв. [Кравец, 1991: 262–264], [Пентковская, 2011: 388–389]. Беседы же воспроизводят узус собственно афонской редакции Нового Завета [Пентковская, 2011: 389].

²⁹ То же [Savilius, 4: 330].

³⁰ То же [Savilius, 4: 402].

³¹ То же [Savilius, 4: 402].

Син. греч. 472 Евр. 2:3 **какъ мы избѣжимъ, толикагѡ^{чб} ѿ нерадивше^ѿ спасенїа; еже начало прїемше^ѿ гл҃атиса чрѣ Гд҃а** (л. 398) – πῶς ἡμεῖς ἐκφευξόμεθα τηλικαύτης ἀμελήσαντες σωτηρίας ἣτις ἀρχὴν λαβοῦσα λαλεῖσθαι διὰ τοῦ κυρίου³². Маргиналии: **ѡ толицѣ^{мѣ} нерадивше сп҃сенїи ... гд҃емъ^{чб} ѿ^ѿ вѣ**. Беседа 3-я **Какъ мы избѣжимъ, ѡ толицѣ^{мѣ} нерадивше сп҃сенїи: еже зачало прїемше^ѿ гл҃атиса Гмъ** (л. 710). Чуд. **како мы оубѣжимъ. толика небрегше сп҃сныа. иже коє зачало прїимши гл҃атиса гд҃емъ** (л. 143 б).

В ряде стихов заимствования из Бесед комбинируются с заимствованиями из НВЗ 1593 г.: Син. греч. 472 Колос. 2:20 **аще ѡбѡ ѡмросте со хр҃томъ, ѡ ст҃ихи мїра, что іакъ живѡще в мїрѣ догматствѡетесе;** (л. 372 об.) – εἰ οὖν ἀπεθάνετε σὺν Χριστῷ ἀπὸ τῶν στοιχείων τοῦ κόσμου τί ὡς ζῶντες ἐν κόσμῳ δογματίζεσθε. На поле варианты: **Ѹставы прїемлете^ѿ. Ѹставмъ^{вѣ}ко поддаетея.**

Беседа 7-я **Аще оубѡ оѡмросте съ Хмъ ... ѡ ст҃ихи мїра почто акн живѡщей в мїрѣ Ѹставы прїемлете** (л. 541 об.) – εἰ οὖν ἀπεθάνετε σὺν Χριστῷ ἀπὸ τῶν τοῦ κόσμου στοιχείων ... τί ὡς ζῶντες ἐν κόσμῳ δογματίζεσθε [Savilius, 4: 123].

Отсылка **вѣ**ко указывает на издание НЗВ 1593 г.: Jeſliście tedy umarli z Chrystusem / od elementow tego swiatá: przeczcie ieſzcze iákoby żywiąc ná ſwiećcie ſkázuiecie: (л. 699). На поле глосса: G. ábo, vſtáwám ſię poddaiecie. Помета G в НЗВ отсылает к греческому тексту Нового Завета. Действительно, в Колос. 2:20 латинский и греческий текст расходятся: греч. δογματίζεσθε соответствует лат. decretis subicimini. Это несовпадение плана выражения отражается в маргиналиях как НЗВ, так и НЗЕ. Таким образом, в систему маргиналий НЗЕ включается, наряду с маргиналиями Бесед, и маргиналия польского источника.

На левом поле Син. греч. 472 киноварью проставлена цифра «256» – это указание на зачало. Это соответствует указанию Бесед (**За^ч сн҃с**). Подобное остаточное сохранение зачал как след использования толкового текста отмечается также в уже упоминавшемся кодексе Матфея Десятого [Ромодановская, 2017]. Однако в данном случае номер зачала проставлен цифрами, в отличие от Бесед. Обозначение зачала цифрами находится в издании Нового Завета Я. Вуйка: Zácz: 256 (л. 699).

Син. греч. 472 Евр. 13:22 **молю же вы, братїе, воспрїимите слово Ѹтѣшенїа, и бо краткими^ѿ послахъ^ѿ вамъ** (л. 412 об.) – παρακαλῶ δὲ ὑμᾶς ἀδελφοί ἀνέχεσθε τοῦ λόγου τῆς παρακλήσεως καὶ γὰρ διὰ βραχείων

³² То же [Savilius, 4: 444].

ἐπέστεila ὑμῖν³³. Поле: кратк^кв^ки^и. Беседа 34-ая **Млѣ же ва^с, братїе, прїимѣте слово оу^тѣшенїа. ибо кра^ткими посла^х ва^м (л. 795). Чуд. Молю же вы бра^тк^е. прїимѣте слово оу^тѣшенїа. ибо малыми написа^х ва^м (л. 148 г).** НЗВ 1593 A proŕę was brácia ábyście zá dobre przyięli poćiebenia. Bomci do was krotko nápijał (л. 782).

Сочетание двух указанных выше принципов использования чтений Бесед находится в следующем фрагменте: Син. греч. 472 I Фес. 3:12 **васъ же гдѣ да ѡмножит^т, и изъвѣнствѣ^т любовію ко дрѣгѣ^т дрѣгѣ^м, и ко всѣмъ, іакоже и мы къ вамъ^{вс} (л. 375 об.)** – ὑμᾶς δὲ ὁ κύριος πλεονάσαι, καὶ περισσεύσαι τῇ ἀγάπῃ εἰς ἀλλήλους. καὶ εἰς πάντας. καθάπερ καὶ ἡμεῖς εἰς ὑμᾶς. На поле к лексеме **изъвѣнствѣ^т** подведены глоссы: **изъбыточѣ^{вс} изълишше^{чюа}**. Отметим, что оба варианта, находящиеся в глоссах, зафиксированы для περισσεύω в триязычном лексиконе Епифания Славинецкого ГИМ, Син. греч. 383 (л. 555 об.). Вариант **излишствѣ^тъ** взят из Чуд. (л. 133 б), как и свидетельствует помета.

Беседа 4-ая: **Васъ же Гѣ да оумножитъ, и да изъбыточествитъ** [глосса *испони^т любовію дрѣга къ дрѣгѣ^т и къ всѣмъ, іакоже и мы къ ва^м (л. 572 об.)]. Глосса на поле точно соответствует глоссе греческого издания Савилия: Ὑμᾶς δὲ ὁ Κύριος πλεονάσαι, καὶ περισσεύσαι τῇ ἀγάπῃ εἰς ἀλλήλους καὶ εἰς πάντας, καθάπερ καὶ ἡμεῖς εἰς ὑμᾶς [Savilius, 3: 182]. Ниже в комментариях перевод **да изъбыточествитъ** повторен без вариантов.

Чтение **къ вамъ** соответствует переводу Бесед (на что указывает помета над словом), в Чуд. читается в **ва^с** (л. 133 б). Таким образом, чтение Бесед в данном случае принято в основной текст НЗЕ и не сопровождается вариантами.

Рассматриваемые глоссы, таким образом, представляют собой подбор разночтений из авторитетных источников. Сначала производится предварительная оценка и отбор источников (эксплицитно эта оценка дана в предисловии к Унд. 1291, составленном Евфимием Чудовским), а на втором этапе (собственно перевода-редактуры) из этих источников подводятся варианты, каждый из которых снабжается соответствующей пометой, указывающей на источник заимствования. Результат обнаруживает сходство с современными критическими изданиями. Таким образом, разночтения становятся важнейшей частью критического аппарата НЗЕ.

Таким образом, в отличие от Толкований Феофилакта Болгарского на Послания в переводе Епифания Славинецкого, который использо-

³³ То же [Savilius, 4: 603].

вался в НЗЕ целиком в своей основной части, Беседы на Послания апостолов, как это декларировалось в предисловии к Унд. 1291, привлекались справщиками для сверки определенных чтений. В маргиналии НЗЕ, а также в основной его текст попадают не только буквальные чтения Бесед, приближающие к греческому оригиналу, но и альтернативные варианты. Цель отбора чтений – продемонстрировать разнообразие способов перевода. Такая система маргиналий принята в НЗВ 1593 г., который был одним из источников НЗЕ. Следовательно, можно предположить для данного принципа организации текста ориентацию на критические издания польских переводов Нового Завета, и в первую очередь на НЗВ 1593 г., и шире – на западноевропейские библейские издания. Появление в русской церковнославянской традиции маргиналий с вариантами чтений отражает прямое влияние издательской практики раннего Нового времени.

Выявленные принципы использования издания Бесед 1623 г. могут комбинироваться, сочетая одновременное обращение к лексическим данным с отсылки к определенному фрагменту текста: Син. греч. 472 2 Тим. 2:21 **аще ѱѡ^{ωδ} кто ѱчи^исти^т себесамаго ѱ си^{хъ}, вѣдетъ сосѣдъ ѳ^ѳ честь, ѡсвятѣнъ, и блгопотребѣ^н владыцѣ, на всякое дѣло блго^ѳготованъ** (л. 390 об.) – *ἐὰν οὖν τις ἐκκαθάρῃ ἑαυτὸν ἀπὸ τούτων ἔσται σκεῦος εἰς τιμὴν ἡγιασμένον εὐχρηστον τῷ δεσπότη εἰς πᾶν ἔργον ἀγαθὸν ἡτοίμασμένον*³⁴. Маргиналия **бѣ: лг^т 2589 ѱчи^и**.

Беседа 6-ая **Аще оуѡм кто ѡчиститъ себе ѱ си^{хъ}, вѣдетъ съсѣдъ въ честь ѡсѣнъ, блгопотребенъ влѣдцѣ, на всякое дѣло блго оуготованъ** (л. 662 об.).

Отсылка, однако, ведет не к листу с основным текстом стиха, но к столбцу комментария, в котором обсуждается выбор глагольной формы: **аще оуѡм кто ѡчиститъ себе, рече. не рече, ѡчиститъ, но Исчиститъ, сирѣчь, всеконечнѣ ѡчиститъ** (л. 663, стлб. 2589)³⁵ – *ἐὰν οὖν τις ἐκκαθάρῃ ἑαυτὸν, φησίν. Οὐκ εἶπε, Καθάρῃ, ἀλλ’ ἐκκαθάρῃ, τούτεστι, παντελῶς καθάρῃ* [Savilius, 4: 354]. Противопоставление бесприставочной/приставочной формы греческого оригинала (*καθάρῃ/ἐκκαθάρῃ*) заменяется в церковнославянском переводе Бесед противопоставлением приставок **о-/иъ-**, первая из которых, очевидно, имеет

³⁴ То же [Savilius, 4: 353].

³⁵ Кто, – говорит, – будет чист от сего; не сказал: будет очищать, но: будет чист, то есть очистит совершенно. https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-timofeju/#sel=60:510,60:526. Дата обращения 26.07.2017.

в данном случае только видовое значение, а вторая – достижение крайнего предела в развитии действия, «тотальный способ действия» (ср. [Годизова, 2007: 105]).

Указание в Син. греч. 472 номера столбца Бесед с соответствующим рассуждением свидетельствует, по всей вероятности, о том, что в НЗЕ предполагалось включить данный комментарий Златоуста (примеры такого включения см. ниже) для разъяснения выбора глагольной лексемы. Ср. 1 Фес. 1:8, где также приводится номер столбца, в котором содержится релевантный комментарий.

Кроме того, как и в случае с Толковыми Посланиями, в маргиналиях НЗЕ в части Посланий Син. греч. 472 присутствуют выписки из комментариев Бесед.

Рим. 6:3–4 или не^свѣжествѣте ꙗкѡ елици кр^стихомса во х^са Іиса, въ смер^сть тогѡ кр^стихомса; съпогребохомся ѡбъ томѡ чрезъ кр^сщеніе въ смер^сть (л. 298) – ἢ ἀγνοεῖτε ὅτι ὅσοι ἐβαπτίσθημεν εἰς Χριστὸν Ἰησοῦν εἰς τὸν θάνατον αὐτοῦ ἐβαπτίσθημεν συνετάφημεν οὖν αὐτῷ διὰ τοῦ βαπτίσματος εἰς τὸν θάνατον. На поле киноварью указание на зачало – 91 (отметим еще раз, что зачала в киевском издании даны кириллическими буквами)³⁶, а также вклейка: елици во х^ста кр^стихомса, ѡ смер^сти егѡ кр^стихомса; съпогребохомся емѡ кр^сщеніе ѡ смер^сти. еже и сказѡ златѡустъ с^т кр^стъ быти кр^сщеніе. еже ѡбъ кр^стъ х^свъ и грѡбъ, с^{іе} намъ бысть кр^сщеніе. вѣ рѡ. І. за. ч^а. л^і, р^{нѡ}.

Выписка сделана из Беседы 10-ой в киевском переводе: За: ч^а. Или неразумѣете во рече, братіе, ꙗкѡ елици въ х^са кр^стихѡмъса, въ см^срть его кр^стихѡмъса; съпогребохѡм са емѡ кр^сщеніе въ см^срть <...> Кр^стъ во ест^ь Кр^сщеніе. еже оубѡ Кр^стъ х^свъ и Грѡбъ, с^{іе} намъ бысть Кр^сщеніе (л. 54 об.)³⁷ – ἢ ἀγνοεῖτε γάρ, φησὶν, ἀδελφοί, ὅτι ὅσοι εἰς Χριστὸν ἐβαπτίσθημεν εἰς τὸν θάνατον αὐτοῦ ἐβαπτίσθημεν; Συνετάφημεν αὐτῷ διὰ τοῦ βαπτίσματος εἰς τὸν θάνατον <...> σταυρὸς γάρ εἰσι τὸ βάπτισμα. Ὅπερ οὖν ὁ σταυρὸς τῷ Χριστῷ καὶ ὁ τάφος, τοῦτο ἡμῖν τὸ βάπτισμα γέγονεν [Savilius, 3: 75].

Текст в столбце НЗЕ и текст вклейки различаются рядом форм: не^свѣжествѣте: неразумѣете (ἀγνοεῖτε); тогѡ: его (αὐτοῦ); томѡ:

³⁶ Ср. НЗВ 1593: Zaczá: 91. (л. 541).

³⁷ Или не разумеете, – братья, говорит он, – яко елицы во Христа... крестихомся, в смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещением в смерть» <...> крещение есть крест. Чем для Христа был крест и гроб, тем для нас стало крещение. https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_63/10#sel=46:1,47:120. Дата обращения 26.07.2017.

εμὸς (αὐτῷ); **чрезъ крѣщеніе: крѣщеніе^М** (διὰ τοῦ βαπτίσματος). Эти различия вызваны разницей в переводах определенной греческой лексемы или конструкции. Еще одно расхождение объясняется разницей в греческом оригинале: **Ѹѡ** = οὖν в НЗЕ и отсутствие этой частицы в Беседах. Тем же вызвана и разница **во х̑а І̑са** = εἰς Χριστὸν Ἰησοῦν и **во х̑рта** = εἰς Χριστὸν. Различие в порядке слов также восходит к разнице греческих оригиналов: **кр̑тихом̑са во х̑а І̑са** = ἐβαπτίσθημεν εἰς Χριστὸν Ἰησοῦν и **во х̑рта кр̑тихом̑са** = εἰς Χριστὸν ἐβαπτίσθημεν.

Сопоставление с текстом Бесед показывает, что во вклейке произведена небольшая перестройка фразы (**быти : есѣ**), связанная с введением в выписке метатекстового элемента (**еже и сказѣ^Т златоустъ с̑**). Подобная адаптация производилась и при выписке комментариев из толковых Посланий [Пентковская, 2017].

Еще одна выписка в Син. греч. 472 приходится на 2 Кор. 12:8: **ѡ семъ трици Г̑да молихъ, да Ѡстѣпитъ^{мо} Ѡ мене** (л. 347) – ὑπὲρ τοῦτου τρίς τὸν κύριον παρεκάλεσα ἵνα ἀποστῇ ἀπ’ ἐμοῦ. На поле: **Не понесе навѣтвѣъ, пакъ трѣждашеся, и моленія требоваше ѡ изъбавленіи. бѣ, к̑з на к̑ корі. Ѣ посланіе, на главѣ, ѡ.** Ср. Беседа 26-ая **Ѡ семъ трикраты Г̑а м̑лихъ <...> не понесе навѣты, пакъ трѣждаше с̑а, и м̑ленія требоваше ѡ изъбавленіи** (л. 367)³⁸ – ὑπὲρ τοῦτου τρίς τὸν κύριον παρεκάλεσα <...> οὐκ ἔφερε τὰς ἐπιβουλάς, ὅτι ἔκαμνε, καὶ δεήσεως ἐδεῖτο ὑπὲρ ἀλλαγῆς [Savilius, 3: 684]. Расхождение между текстом выписки и полным текстом Бесед касается только грамматической формы **навѣтвѣъ: навѣты**. Переводчики НЗЕ в данном случае используют окончание **-овъ** в форме род.п. мн.ч. сущ., что типично, в частности, для никоновской книжной sprawy [Успенский, 2002: 451–452].

Приемы работы с этими выписками (частичное изменение мелких элементов исходного текста для его адаптации) те же, что и с выписками из толкований к посланиям. Отметим, что среди вклеек в НЗЕ, помимо выдержек из Толковых Посланий и Бесед, присутствуют также выписки из сочинений Григория Богослова, Толкового Евангелия Феофиakta Болгарского, Епифания Кипрского, над текстами которых работали чудовские книжники [Исаченко, 2015: 171–180]. Пользуясь терминологией,

³⁸ Приведем общий контекст: И это показывает великое смирение (апостола), когда он не скрывает того, что не выносил вражеских наветов, но изнемогал и молился об освобождении от них. https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_65/26#sel=23:1,23:407. Дата обращения 28.07.2017.

предложенной в [Темчин, 2016: 105–113, 117], определим эти выписки как экзегетические дополнения (ср. [Исаченко, 2015: 171]).

Каково функциональное предназначение этих маргиналий? По всей вероятности, они должны были дополнять основной текст Нового Завета, комментируя реалии в одних случаях и разъясняя богословский смысл в других. Аналогичная организация текста (глава – комментарий к избранным местам главы) содержится в различных польских изданиях Библии, причем это может быть комментарий, располагающийся после главы основного текста (как, например, в издании в Новом Завете Якоба Вуйка 1593 г.), а может быть маргинальный комментарий (как, например, в Новом Завете Мартина Чеховича 1577 г.).

Более ранний частичный аналог подобных маргиналий в восточнославянской традиции образует справочный аппарат Геннадиевской Библии и кодекса Матфея Десятого [Ромодановская, 2004].

Перейдем теперь к рассмотрению использования в НЗЕ Бесед на Деяния издания 1624 г. Син. греч. 472 в части Деяний не содержит отсылки к Беседам (в этой части рукописи отсылки даются только на Чудовский Новый Завет с помощью пометы **чюд**). При этом Деяния апостольские содержатся также в Син. греч. 473, и в этой рукописи имеются отсылки к киевскому изданию Деяний. Такое расхождение в пометах двух рукописей не является случайным.

Т. А. Исаченко полагает, что четвероевангелие и Деяния апостольские (лл. 1–190 Син. греч. 473) и Послания апостольские с Апокалипсисом (лл. 291–469 Син. греч. 474) составляли одно целое и были разъединены при переплетении рукописей (после 1704 г.) [Исаченко, 2015: 168–169, 163]. При этом Син. греч. 473 представляет собой корректурный экземпляр игумена Сергия с правкой Евфимия Чудовского, которому принадлежат маргинальные пометы [Исаченко, 2015: 164, 170]. Единство ссылок на киевские издания Бесед в Деян. Син. греч. 473 и Павловых Посланий Син. греч. 472, с одной стороны, и отсутствие таких ссылок в Деян. Син. греч. 472 (по мнению Т. А. Исаченко, чистовом экземпляре НЗЕ) подтверждает этот вывод. Отсутствие пометы «бес» в данной части Син. греч. 472 при регулярном использовании пометы «чюд» позволяет видеть в этом факт своеобразной идеологической правки в предполагаемом чистовом экземпляре НЗЕ, нацеленной на устранение ссылок на источник немосковского происхождения.

Соотношение помет двух списков НЗЕ видно, в частности, из следующего примера:

Син. греч. 473	Син. греч. 472	греческий текст НЗЕ
Деян. 2:47 хвалаще бѣа, и имѹще бѣгѣть Ѹ всегѡ люда. Гдѣ же прилагаше спасаемыя на вся^к день цркви (л. 151). Поле: ѡмыя ^н бѣ. дѣя ^н . (дважды). чю ^д .	Деян. 2:47 хвалаще бѣа, и имѹще бѣгѣть Ѹ всегѡ люда [поле: кѣ всемѹ людѹ]. Гдѣ же прилагаше спасаемыя^{чю} на вса^кчю^д день цркви (л. 232 об. – 233)	αἰνοῦντες τὸν θεὸν καὶ ἔχοντες χάριν πρὸς ὅλον τὸν λαόν ὁ δὲ κύριος προσετίθει τοὺς σωζομένους καθ' ἡμέραν τῇ ἐκκλησίᾳ ¹ .

Ср. Беседа 7-я: **Хвалаще Ба, и имѹще бѣгѣть Ѹ всѣхъ людий <...> Гѣ же, рече, прилагаше по вса дни спсаемыхъ цркви** (л. 52). Чуд. **хвалаще Ба и имѹще бѣгѣть ко всѣмъ людѣ^м. Гѣ же прѣлагаше спсаемыхъ на днь цркви** (60 а).

Сопоставление источников показывает, что в основной текст НЗЕ принимается чтение с предлогом **оу**, основанное на конструкции Бесед (**Ѹ всегѡ люда** на базе варианта **Ѹ всѣхъ людий**)⁴⁰. Вариант с предлогом **кѣ** восходит Чуд. Ср. 1 Кор. 2:3 с подобной вариативной передачей *πρὸς*. К этому последнему источнику относится также выбор предлога **на** вместо **по** для передачи греч. *καθ' ἡμέραν*. При этом в Син. греч. 472 (чистовом экземпляре) при сохранении тех же чтений остаются только пометы **чю^д**.

Син. греч. 473 Деян. 7:59 **и каменовергахъ** [поле: **мета**] **стефана, призывающа и гл҃юща, гд҃и и҃сѣ, прїими дх҃а моего** (л. 158 об.) – καὶ ἐλιθοβόλουν τὸν Στέφανον ἐπικαλούμενον καὶ λέγοντα κύριε Ἰησοῦ δέξαι τὸ πνεῦμά μου. Поле: **вѣ: дѣя^н: призывающа**. Син. греч. 472 то же чтение, но без ссылок на Беседы. Та же глосса на поле **мет** [сверху: **чю^д**]. Чуд. **и каменѣ^м метахѹ стефана. молѹща и гл҃ща. г҃и и҃сѣ. прїими дх҃ъ мой** (л. 63 б).

Беседа 18-я: **И каменѣмъ повивахѹ СТѢфана, призывающа [Ба] и гл҃юща: Г҃и Іс Хѣ, прїими Дх҃ъ мой** (л. 103 об.) – Καὶ ἐλιθοβόλουν τὸν Στέφανον ἐπικαλούμενον [τὸν Θεὸν] [Savilius, 4: 711]. Таким образом, маргинальный вариант для ἐλιθοβόλουν взят из Чуд., выбор же причастной формы обусловлен чтением Бесед. Чтение, присутствующее не во всех источниках, заключено в Беседах во вместины скобки.

Выбор падежа в чтении в НЗЕ, по всей вероятности, зависит от НЗВ 1593 г.: *Y kámionowáli Szczepaná zwywáiącego á mowiącego: Pánie Jesu/ przyimi duchá moiego* (л. 424). Аналогичный случай представляет собой

³⁹ То же [Savilius, 4: 647–648].

⁴⁰ О лексеме **людѣ** в НЗЕ см. [Пентковская, 2016: 200].

перенос управления в Рим. 8:15 (но приѣсте дѣха - áleście wzięli duchá) [Пентковская, 2017].

Син. греч. 473 Деян. 8:18 видѣвъ же сѣмъ^н ѿкъ чре^з воложеніе рѣкъ апѣолскихъ, даѣтся дѣхъ сѣтый, принесѣ имъ имѣніѣа (л. 159) – ἰδὼν δὲ ὁ Σίμων ὅτι διὰ τῆς ἐπιθέσεως τῶν χειρῶν τῶν ἀποστόλων δίδεται τὸ πνεῦμα προσήνευκεν αὐτοῖς χρήματα⁴¹. Поле: пѣнази. бѣ. дѣя.⁴² То же чтение сохраняется в Син. греч. 472, однако маргинальная глосса для имѣніѣа (здесь без исправлений представлена форма мн.ч.) отсутствует. На поле при этом выписано вариантное чтение воложеніѣ^м с пометой чю^д. При этом Чуд. имеет здесь чтение вѣлаганы^м (л. 63 г), а маргинальный вариант Син. греч. 473 совпадает с Беседами. Беседа 18-ая: Видѣ же сѣмъ^н, ѿкъ вѣоложеніѣмъ рѣкъ апѣолскихъ, даѣтъ сѣ дѣхъ сѣтый, принесѣ имъ Пѣназѣ (л. 104 об.).

Аналогичное соотношение вариантов представлено в Син. греч. 473 в Деян. 8:20: Петръ же рече ѿ немѣ, сребро твоѣ с тобою да вѣдѣ ѣ погнѣбель, занѣ да бѣй вѣмнѣси пѣнями (!) [над словом: имѣніѣ] стяжати (л. 159 об.) – Πέτρος δὲ εἶπεν πρὸς αὐτόν τὸ ἀργύριόν σου σὺν σοὶ εἴη εἰς ἀπόλειαν ὅτι τὴν δωρεὰν τοῦ θεοῦ ἐνόμισας διὰ χρημάτων κταῖσθαι⁴³. Поле: бѣ. дѣя.^н пѣназми. Син. греч. 472 вѣмнѣси имѣніѣ стяжати (л. 243 об.). Поле: чре^з имѣніѣ. Беседа 18-ая: Сребро твоѣ, ѿ тобою да вѣдѣтъ вѣ погнѣбель, ѿкъ Даръ Бѣй непщеваль еси, Пѣназми стяжати (л. 104 об.).

Как и в случае Посланий, в Деяниях также встречаются ссылки на Беседы 1624 г. без выписок текста: Син. греч. 473 Деян. 8:1 вси же расѣяшася по странамъ ѿден и самарин, кромѣ апѣвъ (л. 158 об.) – πάντες δὲ διεσπάρησαν κατὰ τὰς χώρας τῆς Ἰουδαίας καὶ Σαμαρείας πλὴν τῶν ἀποστόλων. Поле: бѣ. дѣя.^н В Син. греч. 472 читается тот же текст, однако ссылки на Беседы нет. Беседы И вси расѣлахѣса по странахъ ѿдейскахъ и Самаринскахъ кромѣ апѣ (л. 170) – Καὶ πάντες διεσπάρησαν κατὰ τὰς χώρας τῆς Ἰουδαίας καὶ Σαμαρείας, πλὴν τῶν ἀποστόλων [Savilius, 4: 712]. При этом в комментариях при повторном цитировании данного стиха употреблена форма расѣлашася, как и в НЗЕ. В соответствующем комментарии обосновывается правдивость сведений о гонениях на апостолов. По всей вероятности, ссылка дается именно на эту информацию в комментариях, как и в ряде случаев в Посланиях.

⁴¹ То же [Savilius, 4: 713].

⁴² О лексеме пѣназѣ в НЗЕ см. [Пентковская, 2016: 202].

⁴³ То же [Savilius, 4: 714].

Наконец, влиянием киевского перевода Бесед на Деяния может объясняться в НЗЕ перевод-транслитерация названия афинского Ареопага (хотя пометы, прямо указывающие на такое влияние, отсутствуют, а орфографическое оформление различается). В славянской традиции утвердился ошибочный перевод этого названия как **Арневъ ледъ**, представленный в разных редакциях Апостола (Деян. 17: 19 и 22) [Алексеев, 1999: 75–77; Пентковская, 2015: 209–213]. Транслитерированный вариант этого названия в НЗЕ выглядит как **на Арїевъ пагъ** – ἐπὶ τὸν Ἀρεῖον Πάγον, **по средѣ арїева пага** – ἐν μέσῳ τοῦ Ἀρεῖου Πάγου Син. греч. 473 (л. 174) и Син. греч. 472 (л. 262). В Беседах находим **на Арновъ-Пагъ** [на поле: **ледъ**]; **по средѣ Арновъ-Пагъ** (л. 189 об.).

Таким образом, использование издания Бесед на Деяния носит тот же характер точечной сверки, что и использование издания Бесед на Послания. Все же рассмотренные источники, в зависимости от характера их использования в НЗЕ, могут быть разделены по рангам: 1. основной текст полностью принят в перевод (Толкования Феофилакта в переводе Епифания Славинецкого), отдельные места толкований используются для экзегетического комментария; 2. в перевод заимствуются определенные лексемы, а отдельные места толкований используются для комментария – Беседы 1623 и 1624 гг.; 3. в перевод заимствуется только лексика и определенные грамматические конструкции – Чудовский Новый Завет и Новый Завета Якуба Вуйка в издании 1593 г.

Примечательно, что практически те же источники, что и в НЗЕ, используются (в том числе и в виде выписок из них) в трактате «На оглаголюющия Священную Библию», в том числе и Толкования Феофилакта Болгарского. Это компилятивное произведение было составлено, по всей вероятности, Евфимием Чудовским между 1678 и 1693 годами. Трактат фиксирует расхождения между западным (католическим и протестантским) типом библейского текста и Септуагинтой [Исаченко, 2015: 206–207]⁴⁴. Организационно и тематически этот трактат связан с НЗЕ, представляя собой полемический вариант комментариев к библейскому тексту, критическое издание которого содержится в НЗЕ [Исаченко, 2015: 8]. Включение в число источников НЗЕ Бесед 1623 и 1624 гг. позволяет

⁴⁴ Нельзя не отметить, что фиксация и полемическое обсуждение этих расхождений характерны и для западной традиции: в частности, этому посвящен особый раздел в НЗВ 1593 г. (л. 10–18 предисловия к читателю). От этого источника, очевидно, отталкивается Евфимий Чудовский в своей критике библейского текста.

привлечь к этой полемике дополнительную аргументацию, и тем самым лаврские издания являются важным звеном, связующим киевскую и московскую книжные традиции.

Список литературы и источников

- Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Воскресенский Г. А.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по ста двенадцати рукописям Евангелия XI–XIV вв. М., 1896.
- Годизова З. И.* Развитие интенсивных значений приставки из в русском языке XI–XVII вв. // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 3. Ч. II. С. 103–110.
- Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подг. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе и др. СПб., 1998.
- Исаченко Т. А.* Книга Иова в переводе монаха Чудова монастыря Моисея (1671 г.): особенности языка и историко-литературный контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 67–75.
- Исаченко Т. А.* Переводная московская книжность. Митрополичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М., 2009.
- Исаченко Т. А.* Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015.
- Кравец Е. В.* Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI в. // Russian linguistics. 15 (1991). P. 247–279.
- Кузьмина Е. А., Ремнева М. Л.* Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М., 2000.
- Николенкова Н. В.* Архаизмы и грецизмы как признак научного стиля церковнославянского языка XVII века // Вестник Мичуринского гос. аграрного ун-та. 2013. № 4. С. В., *Бунина И. К., Дыбо В. А., Князевская О. А., Науменко Л. А.* Норовская Псалтырь: Среднеболгарская рукопись XIV в. Ч. 1. София, 1989.
- Пентковская Т. В.* Тырновский перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского в русской традиции (на материале Евангелия от Матфея) // Тырново и идеята за християнския универсализъм XII–XV век. В Тырново, 2011. С. 381–397.

- Пентковская Т. В.* Толковый Апостол в переводе-восполнении Максима Грека и в среднеболгарском переводе: принципы и характер работы над текстом // *Круги времен. В память Е. К. Ромодановской.* Т. 2. М., 2015. С. 209–221.
- Пентковская Т. В.* Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // *Русский язык в научном освещении.* 2016. № 1. С. 184–229.
- Пентковская Т. В.* Толкования на послания апостола Павла в переводе Епифания Славинецкого как источник Нового Завета последней четверти XVII в. // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* 2017. № 2. С. 27–52.
- Пичхадзе А. А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Ромодановская В. А.* Заметки о переводе книг Геннадиевской Библии. Библейский текст и энциклопедические глоссы // *Труды Отдела древнерусской литературы.* СПб., 2004. Т. 56. С. 235–250.
- Ромодановская В. А.* Типология маргиналий в Библейском сборнике Матфея Десятого // «Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания»: Материалы междунар. научн. конф. СПб., 2017. С. 158–176.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–30–. М., 1975–2015–.
- Темчин С. Ю.* Послесловие к четъему «Апостолу» 1183 года монаха Исаяи в супрасльском списке Матвея Десятого 1502–1507 годов / С. Ю. Темчин // *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne.* 2011. №6. С. 103–136.
- Темчин С. Ю.* Арабский «Танвир аль-микбас мин тафсир Ибн Аббас» как источник польского перевода Корана по рукописям литовских татар XVII–XX вв.: суры 1-я (Аль-Фатиха) и 36-я (Йа Син) // *Święte księgi judaizmu, chrześcijaństwa i islamu w słowiańskim kręgu kulturowym. Prace dedykowane Profesorowi Czesławowi Łapiczowi.* Т. 1. Księgi wyznawców islamu. Kitabistyka. Toruń, 2016. S. 95–120.
- Турилов А. А.* Славянские переводы сочинений Иоанна Златоуста и их издания у южных славян и на Руси // *Православная энциклопедия.* Т. V. М., 2010. С. 234–237. <http://www.pravenc.ru/text/541598.html>.
- Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002.
- Хлынова И. Л.* К вопросу о сложении корпуса творений святителя Иоанна Златоуста // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитар-*

- ного ун-та. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2007. №18. С. 31–54.
- Ходова К.И.* Падежи с предложениями в старославянском языке: Опыт реконструкции семантической системы. М., 1971.
- Nestle-Aland.* Novum Testamentum Graece et Latine: Textum Graecum post E. et E. Nestle communiter ediderunt B. et K. Aland, J. Karavidopoulos, C.M. Martini, B.M. Metzger. Stuttgart, 1994.
- Neues Testament des Čudov-Klosters: Eine Arbeit des Bishofs Aleksij, des Metropolit von Moskau und ganz Rußland. Phototypische Ausgabe von Leontij Metropolit von Moskau. Moskau, 1892 / Mit einer Einleitung herausgegeben von V. Lehfeldt. Köln; Wien, 1989.
- Nowy TeŃtament Pána náŃego Iesvsa Christvsa / Z nowu z Láćińskiego y z Græckiego ná Poljkie wiernie á Ńczyrze przełożony: y Argumentámi ábo SummáriuŃami kaŃdych KŃŃag / y Rozdziałow / y Annotácyámi po brzegách obiáŃniony. Kraków: A. Piotrkowczyk, 1593. 4°. <https://play.google.com/books/reader?id=LQxOAAAACAAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=en&pg=GBS.PA301>.
- Thomson Fr.J.* Slavonic translations available in Muscovy: The Cause of Old Russian's Intellectual Silence and a Contributory Factor to Muscovite Cultural Autarky // California Slavic Studies. Vol. XVI. Christianity and the Eastern Slavs; Vol. I. Slavic Culture in the Middle Ages / Ed. by B. Gasparov and O. Raevsky-Hughes. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993. P. 179–214.
- Τὸ ἔν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χρυσοστόμου τῶν εὐρισκομένων τόμος α' – η'. Δι' ἐπιμελείας καὶ ἀναλωμάτων Ἑρρίκου Σαβίλιου ἐκ παλαιῶν ἀντιγράφων ἐκδοθεὶς. Etonae, in Collegio Regali, excudebat Joannes Norton, 1612.

Сведения об авторе: Пентковская Татьяна Викторовна, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: pentkovskaia@gmail.com.

Н.В. Николенкова

МЕСТО ПЕРЕВОДА «АТЛАСА БЛАУ» В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ КАНУНА ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

В статье анализируется церковнославянский перевод географического сочинения, известного как «Атлас Блау», с точки зрения его потенциальной возможности стать одним из текстов, начинающих переходный период в развитии русского литературного языка и русской культуры. Внимание автора сконцентрировано на характере отражения в церковнославянском переводе антропонимов и топонимов. Введение целого ряда новых лексем и разработка принципов их передачи в церковнославянском тексте свидетельствует о трансформации отношения к русскому литературному языку в середине XVII в.

Ключевые слова: церковнославянский язык, имена собственные, транслитерация.

This article analyzes the Church Slavonic translation of geographical works, known as the Atlas Blaeu, in the terms of its potential to become one of the texts, beginning a period of transition in the development of the Russian language and Russian culture. The author's attention is concentrated on the nature of the reflection in the Church Slavonic translation of the antroponyms and toponyms. The introduction of a whole new set of lexemes and developing principles of their transfer in Church Slavonic text attests to the transformation of the relations to the Russian literary language in the middle of the 17th century.

Key words: Church Slavonic language, names, transliteration.

В большинстве историко-лингвистических работ вторая половина XVII в. рассматривается как период внутреннего распада системы церковнославянского языка, который в результате приводит к прекращению использования его как русского литературного языка и к формированию литературного языка нового типа. В.В. Виноградов говорит о двух тенденциях в письменности рассматриваемого периода: московские книжники стараются вернуть «чистоту славянской речи», стремясь к архаизации и искусственной славянизации; параллельно, под влиянием киевской церковнославянской традиции, церковнославянский язык подвергается систематической нормализации и грамматикализации [Виноградов, 1982: 10–12]. А.М. Камчатнов также упоминает о некоторых новых формах

в языке второй половины XVII в., но считает эти формы лишь новым внешним оформлением традиционного знания и традиционных идей [Камчатнов, 2005: 223–230].

Напротив, историки и исследователи культуры пишут о важности второй половины XVII в. как этапа подготовки к прорыву в русской культуре начала XVIII в. В.О. Ключевский считал петровские реформы не началом, а продолжением задолго до него формирующегося движения от «старинны» к «новизне», правда, писал о трудностях этого периода для Московской Руси: «русские люди XVII в. делали шаг вперед и потом останавливались, чтобы подумать, что они сделали, не слишком ли далеко шагнули». Важным следствием этого подготовительного периода он считает понимание и осознание того, как много разных культурных явлений оказывается вне сферы внимания русских людей [Ключевский, 1904]. Так же оценивает вторую половину XVII в. А.М. Сахаров, подчеркивая, что консерватизм русского общества был «слишком сильным... чтобы могло оформиться новое мировоззрение... выведившее общественную мысль на путь просветительства и рационализма» [Черная, 1991: 21]. Отмечается и то, что во второй половине XVII в. «обобщаются фундаментальные основы уходящей культуры и совершаются далеко опережающие свое время прорывы в будущее» [Черная, 1991: 8], при этом особенностью периода, который А.М. Панченко называет «кануном петровских реформ» [Панченко, 1984], будет невозможность точного определения его хронологических границ, что отмечается большинством исследователей.

Введение в оборот все большего числа неисследованных текстов позволяет скорректировать эти взгляды и обнаружить те черты, которые действительно свидетельствуют о начале формирования еще во второй половине XVII в. явлений, которые через 50 лет станут ярко характеризовать новый тип русского литературного языка. Среди них – переведенный во второй половине 1650-х гг. в Москве Атлас Блау [Николенкова, 2013], [Николенкова, 2016]. И содержание, и язык этого сочинения свидетельствуют об ориентации на новый тип культуры, в котором знание и узнавание нового превалирует над традицией и архаизацией.

В культурологическом отношении одним из признаков зарождения новых элементов культуры является ее открытость, «контактность с культурами других стран» [Черная, 1991: 41]. В периоды закрытости культивируется «старина» как принцип сохранения уже достигнутых знаний, тогда как периоды «открытости» предполагают ввод в обращение новых идей, новых текстов, новых форм. В.О. Ключевский, подчеркивая интерес рус-

ского общества XVII в. к изучению природы как элемента земного устройства, говорит об усилившемся интересе к переводам и чтению сочинений географического содержания [Ключевский, 1904], и действительно, уже с конца XV в. переводы космографий входят в сферу интереса русского книжника. А. И. Соболевский в своем перечне переводных текстов называет перевод географии Помпония Мелы, хроники и космографии Бельского, космографии Ботера, Меркатора и т. д. [Соболевский, 1903: 52–67]. Однако историки географии, анализируя содержание самих этих сочинений, не признают их текстами, начинающими принципиально новую культурную традицию, дающими новые знания: в основе большинства из них лежат одни и те же космологические представления, «произвольная интерпретация библейского рассказа и комментирование его». Хотя некоторые новые сведения об устройстве мироздания в этих космографиях содержались, однако принципиально изменяющими картину мира русских средневековых книжников их назвать нельзя [Райков, 1947: 46–65].

Перевод сочинения географического содержания с точки зрения представлений о средневековой науке входит в систему ученых знаний (астрономия наряду с арифметикой, геометрией и музыкой относится к квадривиуму). Для середины XVII в. в Европе этот тип знания был нормой, однако в средневековой Руси никакого научного знания еще не было, наука и язык науки лишь начинали появляться [Кузьминова, Пентковская 2016], [Николенкова, 2013]. Параллелизм в отношении к сочинениям географического содержания и, к примеру, грамматическим руководствам можно отметить в следующем: тексты не переводились целиком (в начале XVI в. из всей книги трактата Помпония Мелы «*Cosmografia, sive De situ orbis*» была переведена лишь первая книга [Матасова, 2013], не полностью переписаны были сначала и многие грамматические руководства – в рукописных версиях Грамматики Зизания переписывалась только орфографическая часть, морфология казалась ненужной [Кузьминова 2012: 47–52]); авторы переводов географий не стремились копировать содержащиеся в иностранных источниках карты и схемы, а переписчики грамматик неверно копировали парадигмы, не понимая их сути [Кузьминова, Пентковская, 2016: 221–222].

Но если лингвистический анализ грамматических сочинений начался еще в XIX в., то тексты географического содержания анализировались меньше. В перечне А. И. Соболевского текст, о котором пойдет речь в статье, рассматривается как отличающийся от всех остальных в языковом отношении: язык большинства космографий ученый характеризует как

«плохой церковнославянский» или русский, а перевод Атласа Блау считает написанным на «ученом церковнославянском» [Соболевский, 1903]. В.М. Живов позже определил этот регистр церковнославянского языка как «ученый» язык, основанный на грамматическом подходе, знании грамматики, который противопоставлен текстологическому подходу, основанному на знании текстов. «Новое отношение к церковнославянскому языку как к объекту ученого моделирования имеет далеко идущие последствия для истории русского литературного языка», ценность книжного языка начинает соотноситься с его обработанностью, с деятельностью редактора или переводчика [Живов, 2017: 847–887].

Мы считаем, что о новом культурно-лингвистическом явлении можно говорить, если лингвистические параметры текста совпадут с новой культурной информацией, которую произведение будет нести. Исследуя перевод Атласа Блау, мы установили целый ряд лингвистических параметров, которые могут рассматриваться как основания для определения его как представителя ученого регистра: ориентация на грамматические сочинения в грамматике и орфографии, выстраивание лексической структуры перевода, ориентация не только на классические языки – греческий и латынь, но и на современные для второй половины XVII в. европейские (в первую очередь на польский) и т. д. Ниже будет показано, что Атлас Блау отвечает и второму требованию: сведения, которые читатель мог найти в переводе, вполне соответствовали духу новизны, они предлагали современное для XVII в. знание и вводили потенциального читателя в совершенно иной научный круг, чем предшествующие космографии. Можно говорить, что этот перевод совершил рывок в будущее, стал одним из первых текстов переходного периода, кануна петровской эпохи.

История самого перевода сегодня представляется таким образом: в Москву попало издание голландских картографов Вильгельма и Иоанна Блау 1645 г. с описанием различных стран и земель, – *Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus* [Blaeu, 1645¹], латинский оригинал был разделен между Елифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исайей Чудовским. Работа над переводом велась во второй половине 1650-х гг., Славинецкий и его товарищи перевели текст в черновом варианте: эти переводы содержатся в рукописях Син. 779 (Славинецкий, первая часть), Син. 781 (Сатановский, третья часть), 780 (Исая, вторая часть) и 41 (Иса-

¹ В нашем исследовании мы пользуемся латинским текстом, хранящимся в ГИМ Москвы: № 54000/ГО-5683/1. Также издание размещено по адресу: <http://bdh-rd.bne.es/>.

йя, четвертая часть). Черновые экземпляры Син. 779, 781 и 780 переписаны набело – соответственно Син. 19, Син. 112 и Син. 204. Беловой экземпляр последнего тома (Син. 41) сделан не был. Церковнославянский перевод носит название «Позорище всяа вселенная или Атлас новый въ немже начертанія и описанія всѣхъ странъ издана суть»². Этот текст не получил распространения, так как рано попал в личное собрание Никона: беловые рукописи Син. 19 и Син. 112 имеют на первых листах вкладную патриарха Никона (собственноручную) в Ново-Иерусалимский монастырь с датой 1661, на лл. 1–9 рукописи Син. 204 вкладная в Ново-Иерусалимский монастырь от 1666 [Николенкова, 2013].

Нами будет рассмотрен вопрос о передаче в Атласе Блау имен собственных, причем мы обратимся с одной стороны к набору этих имен, с другой – к характеру их передачи в кириллическом источнике. В первую очередь географическое сочинение содержит большое число топонимов – как известных переводчику, так и нет. Антропонимы, которые вводит составитель латинского текста и которые передает переводчик, почти неизвестны и ему, и потенциальному читателю. Это историки, географы и писатели древности – античности, средневековой Европы, эпохи Возрождения. Характер обращения к этим именам собственным показывает желание ввести их в культурный оборот, познакомить с ними русского средневекового читателя [Николенкова, 2017]. Обратимся к некоторым именам античных и средневековых писателей, употребляющимся в Атласе.

В первую очередь необходимо отметить использование при целом ряде имен лексемы «**писатель**» как эквивалента латинскому «*scriptor*». Первый раз такое употребление отмечено в главе «Дания»:

Дѣдѣнъ же ѡ сѣомъ Квинтинѣ, писатель древній... (29об.)	Dudo autem de S. Quintino, scriptor antiquus ³ ... (10a)
--	--

По данным [СлРЯ XI–XVII, 15: 51–52] слово «**писатель**» отмечено в трех значениях: '1. Тот, кто записывает, описывает что-то; 2. Писец, писарь; 3. Живописец, художник'. В первом значении подчеркивается значение «писатель = *описыватель»: Аз бо, снѣ, писатель сим блѣгим, а не творецъ» (Послания Корнилия, XVI в. [СлРЯ XI–XVII, 15: 51–52]). В Национальном корпусе русского языка (старорусский подкорпус) зафиксировано только второе значение: «Възрадуется кормник в тишиноу при-

² Рукописи хранятся в ОР ГИМ. Все цитаты даются по рукописи Син. 19 в упрощенной орфографии, диакритика устраняется.

³ Об этой фразе речь еще пойдет ниже.

ставъ, а странныи пришедь въ отечъствие свое, а книжныи писатель дошед книзѣ конца» (Приписка на последнем листе лицевой Палеи XV в (1477) [НКРЯ]. Современное значение ‘автор какого-либо сочинения’ появляется в [СлРЯ XVIII, 19: 213] – в текстах Петровского времени, хотя и без ссылки на первое употребление.

«Писатель» непосредственно в тексте главы «Дания» противопоставляется слову «писарь», которое в [СлРЯ XI–XVII, 15: 51–52] может иметь значение ‘2. Писатель, сочинитель’. Однако Славинецкий противопоставляет слова «писатель/ писарь», выбирая второе для перевода латинского «scriba»: **танники, и писари** = «Secretarios & Scribas» (30). Данные НКРЯ демонстрируют, что в XVII в. «писарь» употребляется в первую очередь в значении ‘1. писец’, причем уже с XVI в. уточняется, что это должностное лицо, выполняющее такую роль: «Преж сего по нашему наказу ты, приказщик, да подъячей писарь Ефимьев отписали на меня, царя и великого князя в Волотцком уезде в Хованском стану Третьяковскую куплю Левонтьева деревню Черную» (Грамота ц. Ивана IV <...> о возврате Иос.-Вол. монастыря, 1554.02.27 [НКРЯ]).

Решение противопоставить две лексемы Епифаний Славинецкий принимает непосредственно при работе над переводом Атласа Блау; в созданном им чуть ранее Лексиконе латинском «scriptor» переведен как ‘писа(р), книгошчи(й)’, «scriba» - тоже ‘писарь’ [Німчук, 1973: 365]. Однако структура текста потребовала уточнения значений каждого из слов. Употребление «писатель» как «scriptor» мы отмечаем и в других главах Атласа, к примеру, при описаниях Рейна и Дуная («Рінъ», «Дунай»):

Частое его оу ветх ^х писатель вспоминаніе бывае ^т ъ (185).	Crebra ejus apud veteres Scriptores mentio sit (67a).
Его такъ часто ест ^ь оу писатель ветх ^{ихъ} воспоминаніе (190).	Ejus tam frequens est apud Scriptures veteres mentio (69a).

Имена самих писателей помогут нам понять, какое значение вкладывает автор латинского текста в это слово, действительно ли для него это «автор, сочинитель». Вернемся к приведенному выше примеру. Речь в нем идет о Дудо Сен-Кантенском (фр. Dudon de Saint-Quentin; 965, Сен-Кантен – ранее 1043), нормандском хронисте и историке⁴. Хронист, скорее всего, в понимании Блау не «сочинитель», а именно «описыватель» чего-то. В этом значении оказывается употреблено и слово «писатель»

⁴ Хочется поблагодарить за подтверждение нашей версии коллег – специалистов по французскому языку и литературе филологического факультета МГУ – проф. О. Ю. Школьникову и доц. В. М. Амеличеву.

у Славинецкого. Обратим внимание, что в приведенном выше фрагменте переводчик неточно перевел латинское «de», которое употреблено в значении «из», а не «о» [Дворецкий]. Кроме того, Славинецкий не знает, что элемент «де» может входить во французском языке в состав имени собственного. Результатом оказывается не понятая переводчиком латинская фраза, «темная» и в переводе.

Много антропонимов встречается в главе «Исландия». В первых строчках упоминается великий античный поэт Вергилий: **и о нем поетъ Virgilinъ в Книгѣ а Георгікнъ** (24об.) – & de ea canit Virgil. lib. I Georg. (7a). Далее идет длинное перечисление имен:

Ѣнихъ же ѡбаче ѡхотѣтъ Саксонъ Грамматику, Крантзій, Милій, Іовій, Каспаръ, Певкеръ, в Книгѣ ѡземан размѣреній Творецъ есть (24об.).	à quibus tamen abeunt Saxo Grammaticus, Crantzius, Milius, Iovius. Caspar Peucerus libro de terræ dimensione autor est... (8a)
---	---

Епифаний Славинецкий точен: он не пропускает незнакомых имен, вероятно предполагая, что по мере роста образования в московском обществе они станут понятны потенциальному читателю. При этом Славинецкий не понял, где заканчивается одно предложение и начинается другое. В латинском тексте сначала перечислены авторы исторических хроник: Саксон Грамматик (лат. *Saxo Grammaticus*; ок. 1140 – около 1216 года), датский летописец, в шестнадцатитомной хронике «Деяния данов» (лат. *Gesta Danorum*) изложивший древнейшие саги; Альберт Кранц (*Crantzius Albertus*, гамбургский профессор теологии, около 1517 г. написавший саксонскую историю); Паоло Джовио (итал. *Paolo Giovio*), он же **Павел Іовій Новокомскій** (лат. *Paulus Iovius Novocomensis*) (1483, Комо – 1552, Флоренция), историк, составивший описание севера Европы и Британии. Даже сегодня найти многие имена для неспециалиста в области средневековой истории Европы будет довольно сложно, можно предположить, что и для Славинецкого опознание (и вообще знание) антропонимов было проблемой. Поэтому в передаче этих имен он следовал единственно возможному принципу транслитерации, выбор именно этого принципа мы попробуем объяснить ниже.

Точка, заканчивающая в латинском издании одну фразу и служащая знаком начала нового предложения, не замечается переводчиком – он продолжает перечисление незнакомых имен и делает в результате средневекового писателя Каспара Пейцера (Caspar Peucer⁵) двумя разными

⁵ Хочется выразить благодарность проф. МГУ Н.А. Ганиной, которая помогла опознать этого писателя Средневековья.

ми людьми. Передача фамилии как «**Певкеръ**» дополнительно показывает, что Славинецкий не знает, как произносится имя, а лишь транслитерирует его в соответствии со своими навыками чтения латинского текста. Говоря об этом писателе, латинский составитель текста пользуется словом «autor», который Славинецкий переводит «**творецъ**». Действительно, Пейцер не является автором исторических хроник, он создает собственные оригинальные тексты. Таким образом, в переводе выстраивается противопоставление «писарь» – «писатель» как ‘летописец, хроникер’ – «творец» как ‘сочинитель’, Славинецкому важно передать в церковнославянском тексте оттенки значений латинских слов.

Многие из названных выше имен повторяются в тексте Атласа и в других главах: к примеру, в главе «**Алба рѣка**», описывающей Эльбу, говорится о разных сведениях, содержащихся «**въ Історіи Саѣзона Грамматіка**»⁶ (114; est in historia Saxonis Grammatici); там же упомянут **Албертъ Кратзѣн** (113об.). Если говорить о создателях латинского текста, то набор имен говорит, безусловно, о широкой образованности отца и сына Блау и большом наборе исторических источников, которые они привлекают к созданию Атласа. О столь же широкой образованности Славинецкого и его товарищей мы говорить не можем, но отмечаем отчетливое желание максимально точно, без купюр передавать латинский текст.

Принцип транслитерации и передача латинского «с» как кириллического «к» отражена и в передаче имени древнеримского историка и писателя Публия Корнелия Тацита (лат. *Publius Cornelius Tacitus*; середина 50-х – ок. 120 г.):

г҃ла растѣнно Такітѣво читаніе, исправленно Ѡ Беата Ренана (39об.).	Inquiens corruptam Taciti lectionem restitutam à Beato Rhenano (16a).
Такітѣ въ Гермѣндурѣхъ, Албѣ рѣкѣ славнѣ пишѣ (112об.).	Tacitus in Hermunduris Albim flumen inclytum oriri scribit (14a).
Такітѣ кни Історіи Ѡ Рина до Галліи ширша и тихша течіи показѣтъ (185об.) ⁷ .	Tacitus lib. histor. 2, Rhenum ad Galliam latiore ac placidiore fluere indicat (67b).

⁶ встречаясь в Атласе в разных падежных формах, это имя дает возможность переводчикам построить начальную форму (Saxo, Saxonis = Саѣзонъ).

⁷ Отметим дополнительно такую особенность: в латинском тексте имя историка дано без диакритики. В нашем первом примере и в третьем ударение ставится на «и», во втором на «а», именно последнее соответствует произношению имени «Тацит» в латинском. Как произносили имя римского писателя при обучении ла-

В главе «Исландия» сказано, что упоминание об острове можно найти «оу Франкѣска Петрарха, книга: г. Посланіе: ѿ» (25; apud Fr. Petrarcham lib.3, Epist.1, 8b). Вероятно, имя средневекового поэта автору перевода встречалось и в других его переводах с латинского.

Выбранный принцип транслитерации, на наш взгляд, связан с характером источника и принят переводчиком сознательно. Не стоит забывать, что мы имеем дело с географическим сочинением, и главным для будущего читателя будет не историческая и художественная информация, а сведения о частях разных стран, реках, морях, городах. По строению латинский текст Атласа выглядит так: описание страны идет непосредственно после карты, большая часть географических объектов нанесена на нее и повторяется в описании. Переведены только описания, карты не введены в церковнославянский текст. Мы предполагаем, что перевод планировалось использовать как подстрочник при обращении к самой карте. А это означает, что передача названия кириллицей должна соотноситься с написанным на самой карте.

Для примера возьмем передачу названий северных стран, не только мало знакомых переводчикам, но еще и сложных в произношении. В главах «Исландия», «Норвегия», «Дания» отмечены такие топонимы:

Восточнѹ наричѹтъ Австлендінгафіордѹнѣ, Западнѹ, Вестфіордѹнѣ, Полѹнощнѹ Нортлендінгафіордѹнѣ, Полѹденнѹ Сѹдлендінгафіордѹнѣ (25).	Orientelem vocant <i>Austlendingafirdung</i> , Occidentalem <i>Westfirdung</i> , Septentrionalem <i>Nortlendingfirdung</i> , Meridionalem <i>Suydlendingfirdung</i> (8b) ⁸ .
Иже предстѣства по ^д собою имать, Равнѹделагѣ, Неденессерлеен ^н , Мандалслее ^н , и Листерлеенѣ <...> Сгоже повелѣтелствѹ ^с посѣтствѹютъ прѣстѣства Сѹндгорнлее ^н , Ноордгорнлее ^н , Согне, Сѹнфіорде, Ноорфіорде (27об.).	Qui praefecturas sub se habet, <i>Rabygdelaг</i> , <i>Nedenesserleen</i> , <i>Mandalsleen</i> , & <i>Listerleen</i> (9b). Cujus imperio subsunt praefecturae <i>Sundhornleen</i> , <i>Noordhornleen</i> , <i>Soghne</i> , <i>Sunfioerde</i> , <i>Noorfioerde</i> (9c).
Прочіи гради сѹтъ, Нибѹргѣ, Фабѹргѣ, Ассенсѣ, Богенсѣ, Мідделфарѣ, Кеттѣмѹнде (30об.).	Reliquae civitates sunt: <i>Niburgh</i> , <i>Faburgh</i> , <i>Assens</i> , <i>Bogens</i> , <i>Middelfart</i> , <i>Kettenmynde</i> (10c).

тыни в Киеве, мы не знаем, традиционно ударение на «и» в современном русском языке связывают с французским влиянием. Однако, как мы видим, вариативность сложилась раньше. Второе наблюдение касается передачи имени «Беата Ренана»: традиционно Славинецкий латинскую «b» передает грецизированным «в» [Николенкова, 2014]; однако для имен германского происхождения делает исключение.

Анализируя транслитерацию германских и скандинавских топонимов Епифанием Славинецким, необходимо отметить передачу «h» как «г». Проблема передачи этой латинской буквы кириллицей обсуждалась еще для ранних переводов с латинского языка, так, Томеллери отмечает три возможности ее передачи в Геннадиевской Библии: как «к», «г» и нулем звука [Томеллери, 2001: 56–60]. Славинецкий стремится к единообразию и в подавляющем большинстве случаев выбирает вариант «г» [Николенкова, 2014], несмотря на невозможность в большинстве случаев произнести получившееся название. В передаче германских топонимов почти всегда отсутствует намеренная грецизация, в том числе передача *b* как «в». Переводчики различают земли, относящиеся к древнему, «византийскому» миру (*Bosphor* = **Восфоръ**, *Babylone* = **Вавлонъ**, корень *Arab*- всегда встречается в варианте **Арав-** (**нѣдро Аравѣтское**); иногда такие написания сопровождают описания славянских земель: *Obii amnis* на листе 21 – **Овѣи рѣки**), и земли, не упоминаемые в древних византийских хрониках. Поскольку германские и скандинавские топонимы часто напечатаны готическим шрифтом, это дополнительно помогает транслитерировать их с использованием букв «г» и «б»: *Riobmanshaffen* (10d) – **Ріобманѣгаффенъ** (31).

Таким образом, выбор принципа транслитерации для передачи топонимов можно считать сознательным авторским решением, продиктованным пониманием новых задач, которые ставит перед ними перевод серьезного научного труда. Славинецкий и его товарищи не планировали перевести очередную космографию, содержащую «басни» и невероятные истории, а планировали создание серьезного научного труда. Эти новые задачи отражены в работе над переводом Атласа Блау. Однако если в случае передачи топонимов задача оказалась бы выполнена при действительном попадании текста перевода вместе с картами к образованному читателю, то в случае передачи антропонимов подобное решение могло ввести и вводит в недоумение как средневекового читателя, так и современного исследователя.

Список литературы

- Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. <http://linguaeterna.com/vocabulary/alpha.php/>.

⁸ Выделения курсивом есть в латинском издании 1645 г.

- Живов В. М. История языка русской письменности: В 2 т. М., 2017.
- Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М., 2005.
- Ключевский В. О. Курс русской истории. СПб., 1904.
- Кузьминова Е. А. Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М., 2012.
- Кузьминова Е. А., Пентковская Т. В. Пути формирования русского научного дискурса в XVII в. // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4 (59). С. 221–229.
- «Лексиконъ латинский» Є. Славинецького. «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецького та А. Корецького. Сатановського / Підгот. до вид. В. В. Німчук. Київ, 1973.
- Матасова Т. А. Древнерусский перевод Первой книги «Географии» Помпония Мелы: исторический контекст, перспективы издания и изучения // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2013. С. 116–122.
- Николенкова Н. В. Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Blaeu) // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 590–609.
- Николенкова Н. В. Механизм трансформации топонимов в переводческой практике XVII века // Beitrage der Europaischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV). 17. 2014. S. 132–139.
- Николенкова Н. В. Русская географическая терминология во «Введении в Космографию»: Лингвистический аспект // Историческая география. Т. 3. М., 2016. С. 121–123.
- Николенкова Н. В. Имена географов средневековья в церковнославянском переводе Атласа Блау XVII в. // Культура и просвещение в России XVII–XVIII вв. М, 2017 (в печати).
- Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
- Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России: Из прошлого русского естествознания. М.; Л., 1947.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–. М., 1975 – наст.вр.
- Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991; Вып. 7–. СПб., 1992 – наст. вр. <http://feb-web.ru/feb/sl18/>.
- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.

Томеллер В. Латинский язык в Геннадиевском кружке (о латинском про-
изношении: предварительные данные и постановка вопроса)// Библия
в духовной жизни, истории и культуре России и православного сла-
вянского мира. М., 2001. С. 52–65.

Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья
к Новому времени. М., 1999.

*Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions
omnium Regionum.* Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami, 1645.

Электронные ресурсы

НКРЯ. search-beta.ruscorpora.ru/. Дата обращения 26.08.2016.

Biblioteca Digital Hispánica. <http://bdh-rd.bne.es/>.

Сведения об авторе: Николенкова Наталья Владимировна, канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени
М.В. Ломоносова. E-mail: natanik2004@mail.ru.

О.Л. Довгий

ОППОЗИЦИЯ «СОН / БЕССОННИЦА» В САТИРАХ А.Д. КАНТЕМИРА

Статья является продолжением серии публикаций автора, посвященных микрофилологическому изучению поэтики сатир А.Д. Кантемира. Основным принципом этого подхода – признание сатир единым текстом, основанным на системе универсальных оппозиций. В настоящей работе при помощи тезаурусного анализа рассматривается оппозиция «сон / бессонница» и ее роль в художественном мире сатир.

Ключевые слова: А.Д. Кантемир, сатиры, микрофилологический подход, система оппозиций, оппозиция «сон / бессонница».

The paper continues series of author's publications dedicated to microphilological poetics' study of A. Kantemir's satires. The basic principle of this approach is that the satires are recognized as the united text, based on a system of universal oppositions. In the present work, the author considers the opposition "sleep / insomnia" and its role in the art world satire using the thesaurus analysis.

Key words: A. Kantemir, satires, microphilological approach, opposition system, "sleep / insomnia" opposition.

Главным конфликтом сатир Кантемира является, безусловно, противостояние Старого и Нового¹, но проявляется эта ключевая антитеза на всех уровнях текста, отражаясь в зеркале множества других оппозиций все более глубоких слоев. Если принять тезис о единстве текста сатир², то становится очевидным, что весь их корпус, как кровеносной си-

¹ «Старое» и «Новое», безусловно, нельзя рассматривать с позиции чисто возрастной или поколенческой. О динамике этих понятий в сатирах см.: Довгий О. «Развернуть старика...»: Сатиры Кантемира как код русской поэзии: Опыт микрофилологического анализа. М., 2012. С. 16. Если говорить очень схематично, то к Новому можно отнести персонажей, чьи взгляды на петровские преобразования и науки близки к авторским; к Старому – всех остальных.

² Все наши публикации, посвященные Кантемиру, направлены на обоснование этого тезиса. См., например: Довгий О. «Развернуть старика...»: Сатиры Кантемира как код русской поэзии...; Довгий О.Л. Грамматика поэзии в сатирах А.Д. Кантемира // Известия Росс. акад. наук. Сер. лит. и яз. 2017. №1. С. 15–21; Довгий О. Ось «молодость / старость» в сатирах Антиоха Кантемира в свете микрофилологического анализа // Młodość i starość w języku, literaturze, kulturze i sztuce: Conversatoria Litteraria Międzynarodowy Rocznik Naukowy. 11. Siedlce;

стемой, пронизан сетью оппозиций – как универсальных (большой / малый; науки / невежество; старость / молодость; ум / глупость; края / середина и т. д.), так и незаметных на первый взгляд, но очень важных для понимания общего художественного замысла. Предлагаемый нами метод чтения сквозь призму разных оппозиций способствует более глубокому пониманию поэтики сатир, позволяет увидеть новые связи разных уровней текста. В настоящей статье в качестве такой призмы выбрана оппозиция «сон / бессонница».

Кто, как, когда и почему спит или не спит в сатирах. Посмотрим, что даст анализ таких, на первый взгляд, простых вещей для понимания авторского замысла.

В сатирах есть устойчивые формулы «ночь цела» и «ночь вся». Персонажи – в зависимости от того, как они проводят «ночь целу», – могут быть разделены на «*спящих*» и «*неспящих*». Отношения со сном оказываются важным средством их характеристики.

Причин не спать целую ночь очень много. Кантемиру всегда важна причина и еще важнее оценка: в одних случаях не спать ночь глупо, в других – похвально. Но эта оценка и сама является семиотически значимой: важно, кто именно ее дает. Например, когда мы читаем осуждающие слова Силвана о том, что астроном не спит ночь «за одним пятном», мы составляем целую цепь оценок: с позиции Силвана это глупо; но сам Силван дан как заведомо сатирический персонаж, представитель Старого; следовательно, его оценка должна негативно охарактеризовать прежде всего его самого, а того, над кем он смеется, должна – наоборот – возвысить в глазах читателя, понимающего ход мысли автора. И так на каждом шагу.

Все сатиры построены как конфликт интерпретаций: действия персонажей даны с разных точек зрения – и важно не потерять путеводную нить авторского взгляда.

«Неспящие» (или бессонные)

Их можно разделить на две группы:

- 1) те, от кого «сон бежит»;
- 2) те, кто «бежит от сна», кому «сон не потребен».

От кого и почему «сон бежит»

Кантемир отмечает разные причины бессонницы:

Зависть

Евгения из 2-й сатиры мучит зависть и обида, что его обошли почестями и чинами. Об этом с иронией говорит Филарет:

Что так смутен, дружок мой? Щеки внутрь опали,
Бледен, и глаза красны, как бы *ночь не спали...* (68).

Не спит купец из 5-й сатиры, завидуя чужому житью – о чем, не скрывая смеха, рассказывает Сатир:

Купец, у кого амбар и сундуки полны
Богатств всяких и может жить себе в покое
И в довольстве, вот *не спит и ночи уже с трои*,
Думая, как бы ему сделаться судьей... (136).

Отметим, что человек, у которого есть все *для покоя, не спит* три ночи.

Зоил из 3-й сатиры лишен сна из-за чужого благополучия:

Не меньше мучит себя Зоил наш угрюмый:
Что ни видит у кого-то новые думы,
Нова печаль, и *не спит бедный целы ночи*.
Намедни закинув он завистные очи
В соседний двор и видя, что домишко строит,
Который, хоть дорого ценить, ста не стоит
Рублей, побледнел весь вдруг и, в себе не волен,
Горячкою заболел, по сию пору болен... (98).

Болезнь (своя и чужая)

Лонгин в 3-й сатире рассказывает о том, что у его дочери режутся зубки. Скорее всего, ее плач – причина бессонницы не только для самой девочки:

Хоть больну быть новыми зубами дочь знаешь:
Четвертый уже зубок в деснах показался,
Ночь всю и день плачется... (93).

Любовь

Влюбленный старик из 5-й сатиры не спит из-за страсти нежной – чем вызывает откровенный смех у окружающих:

Другой, удаляйся брака, в любви сети
Не умнее впутался, бесперечь вздыхает,
Ночь целую не спит, с глаз, с ума не спускает
Причину язвы своей; весел, скорбен сряду... (134).

Физические неудобства

Хрисипп из 3-й сатиры ночью, скорее всего, не спит, так как страдает от холода. Но причина этого неудобства – его собственная скупость,

не позволяющая иметь теплую постель. И этот факт не может вызвать авторского сочувствия:

...*Весь вечер* Хрисипп без свеч, зиму всю колеет,
Жалея дров... (90).

Кто и почему сам отказывается от сна

Здесь можно выделить следующие основные группы:

1) «Деловые люди», которых тоже можно разбить на несколько категорий.

а) Те, кто радеет о благе государства и ближних

Славные представители прошлого, например Петр, Феофан:

Пастырь прилежный своим о стаде радеет
Недремно... (99).

Мысль о том, что Феофан много спит, дана как абсурдная – в обращении автора к своей музе:

Феофана чаешь ли не иметь иного
Дела, разве *выспаться*, досыта покушать
И, поджав руки, весь день стихи мои слушать? (99)

Ученые; как правило, о них рассказано хулителями наук без всякой приязни:

К чему звезд течение числить, и ни к делу,
Ни к стати за одним *ночь* пятном *не спать целу*,
За любопытством одним лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы с землею? (59)

Читатели книг:

Крушиться над книгою и повреждать очи... (59).

С точки зрения Луки, это и неразумно, и смешно, и губительно для здоровья.

б) Те, кто радеет о своем собственном благе

Клит из 2-й сатиры, рвущийся в новую знать, спешит занять место в приемных важных людей:

Клита *в постели застать не может день новой*,
Неотступен сохнет он, зевая в крестовой... (75).

Филарет даже ставит его в пример Евгению.

В 6-й сатире подобный персонаж будет без имени – это знак его типичности:

...*ночь вся беспокойно*

Пройдет, думая, к кому поутру пристойно
Еще бежать, перед кем гнуть шею и спину,
Что слуге в подарок, что понестъ господину... (148).

Хрисипп из 3-й сатиры рано утром спешит по своим торговым делам – что вызывает ироническую оценку автора:

*Сон, отрада твари всей, ему не потребен,
По вся утра тороплив, не только с постели,
Но выходит из двора – петухи не пели...* (89).

Менандр из 3-й сатиры не спит, спеша успеть собрать новейшие сплетни:
С зарею вставши, Менандр везде побывает,
Развесит уши везде, везде примечает... (92).

2) Те, кто боится за свое добро

Невий из 3-й сатиры:

Невий бос и без порток из постели *встанет*
Пятью и десятью в ночь, осмотрит прилежно,
Заперты ли окна все и двери надежно... (97).

В 6-й сатире фокус изменится: будет показан не персонаж, лишенный сна из-за тревоги за свое имущество, а сам «просторный дом» окажется причиной бессонницы. Кто бы ни стал его хозяином – сна ему не видать:

Покой отымает
Дом пышный, и *сладк сон с глаз того убегает*,
Кто на нежной под парчой постели ложится... (149).

3) Те, кто проводит ночь в развлечениях и любовных утехах

Евгений из 2-й сатиры и «племя ему подобных» представителей «золотой молодежи»:

...Часто любишь опирать щеки на грудь белу,

В том проводишь прочий день и *ночь* почти *целу*... (73).

Клеарх из 3-й сатиры:

Новы к сластолюбию тропы прочищает
Бесперечь, о том одном *ночь*, день суетится... (90).

Лука из 1-й сатиры поет песнь похвальную таким бессонным ночам:

Не лучше ли с кубком дни прогулять и *ночи*?.. (59)

Ось «сон / бессонница» неразрывно связана с оппозицией более высокого уровня – «покой / беспокойство»³. Можно сказать, что эти две оси находятся в отношениях причинно-следственных и «сон / бессонница»

³ Оппозиция «покой / беспокойство» требует отдельного тезаурусного анализа. В настоящей статье мы касаемся ее только в связи с оппозицией «сон / бессонница».

часто выступает внешним знаком «покоя/ беспокойства»: наличие сна возможно только при состоянии душевного покоя.

В сатирах есть формула *«презирать покой»*, которая часто означает отказ от сна. Она применяется к Петру, который «осмелился и престол оставить // И покой...» (159), и к Евгению. Филарет спрашивает его: «Презрев покой, снес ли ты сам труды военные?» (70). В примечании Кантемир приводит цитату из V сатиры Буало, послужившей источником: «Покажите нам тот дар, который пылал в них, ту ревность к чести, то отвращение к пороку. Уважаете ли вы законы? Избегаете ли несправедливых деяний? Умеете ли вы забывать покой для славы, и *спать в чистом поле*, не снимая доспехов? По этим знакам я признаю вас за благородного» (79). Получается, что сон и покой разведены: человек, презревший покой бытовой, материальный, награждается спокойным сном в любых, самых неподходящих условиях. Отметим, что это редкий случай спокойного сна в сатирах – сна человека с чистой совестью.

Эта формула может применяться для обозначения слепой погони за славой:

Как в красавицу, иной влюбившись в славу,
И, *покой и всякий страх презревши*, в кроваву
Бежит битву, где иль глаз оставит, иль ногу... (133).
или безудержного желания попасть в новую знать:
Единородный отцу сын, что ожидает
Наследство обильное, *покой презирает*
И, с зарею встав, бежит с передни в передню,
Гня спину, прося, даря и слугу последню,
Чтоб мог письмен несколько к своему прибавить... (134).

Во всех этих случаях говорить об отсутствии сна можно с высокой долей вероятности. Правда, вопрос о том, бежит ли в этих ситуациях сон от людей или они бегут от него, остается открытым.

Спящие

Сон относится к числу насущных человеческих потребностей; в сатирах он характеризуется устойчивым эпитетом «сладкий»; к нему прилагается определение «отрада твари всей» (ср. у Пушкина «вкушать отраду сна»); он воспринимается как проявление «истинного блаженства», которое в сатирах доступно очень немногим. Таким образом, сон из области физиологической перемещается в область моральную и может выступать как награда за чистую совесть и выполненный долг; а может быть – наоборот – знаком скуки и / или безответственного отношения к своему делу.

Сон обладает способностью «убегать с глаз» – и причин для этого бегства, как мы видели, более чем достаточно. Неспящих в сатирах больше, чем спящих. Но и с описанием спящих не все просто.

Описания сна как «дневных трудов награды» в сатирах практически нет. Можно предположить, что людям с чистой совестью или героям после праведных трудов такой сон посылается, как мы видели выше. Но Кантемир об этом не говорит: для жанра сатиры это не нужно.

В сатирах важно все: и количество времени, посвященного сну, и время суток, в которое сон одолевает персонажа. Круговорот часов в сутках традиционно задает физиологический ритм сна и бодрствования: ночь – для сна; день – чтобы посвятить его делам; утро – для перехода от сна к бодрствованию; вечер – для обратного перехода. Это норма. Изменение порядка действий (бодрствование ночью или сон днем) – это нарушение нормы, одна из примет перевернутого мира, мира абсурда. Все описания спящих в сатирах – это, в сущности, описание отклонения от нормы: все они спят «когда нельзя» или когда не время – чаще всего днем.

Такой несвоевременный сон всегда является знаком – чаще всего знаком отсутствия интереса, халатного отношения к профессии, как у судьи, засыпающего во время слушания дела:

Твердо сердце бедных пусть слезы презирует,
Спи на стуле, когда дьяк выписку читает... (60) –
или у стража города из 5-й сатиры, спящего во время службы:
Пришел к воротам, нашел, что *спит как убитый*
Мужик с ружьем, который, как потом проведал,
Поставлен был вход стеречь... (123).

Для представителей «золотой молодежи» ночной сон – знак неудачи: не удалось найти достойного развлечения на ночь. Эту деталь подмечает острый взгляд Сатира:

Буде случится одни, *ночь всю спите...* (с. 120).

Кантемир дает такой комментарий к этой строчке: «Буде одни случится; инако с товарищем в постели, а наипаче разного пола, не вся ночь спится...» (139). В семантическом поле сна важны оппозиции раннего / позднего вставания и качества постели: пышная / убогая (пышная парчовая постель Евгения / гниющие простыни Хрисиппа из 3-й сатиры).

Всех персонажей можно разделить на тех, кто долго нежится в постели, и тех, кого в постели *не застанет день новый*.

Раннее вставание свойственно тем, кого мы в начале статьи назвали «деловыми людьми»: тем, кто печется о благе государства (Петру, Феофа-

ну, славным предкам), и тем, кто активно печется о собственном благе (рано встает с постели Хрисипп, чтобы привезти товаров; Менандр, чтобы успеть набрать новостей).

В сатирах есть бестиарная планка, на которую очень удобно равняться при определении времени утреннего подъема персонажей. Это пение петуха.

Персонажи сатир встают с постели либо с петухами:

С петухами пробудясь, нужно потащиться

Из дому в дом на поклон, в передних томиться... (148),
либо до петухов:

Но выходит из двора – *петухи не пели*.

Когда в чем барыш достать надежда какая... (89),
либо крепко спят, не слыша петухов, как Евгений во 2-й сатире.

При ироническом описании вставания Евгения Кантемир использует прием временной антитезы:

*Пел петух, встала заря, лучи осветили
Солнца верхи гор – тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты под парчою,
Углублен мягко в пуху телом и душою,
Грозно соплешь, пока дня пробегут две доли;
Зевнул, растворил глаза, выспался до воли,
Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидая*

Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая... (71)

Заметим, что у Кантемира временная антитеза используется как синхронически (когда потомок нежится в пуху, предки Евгения уже выводили войска), так и диахронически (пока Евгений нежится в пуху, Хрисипп борется с бурей, везя ему пойло из Китая; а Менандр обегает город в поисках новостей и покровительства). Прием синхронизма использует и Пушкин при описании утра тезки кантемировского героя, который «нежится в постели» в то время как «Петербург неугомонный уж барабаном пробужден». Л.В. Пумпянский восхищается пушкинским «даром синхронизма»⁴. Этот редкий дар, свойственный обоим поэтам, – еще один повод для внимательного обращения к теме «Пушкин и Кантемир».

⁴ Пумпянский Л.В. Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собр. трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 219.

Главный тезис сатир может быть выражен пушкинской формулой «старайся наблюдать»; они учат внимательности к мелочам, умению распознавать явления «по знакам».

Бессонница – как мы видели – является знаком многих явлений. Но и сама познается по знакам. Так, во второй сатире наблюдательный Филарет угадывает ее по красным глазам Евгения. Хотя Кантемир в примечании пишет: «Ст. 2. *И глаза красны*. От слез глаза краснеют не меньше, чем от бессония» (77). Иначе говоря, разные причины могут выражаться в одинаковых знаках. И Кантемир учит помнить об этом.

Отметим еще несколько оппозиций, связанных со сном. Они мельче, чем уже описанные нами. Их можно сравнить с капиллярами, в своей малости почти невидимыми, но от этого не менее важными во всей системе

Сон в сатирах бывает свой и чужой.

Отношение персонажей к своему и чужому сну различно: те, кто своим сном пренебрегает, чужой – берегут. Персонажи, вставшие «с петухами», проводят день в передних знатных господ,

Ни сморкнуть, ни кашлянуть смея... (148).

В примечании Кантемир дает такое пояснение этим строчкам: «*Ни сморкнуть, ни кашлянуть смея*. Чтоб господина, к которому ты на поклон пришел, сон или покой не помешать. Так говорит и французский сатирик Ренье в сатире 4-й, ст. 29 и следующих:

Faire la cour aux grands, et dans leurs antichambres
Le chapeau dans la main, nous tenir sur nos membres,
Sans oser ni cracher, ni tousser, ni s'asseoir,
Et nous couchant au jour, leur donner le bon soir.

<Ухаживать за знатными и в их передних стоять со шляпою в руке, не смея ни плюнуть, ни кашлянуть, ни сесть, и, ложась на рассвете, приветствовать их с добрым вечером>» (152).

Этот комментарий очень важен как иллюстрация замены направления утреннего и вечернего перехода (утром – ко сну; вечером – к бодрствованию, хотя по норме должно быть наоборот), как еще одно проявление абсурда.

Есть в сатирах и предвестие модной *онирической* темы – *что снится, что не снится персонажам*.

...тебе еще реже

Снилась трубка и компас, чем строй и осада (74), –

так аргументирует Филарет свое мнение о непригодности Евгения ни к военной, ни к морской службе. Видимо, по его мнению, сны должны быть отражением интересов и истинных желаний персонажей.

Именно так обстоит дело с Клеархом из 3-й сатиры:

Весь, от головы до пят, в золоте он *снится*... (90).

Сны могут быть связаны с фантазией, ложью – как у Савки из 7-й сатиры:

У Савки век на губах правда не садится,

И врет, что на ум взойдет, что в ночь не приснится... (161).

Не стоит упускать из виду и фразеологизмы, связанные со сном; вот один из примеров:

Сколько ж даром испую Сеньке и Ивану,

Ходокам и их слугам, что и *спят с стаканом*? (128)

В примечании Кантемир поясняет: «Ст. 333. *Что и спят с стаканом*. Сильные пьяницы, что и когда спят – стакан в руках». Как видим, в пору Кантемира выражение еще существовало на уровне RES, а сегодня оно воспринимается как чисто словесная формула.

Подведем итог. Мы прочитали сатиры сквозь призму оппозиции «сон / бессонница». Основной вывод: главное, на что обращает внимание Кантемир, – всевозможные нарушения нормы, отклонения от порядка. Поэтому в сатирах практически нет описаний ночного сна и много примеров бессонницы и несвоевременного сна дневного. В процессе тезаурусного анализа оказалось, что эта ось, во-первых, неразрывно связана с множеством других оппозиций; во-вторых, может быть разложена на множество оппозиций еще более глубоких уровней. Фактически сквозь призму этой оппозиции мы взглянули на мир, представленный в сатирах. А он богат и разнообразен. Перед нами прошли персонажи, связанные с разными сферами деятельности, обладающие разными моральными качествами. В целом все сводится к тому, что не спят по ночам те, у кого совесть нечиста или кто предается разврату. Кто провел ночь в развлечениях, тот поздно встает или спит во время службы.

Итак, мы пришли к тому же, о чем написано в любом учебнике по истории русской литературы в главе о Кантемире: все сатиры повествуют о конфликте Старого и Нового, невежества и наук, просвещения. Зачем тогда столько внимания такой десятистепенной – на первый взгляд – паре? Затем, что эта микрооппозиция, как и десятки других осей еще более глубоких уровней, по сути является одним из внутренних зеркал,

многократно и многовидно отражающих и преломляющих основной конфликт. А это не может не открывать новых нюансов в художественном мире сатир и не вызывать восхищения мастерством Кантемира – архитектора сложнейшей поэтической конструкции. Таким образом, микрофилологический анализ сатир открывает новые горизонты на уровне как и оказывается небезразличным и для тех, кто привык читать сатиры только на уровне *что*.

Список литературы

- Довгий О.Л.* «Развернуть старика...»: Сатиры Кантемира как код русской поэзии: Опыт микрофилологического анализа. М., 2012.
- Кантемир А.Д.* Собр. стихотворений / Вступит. ст. Ф. Я. Приймы; Подгот. текста и примеч. З.И. Гершковича. 2-е изд. Л., 1956 (цитаты из Кантемира даются по этому изданию с указанием в скобках номера страницы).
- Пумпянский Л.В.* Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собр. трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 210–219.

Сведения об авторе: Довгий Ольга Львовна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории русской классической литературы РГГУ. E-mail: olga-dovgyu@yandex.ru.

М.В. Михайлова, Чжан Чих Хан

ТЕЛО В ЭКСПРЕССИОНИСТСКОЙ ПРОЗЕ Л. АНДРЕЕВА

Статья посвящена проблеме телесности в экспрессионистской прозе Л. Андреева, в которой репрезентация тела не только принципиально важна в плане художественной выразительности, но и имеет непосредственное отношение к созданию особого типа психологизма. На примере рассказов «Стена», «Ложь» и повести «Красный смех» прослеживаются такие моменты, как «поэтика боли», воплощение телесного существования человека, материализация абстрактной концепции, то есть «тела идеи», и т. п.

Ключевые слова: тело, экспрессионизм, «Стена», «Ложь», «Красный смех», Л. Андреев

This article analyzes the problem of the body in L. Andreev's expressionist prose, in which the representation of the body is not only fundamentally important in terms of artistic expression, but also directly related to the creation of a certain type of psychological model. By examining "The Wall," "The Lie," and "Red Laughter," the work focuses on the following questions: "the poetics of pain", the embodiment of corporeal existence, the materialization of abstract concept, that is "the body of idea", and so on.

Key words: the body, expressionism, "The Wall", "The Lie", "Red Laughter", L. Andreev.

Творческая личность Л. Андреева чрезвычайно многосторонняя, что объясняется не только культурным контекстом Серебряного века, для которого характерно в первую очередь сложное взаимодействие различных литературных направлений, а также философских и эстетических систем, но и стремление писателей к выявлению собственной творческой индивидуальности. Об этом говорил сам Андреев, утверждая, что он «никогда не останавливался на одной форме, не делал ее для себя обязательной – и вообще никогда не связывал свободы своей формой или направлением» [Литературное наследство, 1965: 540].

Несмотря на необыкновенную пестроту и синтетический характер художественного метода писателя, экспрессионистская поэтика играет у Андреева ключевую роль едва ли не на всем протяжении его творческого пути. Его проза и драматургия отличаются как крайней субъективностью и повышенной выразительностью, так и типическим экспрессионистским мировидением, которое особенно удачно воплощает кризисную

эпоху. На необычайность созданного Андреевым обратили внимание уже его современники. И наиболее прозорливые не отшатнулись, а попытались выявить открывавшееся взору своеобразие. Так, Л. Троцкий приветствовал его «поразительный психологический эксперимент» [Троцкий, 1924: 229]¹, выделил как весьма перспективную для искусства ту «болезненную яркость» [Троцкий, 1924: 240] изображения, которая предельно «экономизирует читательское внимание» [Троцкий, 1924: 239] и передает «невыносимое настроение острой тревоги» [Троцкий, 1924: 229]. Критика не испугало, как можно было бы ожидать, что писатель практически исключил из сферы рассмотрения «объективную <...> сторону жизни своих героев» [Троцкий, 1924: 228]. Это даже, на его взгляд, помогло создать особую концентрацию изображения. Именно отсутствие бытовых подробностей позволило художнику дать «цельный психологический сгусток» [Троцкий, 1924: 229], сохранить «энергию психологического удара» [Троцкий, 1924: 212]. В приведенных словах явно обнажена самая сердцевина андреевского творчества и, хочется думать, дано описание художественных приемов, присущих экспрессионизму, хотя термин и не использован. Но, надо заметить, он еще был очень непривычен для критиков.

По убеждению современного исследователя А. Л. Григорьева, суть экспрессионистского метода Андреева заключается в радикальном преобразовании действительности. Он подчеркивает, что писатель «полностью отказался от бытового жизнеподобия и обратился к условным, обобщенным, до предела гиперболизированным и эмоционально насыщенным, полным внутреннего движения образам, с помощью которых он стремился выразить самую суть жизненных явлений» [Григорьев, 1972: 198]. На наш взгляд, в этом плане весьма существенное место занимает человеческое тело, которое и несет на себе «отпечаток» прежде всего «проклятых вопросов», непосредственно связанных с существованием человека.

Известно, что репрезентация тела имеет большое значение в искусстве экспрессионизма вообще. Достаточно вспомнить яркие телесные образы на картинах Э. Мунка, О. Кокошки, Л. Мейднера, О. Дикса,

¹ В то время как Н. К. Михайловский предупредил писателя об опасности следования по пути художественного эксперимента, а сочувственно воспринимавший его творчество А. В. Луначарский в 1903 г. даже зачислил его в рубрику «писатель для обывателей» – который занят тем, что поставляет толпе «невозможно-мелодраматические эффекты» [Луначарский, 1967: 26].

Э.Л. Кирхнера, Э. Нольде и других представителей изобразительного искусства названного направления. Для художников-экспрессионистов тело значимо не только как предмет изображения, но и как своего рода воплощение взаимоотношений человека с окружающей средой. В одной из последних работ о немецком литературном экспрессионизме автор выделяет размышление о теле человека и его соотношении с категориями «свое / чужое» в качестве центральной проблематики данной школы, формулируя это следующим образом: «Понятия субъекта и объекта у экспрессионистов неразрывно связаны с семиотическим расширением, смысловым обогащением образа человеческого тела» [Порунцов, 2015: 15]. Аналогичные моменты обнаруживаются в творчестве Андреева. Так, В.Н. Терехина определенно говорит, что рассказ Андреева «Стена» можно считать началом литературного экспрессионизма в России [Терехина, 2009: 20].

В данном произведении не только наличествуют экспрессионистские приемы, но и представлен своего рода телесный код, весьма значимый для Андреева. История о страданиях и борьбе прокаженных раскрывается через показ ужасающе деформированных телесных форм. Во всей полноте реализованы такие приемы, как гротеск и контраст, присущие экспрессионистскому воплощению действительности.

В этом отношении телесный опыт как важнейший способ создания картины мира оказывается едва ли не ведущим. Общеизвестно, что в основе творчества экспрессионистов лежит принцип предельно субъективного восприятия реальности, опирающийся прежде всего на сгущение и обострение чувственных ощущений. Можно даже сказать, посредством обращения к переживаниям субъекта и их деформации экспрессионисты и «переоформляют» предметный мир действительности. Вот и в рассказе «Стена» именно ряд физиологических явлений, в том числе боли, истощенности и голода, не только приобрел мировоззренческое звучание, но и явился воплощением авторского представления о человеческом бытии вообще.

На эстетику боли и поиск адекватных ей форм выражения в экспрессионистской поэтике Андреева обратила внимание Н.А. Бондарева [Бондарева, 2005: 61]. Действительно, именно через болевое чувство андреевский человек познает окружающий мир. В рассказе «Стена» герой неоднократно указывает на то, что прикасающийся к телу песок причиняет ему острую боль. В качестве примера можно привести следующее место: «И сдавленная землей и небом задыхалась черная ночь, и глухо

и тяжело стонала, и с каждым вздохом выплевывала из недр своих острый и жгучий песок, от которого мучительно горели наши язвы» [Андреев, 1990, II: 322–323]. Встречается и такое явление, как «осязаемый пейзаж», в котором не только отражен философско-эстетический комплекс «вчувствования», присущий экспрессионизму, но и предвосхищено особое преломление философии жизни, а также экзистенциально-феноменологический взгляд на телесность, разработанный такими философами, как Ж. П. Сартр и М. Мерло-Понти. Напомним, что для этих философов была весьма значима идея телесного опыта как основы экзистенциального мироощущения. Таким образом, в названном произведении Андреева феномен боли, с одной стороны, являет собой парадигму всякого страдания в человеческой жизни; с другой – становится единственной формой существования человека.

И боль усиливается при «столкновении» со стеной, которая в данном рассказе становится воплощением всевозможных границ. Но стена здесь и символ непреодолимости. Недаром в качестве болезни выбрана прокажа как нечто отталкивающее. Ведь сама мысль о прикосновении к телу, покрытому пузырями и язвами, источающему скверный запах, для человека невыносима. И телесное проявление болезни становится своего рода стеной между человеком и окружающим миром. Иными словами, андреевская стена – это, по сути, некое роковое препятствие. Об этом не раз упоминает герой-повествователь: «нас боялись тронуть» [Андреев, 1990, II: 324]; «голос мой был гнусав и дыхание смрадно, и никто не хотел слушать меня, прокаженного» [Андреев, 1990, II: 325]. Тело, вызывающее стыд и отвращение, является барьером для контакта и общения. В этом контексте крайне важно упоминание о спинах, которые герой видит вместо фигур и лиц людей. Возникает постоянная связка, уподобление / замещение: «тело – стена». Герой прямо говорит об этом: «неподвижны и глухи были спины, как вторая стена» [Андреев, 1990, II: 325]. Отсюда рождается страх и бессилие человека при столкновении с «Иным», слепым, непостижимым. Анализируя экзистенциальную проблематику в данном произведении, С. С. Кирсис отмечает, что именно образ стены воплощает ряд идей, в частности «невозможность познания истины», «отчужденность человека в гносеологическом, а затем в социальном плане» [Кирсис, 1985: 124]. Думается, что эти проблемы оказываются еще более выразительными при использовании символического образа «тела – стены». Материализация, то есть овеществление или олицетворение абстрактной идеи, в том числе психологического феномена и метафизиче-

ского понятия, представляет собой один из основных художественных приемов, характерных для экспрессионизма. Ярким примером такого типа служит проанализированный выше символ стены. Аналогичное явление наблюдается также в рассказе «Ложь».

В этом плане значимо прежде всего описание внешности героини. В рассказе нет на самом деле полноценного портрета женщины, по страницам текста разбросаны лишь части ее тела: «белая шея в прорезе белого платья» [Андреев, 1990, I: 269], чистый лоб, большие непроницаемые глаза, «жадные к свету» [Андреев, 1990, I: 269]. Фокусирование на деталях телесного образа не только способствует созданию мистического настроения, нагнетает таинственность в облике неуловимой героини, но и придает ее образу символическое звучание. В итоге рождается странное существо: Женщина-Змея-Ложь. Недаром рассказ своей образностью «смутит» такого приверженца реалистической поэтики, как Н. К. Михайловский, который считал, что содержанием его является неуловимое «настроение, отрешенное от определенных форм действительности, его вызвавшей, и потому разрешающее себе облекаться в формы совсем неподходящие <...>» [Михайловский, 1995: 492], а самой героини как бы и нет: «<...> лгущая женщина даже не при чем <...>» [Михайловский, 1995: 492]. Еще дальше в отрицании «плотскости» героев Андреева продвинулся К. Арабажин, который считал, что андреевский художественный образ – это прежде всего «философский символ» [Арабажин, 1910: 62].

Разумеется, в данном рассказе центральным художественным образом является ложь, которая представляет собой живое существо, приобретает материальность, начинает обладать собственным телом, которое наливается соками на протяжении всего рассказа. Поначалу, по признанию повествователя, «ядовитое слово “ложь” шипело, как маленькая змейка» [Андреев, 1990, I: 268]; а после убийства лгуньи, совершенного героем, ложь превращается в «большую, блестящую и свирепую змею» [Андреев, 1990, I: 275]. Показательно при этом, что вес и материальность приобретают на время и отдельные предметы. Но они также могут ее и терять. Так, «освещенные окна» советуют герою «своим синим и красным языком» убить женщину, олицетворяющую ложь [Андреев, 1990, I: 271]. Но они же в момент подготовки убийства издевательски говорят ему, что убить ее случайно схваченным ножом невозможно, так как и нож в руках героя – фантом, фикция, та же ложь, что царит во всем мире. И даже когда герой все-таки совершает убийство женщины, он не убивает ложь, ко-

торая как бы начинает существовать вне ее тела, ибо Ложь бессмертна. В итоге женщина растворяется в некоей тьме, «пустоте веков и бесконечности» [Андреев, 1990, I: 276].

Собственно, этот рассказ становится своеобразным эскизом знаменитого рассказа Андреева «Тьма», где с тьмой тоже начинает ассоциироваться женское начало (как до этого с бездной в рассказе «Бездна»). Можно сделать вывод, что Андреев открывает новую ипостась женского тела, которое сопрягается у него не с традиционно природным началом, а с началом космическим, хаотичным, поглощающим человека-мужчину, где Танатос сливается с Эросом. Но это отдельная тема, которая требует своего подробного обоснования.

А пока вернемся к рассказу «Ложь», где опять-таки важны чувство боли и иные физиологические переживания. Герой воспринимает психологические муки через телесные ощущения: «острые и холодные иглы <...> проникали до самого сердца и кололи его тоской и гневом бессильного ожидания» [Андреев, 1990, I: 270]. Не менее мучительно и физическое соприкосновение с ложью-змеей: «Она (ложь. – *М. М., Ч. Ч.*) извивалась в моих руках и кусала мое сердце, и от яда ее кружилась моя голова» [Андреев, 1990, I: 271]. Появляется фраза: «Какая боль!» [Андреев, 1990, I: 276], имеющая отношение ко всем переживаниям героя.

Выше уже говорилось о том, что в поэтике Андреева существенную роль играет физическое воплощение абстрактных понятий, вернее, их бесконечное перевоплощение, череда трансформаций. Именно так, постоянно варьируясь, представлена в анализируемом рассказе ложь. С одной стороны, она – реально существующий феномен, с другой – подчеркивается ее «бесплотность»: она где-то там, в неуловимости и изменчивости сознания лгущего человека. Поэтому измученный ревностью герой воспринимает лоб героини как «тоненькую преграду», мешающую ему в познания истины. Он признается, что ему «безумно хотелось сорвать череп (героини. – *М. М., Ч. Ч.*), чтобы увидеть правду» [Андреев, 1990, I: 273]. В восприятии героя-повествователя неотделимы облик героини и воплощение лжи. Поэтому даже остается до конца неясным, что или кого он имеет в виду, когда говорит: «<...> мне странно было думать, что у нее есть и тело, и что в существовании ее есть начало и конец» [Андреев, 1990, I: 271]. Кажется, в этом противоречии и заключается трагический конфликт мироздания, как его понимает герой, представленный в качестве alter ego автора произведения. Поэтому и звучит со страниц книги вопль: «О, какое безумие быть человеком и искать правды!» [Андреев, 1990, I: 276].

реев, 1990, I: 276] Герой пытается победить ложь посредством уничтожения ее материального воплощения, то есть тела героини, но ложь как всемирный закон не имеет «телесного закрепления», а потому вечна.

Человеческое тело занимает центральное положение и в повести «Красный смех», в которой, как виделось В.В. Маяковскому, война рассматривается «как липкая одуряющая кровь» [Маяковский, 1955: 332]. Здесь тело становится аналогом особого пространства, в котором не только зафиксировано насилие, сопряженное с войной, но и отражен апокалиптический ужас гибели цивилизации.

Как уже было сказано, художественный мир экспрессионистской прозы Андреева – это лабиринт чувств и ощущений. И можно согласиться с замечанием Н.А. Бондаревой, утверждающей, что повесть «Красный смех» основана не на исторических фактах (об этом неоднократно упоминал сам автор), а на субъективных ощущениях, что действительность в ней «является не предметом изображения, а лишь толчком для создания образов» [Бондарева, 2005: 106]. Передача телесных ощущений нужна в этом произведении не столько для воссоздания натуралистических подробностей последствий войны, сколько для воплощения фантастического сознания героев.

В первой части повести тело «переходит» из одного состояния в другое. Неоднократно возникает огромное страшное солнце, рождающее чувство жара (и это определяет психологическое состояние героя): «солнце пронизывало тонкую оболочку и кровавым светом входило в измученный мозг» [Андреев, 1990, III: 22]; «иссушающий, палящий жар проникал в самую глубину тела, в кости, в мозг» [Андреев, 1990, III: 22]. Слепящее солнце представлено как чрезвычайно агрессивное существо, словно нападающее на солдат. Отчуждение собственного тела, восприятие его как чего-то внешнего по отношению к себе, его деформация становятся доминантой смысла произведения. Один из героев вспоминает о том, что на войне он часто чувствовал, что у него «на плечах покачивается не голова, а какой-то странный и необыкновенный шар», одновременно «тяжелый и легкий, чужой и страшный» [Андреев, 1990, III: 23]. Андрееву нужно это экспрессионистское искажение телесного облика, чтобы подчеркнуть абсурдность войны.

Но не только. Ему важно заявить и о деперсонализации личности [Красильников, 2015: 350]. В качестве примера можно привести сцены массового убийства на фронте. Солдаты, «как змеи», «обвивались» проволокой [Андреев, 1990, III: 28], становились похожи на «игрушечных

паяцев». Умирая, они танцуют, а срываясь в ямы, превращаются в «копошашую грудку окровавленных живых и мертвых тел» [Андреев, 1990, III: 28]. Мы словно присутствуем при рождении гротескного массового тела: «Отовсюду снизу тянулись руки, и пальцы на них судорожно сокращались, хватая все <...>: сотни пальцев, крепких и слепых, как клешни, сжимали ноги, цеплялись за одежду, валили человека на себя, вонзались в глаза и душили» [Андреев, 1990, III: 28–29]. Л. А. Иезуитова при характеристике «Красного смеха»: рассказ является одним из «самых необычайных произведений Андреева» [Иезуитова, 2010: 145], – как видим, использовала неожиданный эпитет – «чрезвычайное» произведение. Вышеприведенная картина действительно ярко демонстрирует жестокость и бессмысленность войны, что достигается поэтикой преувеличений.

Андреев в повести «Красный смех» прибегает к приему антропоморфизма. Именно телесное воплощение отвлеченных понятий лучше всего показывает насилие и безумие, являющихся законами войны. Образ красного смеха возник у Андреева в результате воспоминания о взрыве, способном изуродовать человеческое лицо. Этим воспоминанием он поделился с М. Горьким. Описывая лицо одного из раненых, писатель обратил внимание именно на физиологическую аномалию: «Должно быть, мускулы как-нибудь сократились и получилась эта скверная, красная улыбка» [Литературное наследство, 1965: 218]. Несомненно, образ красного смеха наилучшим образом передает что-то жуткое, необоримое, всепоглощающее. Он тесно связан с наполненным кровью живым телом. И это придает ему стихийную мощь, но одновременно воспринимается как нечто, связанное с неразумной физиологичностью. Поэтому один из повествователей так говорит о моменте появления красного смеха: «Когда земля сходит с ума, она начинает так смеяться. <...> На ней нет ни цветов, ни песен, она стала круглая, гладкая и красная, как голова, с которой содрали кожу» [Андреев, 1990, III: 61]. А уже образ земного шара как человеческой оскальпированной головы разрастается до явления космического масштаба. Вспомним отчаянный крик героя: «Я искал и нашел его, этот красный смех. Теперь я понял, что было во всех этих изуродованных, разорванных, странных телах. Это был красный смех. Он в небе, он в солнце, и скоро он разольется по всей земле, этот красный смех!» [Андреев, 1990, III: 27–28] По словам В. П. Руднева, в экспрессионизме «“ландшафт потрясенной души” предстает как потрясение самой действительности» [Руднев, 1999: 374]. И именно тело, заполнившее собою

Вселенную, оказалось способно отразить апокалипсис человеческого сознания.

Подводя итог, можно сказать, что человеческое тело и его фрагменты играют исключительную роль в андреевском творчестве, организованном по законам экспрессионизма. Материализация абстрактной идеи с помощью воплощения телесного образа является важнейшим приемом при создании философского символа. Кроме того, необходимо отметить, что репрезентация тела не только принципиально важна в плане художественной выразительности, но имеет отношение к созданию особого типа психологизма, во многом перекликающегося с поэтикой экспрессионизма, требующей открытого выражения чувств и переживаний в крике, извивах, корчах. Как уже было сказано, актуализация телесного опыта дает возможность предельно расширить психологическое пространство, что свидетельствует о нарастающем кризисе человеческого сознания, который представляется выдающемуся художнику XX в. Леониду Андрееву всеобщей закономерностью и трагедией человечества.

Список литературы

- Андреев Л.Н.* Ложь // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1990. С. 268–276 (I).
- Андреев Л.Н.* Стена // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1990. С. 322–329 (II).
- Андреев Л.Н.* (III) Красный смех // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1990. С. 22–73 (III).
- Арабаджин К.* Леонид Андреев. Итоги творчества. СПб., 1910. 279 с.
- Бондарева Н.А.* Творчество Леонида Андреева и немецкий экспрессионизм: дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2005. 205 с.
- Григорьев А.Л.* Леонид Андреев в мировом литературном процессе // Русская литература. 1972. № 3. С. 190–205.
- Иезуитова Л.А.* Творчество Леонида Андреева (1982–1906) // Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература серебряного века: Избр. труды. СПб., 2010. С. 14–210.
- Кирсис С.С.* Леонид Андреев и некоторые проблемы французского экзистенциализма // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 645. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Проблемы типологии русской литературы. Тарту, 1985. С. 122–132.
- Красильников Р.Л.* Танатологические мотивы в художественной литературе. М., 2015. 488 с.
- Литературное наследство. Т. 72. М., 1965. 630 с.

- Луначарский А.В.* О художнике вообще и о некоторых художниках в частности // Луначарский А.В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1967. С. 7–32.
- Маяковский В.* Будетляне // Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М., 1955. С. 329–332.
- Михайловский Н.К.* «Рассказы» Леонида Андреева. Страх жизни и страх смерти // Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995. 588 с.
- Порунцов В.А.* Художественный мир малой прозы немецкого экспрессионизма 1910-х гг.: Георг Гейм, Альфред Деблин, Готфрид Бенн: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. 232 с.
- Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. М., 1999. 384 с.
- Терехина В.Н.* Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М., 2009. 320 с.
- Троцкий Л.* О Леониде Андрееве // Троцкий Л. Соч. Т.Х. М., 1924. С. 226–240.

Сведения об авторах:

Михайлова Мария Викторовна, докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mary1701@mail.ru;

Чиан Чиех Хан, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, E-mail: sashachiang@gmail.com.

Т.Н. Красавченко

У ИСТОКОВ БРИТАНСКОГО МОДЕРНИЗМА: Т.Э. ХЬЮМ

Статья – о Томасе Эрнесте Хьюме, английском философе, теоретике литературы и искусства, поэте, который в начале XX в. отверг антропоцентричную романтическую традицию как тип идеологии и искусства и создал свою – антиантропоцентричную теорию неоклассицизма. Антируссист, антигуманист, он по-своему осмыслил кризис гуманистического мировоззрения накануне Первой мировой войны. Как идеолог модернизма, оказал влияние на Т.С. Элиота, Э. Паунда, Ф.С. Флинта, Уиндема Льюиса и др.

Ключевые слова: британский модернизм, антиромантизм, неоклассицизм, имажизм, поэзия, искусство.

This article is about Thomas Ernest Hulme, English philosopher, theorist of literature and art, who at the beginning of the 20th century rejected anthropocentric Romantic tradition as a type of ideology and art and created anti-anthropocentric theory of neoclassicism. Anti-rousseauist, anti-humanist, on the eve of the First World War he interpreted the crisis of humanism in his own way. And as an ideologue of modernism influenced T.S. Eliot, E. Pound, F.S. Flint, Wyndham Lewis a.o.

Key words: British modernism, antiromantism, neoclassicism, imagism, poetry, art.

Томас Эрнест Хьюм (1883–1917) в 1910-е гг. был идеологом британского модернизма, разработавшим теорию неоклассицизма, который кардинально отличался от традиционного представления о классицизме и неоклассицизме прошлого и нашел воплощение в теориях и творчестве британских модернистов – имажистов, вортицистов (среди них поэт и критик Т. С. Элиот, писатель Уиндем Льюис¹).

В 1908 г. Хьюм помог банкиру, любителю литературы Генри Симпсону создать в Лондоне «Клуб поэтов», тот стал его президентом, Хьюм – секретарем, а фактически руководителем. Он сформулировал для «Клу-

¹ Их иногда называют авангардистами, но авангардизм в Британии явление специфическое, умеренное. См.: Красавченко Т.Н. Эстетическое переживание пограничной эпохи в Англии и в России: традиционализм и футуризм // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания: Материалы российско-французской конференции: В 2 ч. / Отв.ред. В.Б. Земсков. Ч. I. М., 2002. С. 328–337.

ба» «Правила 1908» [Brooker, 1996: 48] и в том же году прочитал на его заседании (обычно они проходили ежемесячно по вечерам) «Лекцию о современной поэзии». В первых двух антологиях (их было несколько), изданных «Клубом» в 1909 г., – «Рождество MDCCCXVIII» и «Книга Клуба поэтов», Хьюм опубликовал по два стихотворения, среди них «Осень» и «Городской закат», считающиеся первыми имажистскими стихотворениями. В сущности, «Клуб» послужил основой будущего кружка имажистов. Когда английский поэт и переводчик, знаток и пропагандист новой французской поэзии Фрэнк Стюарт Флинт примкнул к «Клубу» в марте 1909 г., они с Хьюмом затеяли проект «Школа образов», через месяц к ним присоединился Паунд. Регулярные встречи «Клуба» длились около года. На этих встречах Хьюм излагал свои идеи, Флинт и Паунд интерпретировали и пропагандировали их. Время от времени Хьюм выступал с лекциями, а с 1909 г. напечатал более сорока статей в журнале «Новая эра» («The New Age», 1907–1922), выходившем под редакцией влиятельного в британских культурных кругах А.Р. Орейджа, написал шесть стихотворений, пять из них опубликовал в 1912 г. в том же журнале как «Полное собрание поэтических сочинений Т.Э. Хьюма». Таким образом, его эстетические идеи были хорошо знакомы большинству искателей новых путей в литературе и стали «катализатором новой поэзии», хотя широко Хьюм еще не был известен.

Что это были за идеи? «Уверен, – писал Т.Э. Хьюм в эссе «Романтизм и классицизм», – что после столетнего господства романтизма мы находимся на этапе возрождения классицизма <...>. Согласно учению Руссо, человек по природе добр и лишь плохие законы и обычаи подавляют его. Если их устранить, перед человеком откроются бесконечные возможности <...>. Классическое можно определить как совершенную противоположность этому. Человек – поразительно низменное и ограниченное животное, природа которого неизменна. И лишь с помощью традиции и организации можно добиться от него чего-то пристойного <...>. Коротче, существуют два взгляда. Согласно одному: человек по своей природе добр и его портят обстоятельства, согласно другому – он по своей природе ограничен, но дисциплинируется и достигает относительно достойного уровня с помощью порядка и традиции. С одной точки зрения, человек подобен колодцу, с другой – ведру» [Hulme, 1924: 115]. Хьюм решительно отверг антропоцентричную романтическую традицию (как тип идеологии и творчества), истоки которой уходят в эпоху Возрождения. На его взгляд, гуманизм и вдохновленное им романтическое искусство приравнили че-

ловека к божеству. Хьюм выступил как антирусоист, антигуманист еще до начала Первой мировой войны, обнажившей кризис гуманистического мировоззрения.

Романтизм для Хьюма – главный источник общественных бед, идеология индивидуализма, ведущая к разгулу страстей, к революциям. Особенность Хьюма, в сравнении с другими неоклассицистами, например американцем-неогуманистом Ирвингом Бэббитом, в том, что свою философию он строил на догме первородного греха – человек изначально грешен («злослычник» вортицист Уиндем Льюис дал Хьюму прозвище «первородный грех»).

Таким образом, искусство, основанное на признании человека существом ограниченным, дисциплинируемым лишь порядком и традицией, утверждающее абсолютные ценности божественного происхождения, согласно Хьюму, – это неоклассицизм. Романтики развратили человека, они повинны в хаосе, в который ввергнут мир, – таков ход мыслей Хьюма.

«Когда мир страшен, – писал он, – и кажется хаотичным, враждебным, лишенным всякой закономерности, у человека есть только одно средство преодолеть хаос – закачать его в неподвижную систему железной геометрической закономерности. Если мир в его конкретной полноте, движении и развитии признается призрачным и ничтожным, как это свойственно, например, восточным мировоззрениям, то единственно мыслимая, допустимая форма абсолютного – геометрическая абстракция. К ней, как к идеалу, человек стремится приблизить каждую вещь <...> и спасти ее из хаоса, возведя к абсолютному покою недвижимой и идеально ясной геометрической закономерности» (цит. по: [Lodge: 72]).

Хьюм прожил недолгую жизнь, однако успел оказать существенное влияние на «сконцентрировавшихся» в Лондоне английских и американских модернистов, в основном поэтов. Он родился в семье фабриканта в Грэттон-Холле, в деревне Эндон округа Стаффордшир, поступил в Кембридж, колледж св. Джона – изучал математику, историю искусств, однако степень не получил: дважды нарушил университетский режим, и в 1904 г. его исключили (правда, в 1912 г. восстановили, но он так и не закончил обучение); а после исключения из Кембриджа он прослушал курс биологии и физики в лондонском Университетском колледже, уехал в Канаду, путешествовал по ней, работал лесорубом, изучал языки в Брюсселе.

Около 1907 г. он заинтересовался философией, эстетикой [Mead: 245–260], прежде всего французской. В 1915 г. перевел «Размышления о на-

силии» Жоржа Сореля. Но «главным героем» стал для него Анри Бергсон, с которым он лично познакомился в 1907 г. В философии Бергсона его, с одной стороны, привлекла мысль об относительности человеческого опыта и абсолютности божественных и этических ценностей [Taupin, 1985], а с другой – о постоянной изменчивости, текучести явлений, а также об интуиции как единственном способе «схватить мгновение» и выразить движение жизни. Хьюм стал одним из первых пропагандистов Бергсона в Англии. В 1909 г. он напечатал статью (The New Age. 1909. Vol. 5. N 13), положившую начало широкому интересу к этому философу в Англии, а в 1912 г. перевел «Введение в метафизику» Бергсона, в которой доминировала идея иррациональной интуиции как единственного вида познания реальности; тогда же Хьюм прочел курс лекций о Бергсоне и его теории искусства. Очевидно, что приверженность неоклассицизму совместилась у него с приятием философии интуитивизма. Эта непоследовательность беспокоила Хьюма. И в 1910 г., будучи в Париже, он обсуждал это с французским литературным критиком-неоклассицистом Пьером Лассером (1867–1930), критиком Бергсона, автором антиромантических книг «Мораль Ницше», «Французский романтизм»; результаты беседы неизвестны. Тут, видимо, следует признать, что ничего «чистого» в XX в. уже не могло быть – ни классицизма, ни эстетизма.

Бергсонианство Хьюма сказалось на британском неоклассицизме, определив его двойственную природу. Предрекая наступление эпохи «сухого, точного классического» стиха и шире – искусства, Хьюм в то же время объявлял характерным признаком современного искусства и поэзии «интроспективность», стремление к передаче мгновенных настроений поэтического сознания, то есть по сути прокламировал их импрессионистский, а не «неоклассический» стиль. Импрессионизм он считал последним словом современной живописи, а его соответствием в поэзии – свободный стих.

Хьюм был далек от идеи возрождения в современной поэзии системы Буало. На современный «неоклассический стиль», по его мнению, большее влияние оказали геометрические формы искусства Древнего Египта, искусство архаической Греции, Византии. Считая, что поэзия, как и живопись, основана на зрительном образе, а не на звуке, Хьюм проецировал на нее те новые черты, которые наблюдал в современном изобразительном искусстве. Защищая геометрический стиль, он исходил и из своей философии, и из конкретного опыта новых школ живописи.

Более того, отстаивая неоклассицизм, он двигался в русле наметившейся на рубеже веков литературно-критической деятельности французских авторов Жюльена Бенда, а также Шарля Морраса и группы «Аксьон Франсэз», связывавших оздоровление общества с возвращением к абсолютизму и классицизму, с преклонением перед традицией XVII в. Т.С. Элиот в апрельском номере «Критериона» за 1924 г. назвал «ход мысли» Хьюма знаменательным для XX столетия.

Тем не менее, считая, несмотря ни на что, западную демократию гарантом «органичного устройства» общества на абсолютных ценностях, в 1914 г. Хьюм ушел на фронт – защищать ее – и в 1917 г. погиб в Бельгии, в Западной Фландрии. Английский поэт, литературный критик, искусствовед Герберт Рид собрал его наследие в книге «Размышления» (1924), в июле 1925 г. «Заметки о языке и стиле» Хьюма вышли в журнале Т.С. Элиота «Критерион» (Vol. 3. N 12), а в 1929 г. отдельным изданием – в США. И Хьюм, который при жизни пользовался признанием в узком кругу поэтов-единомышленников, обрел широкую известность, чем вызвал ревность Эзры Паунда, ибо, когда группа Хьюма прекратила свое существование, инициатива, прежде всего организаторская, перешла к Паунду, который быстро привык к первенству и стал считать себя отцом-основателем имажизма, тем более что именно он ввел в оборот само понятие «имажизм». Однако Ф.С. Флинт в статье «История имажизма» [Flint, 1915: 70–71] связывает рождение имажизма с деятельностью «Клуба поэтов» и напоминает, что в 1912 г. в свою книгу «Ripostes» Паунд включил «полное собрание поэтических сочинений Хьюма» – пять его стихотворений – и в предисловии объяснил, зачем это сделал: «Чтобы в будущем они всегда были под рукой у имажистов, прямых потомков забытой школы 1909 года» (цит. по: [Pondrom, 1974: 302]). Но в 1939 г. в эссе «Этот Хьюм» Паунд написал, что посмертно изданные заметки Хьюма не имеют ничего общего с тем, что происходило в поэзии в 1910–1920-е гг., а «Историю имажизма» Флинта назвал «дребеденью».

Едва ли он был прав. Из статей Хьюма видно, что он во многом преувеличил и Паунда, и Т.С. Элиота, не говоря уж об имажистах как группе. Центральное место в эстетике Хьюма занимают вопросы языка и образа. Он воспринимал поэзию как авангард языка и был убежден, что новые формы выражения создаются в поэзии, испытываются в ней и служат прозе – «музею», где хранятся старые доспехи поэзии.

В своем понимании поэтического слова-образа он шел по стопам французского писателя Реми де Гурмона, автора эссе «Проблемы стиля» (1902). «Поэтический язык – не расхожий язык, а конкретно-образный. <...> Образы в стихе не просто декларация, но самая суть интуитивного языка» [Hulme, 1924: 134–135]. А Эзра Паунд в свою очередь шел по стопам Хьюма, придавая особое значение зрительной природе образа.

Отвергая идею поэтического вдохновения, Хьюм пропагандировал интеллектуальную поэзию, не воспроизводящую «внешнюю природу», а рационально реконструирующую глубинный, изначальный «объект», скрывающийся за зримыми формами предметов. Хьюмовское понимание образа реализуется в ранних стихах Т.С. Элиота, чьи «Прелюдии» сразу напоминают главную заповедь имажизма – прямое, непосредственное выражение «сущности явления».

Двойственная природа взглядов Хьюма, консерватора и реформатора, модерниста², оказала значительное воздействие на природу английской эстетической революции 1910–1920-х годов. Установив непосредственную связь между неоклассицизмом и религиозной точкой зрения, Хьюм способствовал превращению отдельных неоклассицистских идей Элиота в цельную последовательную систему взглядов. Именно Хьюм (за ним следовал Паунд) разработал теоретическую программу имажизма, в котором антропоцентризму и романтической субъективистской эстетике противопоставлялся неоклассицизм, культ мастерства, верлибр для преодоления стиховой инерции традиционной ритмики.

Общую для западного искусства необходимость реформы или, точнее, эстетической революции ощущали многие в то время, но Хьюм первым в Англии четко и точно определил ситуацию в «Лекциях о современной поэзии» (1908–1914), потребовав освобождения поэзии от стесняющих ее традиционных канонов и новой техники, способной передать динамику нашего века.

Таким образом, все вышесказанное опровергает сформировавшийся в англоязычном литературоведении и культурологии миф о том, что английский модернизм – и прежде всего неоклассицизм – феномен, привнесенный наиболее активными американскими «варягами» (Э. Паундом, Т.С. Элиотом). Неоклассицизм, учитывая традиции английского консерватизма, сложившиеся еще в XVIII в., – это органичное для английской культуры явление, порожденное новым временем. Хьюм вы-

² Недаром в критике Хьюма называли революционером-консерватором. См. [Hoeres, 2003].

ступил в начале XX в. как философ нового антилиберального образца, противоположного либерализму XIX в., как идеолог модернизма.

Список литературы

- Brooker J.S.* Mastery and Escape: T.S. Eliot and the Dialectic of Modernism. Amherst, 1996. 274 p.
- Flint F.S.* The History of Imagism // *The Egoist*. London, 1915. Vol. 2. N 5. P. 70–71.
- Hoeres P.* T.E. Hulme – Ein konservativer Revolutionär aus England // *Zeitschrift für Politik*. München, 2003. N 50. S. 187–204.
- Hulme T.E.* Speculations: Essays on Humanism and the Philosophy of Art / Ed. H. Read. London, 1924. XVI, 271 p.
- Hulme T.E.* Notes on Language and Style. Washington, 1929. 27 p.
- Lodge D.* 20th century criticism: A Reader. London; New York. XX, 683 p.
- Mead H.* T.E. Hulme, Bergson and the New Philosophy // *European Journal of English Studies*. Vol. XII. N3. P. 245–260.
- Pondrom C.N.* Road from Paris. French Influence on English poetry. 1900–1920. Cambridge, 1974. 334 p.
- Taupin R.* The Influence of French Symbolism on Modern American Poetry / Transl. by W. Pratt, A.R. Pratt. New York, 1985. 300 p.

Сведения об авторе: Татьяна Николаевна Красавченко, докт. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. E-mail: tatianakras@mail.ru.

ДОНЕЦКАЯ ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ОТ РЕДАКЦИИ

Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации (ЭЛИТА) была создана в Донецком национальном университете в мае 2016 г. студентами и аспирантами русского отделения под руководством заведующего кафедрой русского языка профессора Вячеслава Исаевича Теркулова. Его концепция русской аббревиации излагается в статье, публикуемой в данном номере «Вестника». Костяк лаборатории составляют студенты набора 2014 г.: Андрей Бровец, Валерия Рязанова, Екатерина Акулич, чьи работы также представлены в этом выпуске.

Основная цель деятельности лаборатории – создание Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов русского языка. О нем и идет речь в статье В. И. Теркулова. Отметим, что в конце 2016 г. лаборатория выиграла в конкурсе проектов Международного педагогического форума в г. Сочи грант фонда «Русский мир» на издание этого словаря.

Сейчас сотрудниками ЭЛИТА являются 16 студентов II, III и IV курсов филологического факультета Донецкого университета, 2 аспиранта и 1 докторант. Помимо работы над словарными статьями для Словаря каждый из них занят своей исследовательской темой. Студенты, сотрудники новой лаборатории, побеждали в Международных конкурсах научных работ (А. Бровец – 2 первых места, В. Рязанова – второе место). А. Бровец занял первое место на Международной конференции «Ломоносов» в МГУ имени М. В. Ломоносова (2017 г.), Е. Березницкая дважды занимала первое место в Республиканском конкурсе Малой академии наук. К настоящему моменту они сделали более 40 докладов на конференциях разного уровня, опубликовали более 40 статей.

Кроме статьи В. И. Теркулова, в которой излагаются теоретические положения и конкретные методы изучения русских сложносокращенных слов, мы публикуем также статьи основных сотрудников лаборатории, студентов филологического факультета Донецкого университета: А. И. Бровца о дешифровальном стимуле аббревиатуры; В. А. Рязановой о гибридном конструкте, совмещающем в себе свойства абброконструкта и композитного конструкта; Е. А. Акулич об описании процессов формирования аббревиатурной группы *вело-*.

В.И. Теркулов

СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ

Статья посвящена описанию основных теоретических и практических установок, формирующих концепцию аббревиации Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации кафедры русского языка Донецкого национального университета. В качестве объекта рассмотрения выступает сложносокращенное слово, которое понимается автором как эквивалент словосочетания, включающий в свой состав неинициальный абброконструкт. В работе описываются принципы этимологизации аббревиатур, различия между диахронным и синхронным подходами к определению и изучению сложносокращенных слов, понятия эквивалентности и эквивалентного текста, типология дешифровальных стимулов и т. д. Даются примеры словарных статей для Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов русского языка.

Ключевые слова: аббревиатура, абброконструкт, гнездо эквивалентности, дешифровальный стимул, диахрония, синхрония, текстовая эквивалентность.

The article deals with the description of main theoretical and practical provisions forming the concept of abbreviation of the Experimental research laboratory for abbreviation trends operating on the basis of the Russian language department at Donetsk national university. The compound abbreviation, that is understood by the author as the word-combination equivalent including non-initial abbroconstruct, is the object of consideration. The work describes the principles of abbreviation etymologization, differences between synchronic and diachronic approaches to definition and study of compound abbreviations, notions of equivalency and equivalent text, typology of decryption motives, etc. The examples of dictionary entries for Explanatory-equivalency dictionary of compound abbreviations in the Russian language are provided.

Key words: abbreviation, abbroconstruct, equivalency cluster, decryption motive, diachrony, synchrony, text equivalency.

1. Введение

Целью статьи является описание базовых установок, формирующих концепцию аббревиации Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) кафедры русского языка Донецкого национального университета в той ее части, которая касается сложносокращенных слов.

1.1. Понятие «сложносокращенное слово»

Понятие «сложносокращенное слово» имеет в научной литературе «широкую» и «узкую» трактовки. При «широком» подходе данный термин используют для обозначения всех аббревиатур, возникших на базе словосочетаний (в нашей терминологии – композитных аббревиатур): и инициальных (*вуз, ООО, МГУ* и под.) и слоговых (*горсад, завхоз* и под.) (см., например: [Грамматика-70], [Андропова, 2003]). При «узком» понимании это наименование объединяет только неинициальные единицы: 1) частично сокращенные слова, представляющие собой комбинацию слогового сокращения и слова (*зоокабинет, помкомроты* и под.), 2) слоговые аббревиатуры, включающие в свой состав только слоговые сокращения (*комбат, завхоз* и т. д.), 3) инициально-слоговые аббревиатуры, состоящие из слоговых и инициальных сокращений (*агитАБ, главк*) (см., например, [ЛЭС, 1990]).

При наличии структурного сходства между инициальными и неинициальными аббревиатурами (присутствие в структуре и тех и других сокращенных эквивалентов слов, что, собственно, и позволяет называть их аббревиатурами), они все же имеют принципиальные различия в особенностях образования и функционирования. Для инициальных аббревиатур характерна, например, описанная В. В. Борисовым коррелятивная модель образования [Борисов, 1972], предполагающая искусственное создание сокращений параллельно создаваемым полным наименованиям, в то время как неинициальные аббревиатуры, по крайней мере апеллятивы, чаще всего возникают вследствие «стихийной» универбализации частотных словосочетаний; инициальные аббревиатуры, в отличие от неинициальных, не могут создаваться квазиаббревиатурно, минуя стадию «свертывания» словосочетания (см. ниже), и т. д. Именно поэтому обоснованным представляется разделить указанные типы лексем и определить **сложносокращенное слово** как единицу, связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащую в своем составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом). Под **абброконструктом** при этом понимается часть аббревиатуры, представляющая собой сокращенный эквивалент (дублет) какого-либо слова¹. Например, слово *эковата*

¹ Абброконструкт – родовое понятие, заменившее в наших исследованиях традиционное понятие «абброморфема», которое используется нами как специализированное для обозначения абброконструктов квазиаббревиатур (см. ниже).

является сложносокращенным, поскольку оно связано мотивационными отношениями со словосочетанием *экологическая вата* и включает в свой состав два эквивалента компонентов этого словосочетания: эквивалент, равный слову *вата*, и абброконструкт *эко*, который выступает в качестве сокращенного дублета слова *экологический*.

Предложенное определение является предварительным: оно описывает сложносокращенное слово морфематически, указывая только на формальные особенности его конструкторов в их сопоставлении с компонентами эквивалентного словосочетания. Как будет показано ниже, диахронное и синхронное определения таких аббревиатур², опирающиеся на установление типа мотивационных отношений между словом и словосочетанием, принципиально различаются, как различается и объем понятия «аббревиация» в диахронии и синхронии.

1.2. Лексикографическое описание сложносокращенных слов

Сложносокращенные слова не получили, на наш взгляд, достаточного словарного описания. Слоговые и инициально-слоговые аббревиатуры нашли в какой-то мере отражение в словарях сокращений. Отдельные частично сокращенные единицы получают толкование в толковых словарях и / или приводятся в них списочно при описании абброконструкторов. Например, в толковом словаре С.И. Ожегова приводится описание абброконструктора *мед* («первая часть сложных слов со знач. медицинский, напр. *медпункт*, *медработник*, *мединструмент*, *медпомощь*, *медосмотр*») и толкование четырех слов, содержащих данный конструкт (*медбрат*, *медпункт*, *медсанбат* и *медсестра*). Они, как правило, игнорируются³ составителями словарей сокращений, которые объясняют это тем, что «такие слова обычно легко понимаются и не нуждаются в расшифровке» [Скляревская, 2004: 12]. Однако, как показал опыт работы со сложносокращенными словами в целом и с частично сокращенными словами в частности, эта «легкость» мнимая.

Во-первых, расшифровки часто недостаточно для понимания значения аббревиатуры: необходимо еще и полноценное толкование этого зна-

² Термин «сложносокращенное слово» и гиперонимы «аббревиатура» и «композитная аббревиатура» употребляются в данной статье как абсолютные синонимы.

³ Исключения редки. См., например: Новый словарь сокращений русского языка: Около 32 000 сокращений / Под общ. ред. Е. Г. Коваленко. М., 1995, – в котором представлено большое количество частично сокращенных слов.

чения. Например, для понимания значения слова *ветгруз*, которое не описывается ни в одном из известных нам толковых словарей, мало что дает его расшифровка при помощи текстового / синтаксического эквивалента *ветеринарный груз*: такое наименование может потенциально обозначать и ветеринарные препараты, и питание для животных, и самих животных и т. д. Однако в реальности это слово имеет узкоспециализированное значение «перевозимые животные и продукция животноводства».

Во-вторых, очень часто такие аббревиатуры эквивалентны не одному, а нескольким словосочетаниям: они формируют не словообразовательную (аббревиатурную) пару, как это представляется в большинстве исследований, а целое **гнездо эквивалентности**, которое определяется нами как совокупность актуально сосуществующих словосочетаний, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с ней в эквивалентных текстах. Под эквивалентными текстами мы понимаем тексты (текст), в которых аббревиатура и эквивалентное словосочетание используются для обозначения одного и того же референта, то есть как абсолютные синонимы. Например, в гнездо эквивалентности слова *боекомплект* входят три частотных словосочетания, отмечаемых в эквивалентных текстах: *боевой комплект*, *комплект боеприпасов* и *комплект боевых припасов*⁴. Во многих случаях такие словосочетания, параллельно являясь абсолютными синонимами сложносокращенного слова в конкретных текстах, имеют нетождественное значение, что приводит к множественной текстовой трактовке аббревиатуры. Например, в упомянутом гнезде *боекомплект* значение аббревиатуры в синтаксических эквивалентах может трактоваться и дестинативно (назначение референта) – как «комплект чего-то, предназначенного для боя» (*боевой комплект*): Для воен-

⁴ Добавим, что такую чаще всего игнорируемую составителями словарей множественность эквивалентов имеют и многие инициальные аббревиатуры. Например, для акронима ААС нами отмечаются эквиваленты Анаболические андрогенные стероиды, Анаболическо-андрогенные стероиды, Анаболически-андрогенные стероиды, Анаболико-андрогенные стероиды, Анаболически андрогенные стероиды. Однако причины возникновения и функциональная значимость множественной эквивалентности у таких единиц отличаются от причин формирования гнезд эквивалентности сложносокращенных слов: она обычно имеет в своей основе разную синтаксическую трактовку эквивалентного словосочетания, в то время как для сложносокращенных слов более значимой является возможность разной интерпретации значения аббревиатуры при помощи разных эквивалентных словосочетаний (см. ниже).

ных утвердили **боекомплект** из 65 предметов – Министром обороны утвержден перечень предметов единого **боевого комплекта** для военнослужащих, который включает 65 предметов военной формы одежды, снаряжения и средств индивидуальной защиты (<http://www.milnavigator.com/dlya-voennux-utverdili-boekomplekt-iz-65-predmetov/>), и (в подавляющем большинстве случаев) фабрикативно (конкретный тип референта) – как комплект боеприпасов / комплект боевых припасов, то есть как «количество боеприпасов (составная расходуемая часть оружия, непосредственно предназначенная для поражения живой силы и техники), установленное на единицу оружия»: Самолетам с полным **боекомплект**ом разрешили открывать огонь на поражение – На борту самолетов полный комплект боеприпасов (<http://vesti-ukr.com/mir/16069-turcija-potrevoqe-napravila-istrebiteli-k-sirijskoj-granice>). Эта множественность эквивалентов и трактовок значения затрудняет «легкое понимание» сложносокращенных слов, и поэтому она также нуждается в словарном описании.

Вышесказанное подвигло к идее создания Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов русского языка (далее – Словарь). В словник Словаря вошли 440 **аббревиатурных групп**, то есть групп сложносокращенных слов, имеющих одинаковый абброконструкт (например, аббревиатурная группа *авиа*, включающая слова, которые содержат абброконструкт *авиа*: *авиамаршрут*, *авиаконструктор*, *авианалет*, *авиаштаб* и т. д.), и около 70 тыс. гнезд эквивалентности. В словник не вошли онимные аббревиатуры, например *Донбассуголь*, *Госиздат* и под., поскольку принципы их образования и функционирования существенно отличаются от принципов образования и функционирования аббревиатур-апеллятивов, что требует иного подхода к словарному описанию, а следовательно, и другого словаря.

Словарь характеризуется следующими особенностями:

- 1) это, насколько нам известно, первый в истории языкознания специализированный словарь апеллятивных сложносокращенных слов;
- 2) словарные статьи в нем строятся на основе синхронной трактовки и синхронного анализа аббревиатур (см. ниже);
- 3) в нем даются все обнаруженные в текстах частотные эквиваленты сложносокращенных слов;
- 4) в нем приводятся дополнительные сведения о значении, грамматических характеристиках, синонимах и словообразовательной активности сложносокращенного слова.

Для составления Словаря и была создана Лаборатория. Работа над Словарем показала, что многие особенности образования и функционирования сложносокращенных слов не просто не описаны, но даже не попали в поле зрения ученых. К таковым относятся, например, различие синхронных и диахронных аббревиатур, закономерности и типы актуальной дешифровки сложносокращенных слов в тексте, существование разных деривационных и эквивалентностных типов абброконструктов, различие универбализации и псевдоунивербализации и т. д.

Главная идея исследований Лаборатории – необходимость разграничения синхронных и диахронных аббревиатур. Эта идея возникла в итоге теоретического осмысления результатов осуществлявшейся в начале работы над Словарем этимологизации входящих в его словник сложносокращенных слов.

2. Результаты и методики этимологизации аббревиатур

Традиционно композитные аббревиатуры выявляются на основе двух системных характеристик. Аббревиатурой считается только такая лексема, которая:

1) содержит абброконструкт и произведена от словосочетания в результате его компрессии, универбализации (эквивалентной трансформации словосочетания в слово) (см., например: [Алексеев, 1979: 107]);

2) сосуществует в синхронии с производящим словосочетанием в качестве его абсолютного синонима – текстового эквивалента (см., например: [Борисов, 1972: 62]).

Применение этих двух принципов позволяет считать сложносокращенными словами, например, *алкозависимость* и *борткомпьютер*, поскольку они образованы в результате **универбализации** словосочетаний *алкогольная зависимость / зависимость от алкоголя* и *бортовой компьютер* и сосуществуют с ними на актуальном срезе языка как дублетные наименования. В этом случае абброконструкт (*алко* или *борт*) имеет статус **аббревиационного эквивалента (абброэквивалента)**, то есть реального сокращенного «заместителя» какого-либо слова производящего словосочетания в аббревиатуре. Эквивалентность, возникающую в результате универбализации, мы определяем как **формирующую эквивалентность**.

Опыт этимологизации сложносокращенных слов показал, однако, что часто единицы, которые традиционно трактуются как аббревиатуры, не могут считаться таковыми при одновременном применении указан-

ных требований: большое количество слов, имеющих на синхронном срезе языка мотивационно связанные эквивалентные словосочетания, возникли не в результате универбализации этих словосочетаний, а по другим причинам: вследствие либо прямого присоединения абброконструкта к производящему слову, либо аббревиатурного калькирования иноязычного слова, либо сохранения абброконструкта в сложнопроизводном слове. Такие слова мы называем **квазиаббревиатурами** (имитациями аббревиатур), и абброконструкт, входящий в состав, по крайней мере, квазиаббревиатур двух первых типов, определяется нами как **абброморфема**, то есть как «стереотипно используемый при образовании квазиаббревиатур абброконструкт с обобщенной семантикой, возникший в результате деривационной абсолютизации абброэквивалента и присоединяемый в процессе деривации непосредственно к производящему слову как словообразовательная морфема» [Теркулов, 2016: 16].

Этимологизация аббревиатур и определение статуса абброконструкта в них (абброэквивалент или абброморфема) – достаточно сложная процедура, и это обусловлено тем, что для квазиаббревиатур, как уже было сказано, в большинстве случаев все-таки обнаруживаются формально связанные с ними и часто встречающиеся в текстах синтаксические эквиваленты. Появление таких единиц вызвано **псевдоунивербализацией** – развертыванием на базе сложносокращенного слова вторичных словосочетаний, возникновение которых в данном случае обусловлено действием сложившегося в сознании носителей языка стереотипа: если в состав слова входит абброконструкт, этому слову должно соответствовать словосочетание, в котором должен присутствовать словесный эквивалент этого абброконструкта. Носитель языка попросту конструирует словосочетание, которое, по его мнению, должно быть источником для слова с абброконструктом. При псевдоунивербализации возникает **формируемая эквивалентность**.

Псевдоунивербализация возможна не только на базе квазиаббревиатур, но и на базе аббревиатур: во всех случаях она может формировать упомянутую выше множественность эквивалентов сложносокращенного слова. Например, слово *ветроустановка* возникло, скорее всего, в результате универбализации словосочетания *ветроэнергетическая установка*. В современных же текстах мы обнаруживаем для указанной лексики и псевдоунивербализационные эквиваленты *ветровая установка* и *ветряная установка*, возникшие в результате дешифровки абброконструкта *ветро* при помощи «привычных» для носителя языка эквивален-

тов *ветровой* и *ветряной*. Однако важно отметить, что для квазиабревиатур псевдоунивербализация более значима, поскольку именно она, создавая вторичный синтаксический эквивалент слова, формирует на синхронном срезе языка **восприятие** квазиабревиатур как аббревиатур.

Наше исследование позволяет предположить существование как минимум трех типов квазиабревиатур: собственно абброморфемных, калькированных заимствованных и сложнопроизводных.

2.1. Абброморфемные квазиабревиатуры

Собственно абброморфемные квазиабревиатуры возникают в результате прямого присоединения абброморфемы к производящему слову, но затем они в подавляющем большинстве случаев псевдоунивербализационно разворачиваются во вторичные словосочетания, что приводит к стиранию их отличий от исконных аббревиатур на синхронном срезе языка. Нами комплексно используются четыре методики, которые позволяют предположить производящее для сложносокращенного слова и тем самым отличить квазиабревиатуры от собственно аббревиатур: хронологическая, квантитативная, семантическая интерпретационная и ономаσιологическая.

Хронологическая методика имеет в своей основе установление времени первой фиксации употребления слова и эквивалентного словосочетания. Большую помощь в этом оказывают корпуса русского языка, в частности Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>) и Google Books Ngram Viewer (<https://books.google.com/ngrams>). Например, по данным Google Books Ngram Viewer словосочетание *генеральный подряд* отмечается впервые в 1937 г., а слово *генподряд* – в 1945, что может свидетельствовать в пользу первичности словосочетания. Слово же *авиабаза* впервые отмечается данным сервисом в 1909 г., в то время как словосочетание *авиационная база* – в 1920, и это позволяет предположить, что слово возникло абброморфемным способом, а словосочетание было позднее развернуто на его базе вследствие псевдоунивербализации. Хронологическая методика не является самой убедительной: нет никакой уверенности в том, что в корпус были внесены все источники, позволяющие точно определить время первого употребления слова или словосочетания. Например, в НКРЯ употребления слова *генподряд* отмечаются только с 2003 г. Поэтому данная методика используется нами только как предварительная.

Квантитативная методика построена на определении **баланса индексов** частотности употребления слова и эквивалентного словосочетания, который представляет собой частное от деления количества употреблений слова на количество употреблений словосочетания (баланс < 1 свидетельствует в пользу большей частотности словосочетания, а > 1 – слова). Установление частотности употребления элементов гнезда эквивалентности осуществляется на основе обработки данных поисковых машин (Google, Яндекс) и корпусов (НКРЯ, Google Books Ngram Viewer). Разумеется, частотные характеристики языковых единиц меняются практически ежеминутно. Но одновременные замеры в одних и тех же гнездах эквивалентности показали относительную стабильность **баланса индексов**, что позволяет говорить о возможности условного масштабирования результатов подсчетов на язык в целом.

Как отмечает С. Шадыко, важнейшим условием универбализации словосочетания является то, что оно должно «обладать достаточной частотностью» и «быть социально значимым, важным для лиц, употребляющим данное словосочетание» [Шадыко, 2000: 94–95]. Эти факторы, в особенности второй, способствуют в подавляющем большинстве случаев сохранению высокой текстовой активности производящего словосочетания. Наши подсчеты показали, что обычно оно употребляется чаще образованного на его базе сложносокращенного слова. Например, баланс индексов в паре *ветакадемия* – *ветеринарная академия* составляет 0,12, что однозначно подтверждает универбализационную природу слова. Иногда, правда, аббревиатура вытесняет производящее словосочетание из текстов, но и здесь все равно отмечается высокая частотность употребления последнего: баланс индексов в этом случае обычно не превышает 3–5. Например, для пары *генподряд* – *генеральный подряд* баланс индексов составляет 1,3 (слово в 1,3 раза употребляется чаще словосочетания), что все-таки еще может считаться косвенным свидетельством образования аббревиатуры в результате универбализации. В тех же случаях, когда баланс индексов превышает 5, появляются основания предположить, что в паре «слово – словосочетание» первичным является слово, а тогда, когда баланс превышает 10, возникает уверенность в псевдоунивербализационной природе словосочетания. Например, для пары *бензобак* – *бензиновый бак* отмечается баланс индексов 125,05, а для пары *бензобак* – *бак для бензина* – 195,46, что может быть признано свидетельством вторичности приведенных словосочетаний.

Семантическая интерпретационная методика определяет конкретность / размытость семантики абброконструкта и эквивалентного словосочетания: если в этом словосочетании реализуется регулярное для эквивалента абброконструкта значение, оно может быть определено как производящее для аббревиатуры. И наоборот: если семантика словосочетания искусственна и не подкрепляется «словарным» значением компонентов, мы можем предположить, что это словосочетание возникло в результате псевдоунивербализации. Обычно регулярное значение «разворачивается» в параллельном интерпретационном номинативном эквиваленте сложносокращенного слова. Например, проведенный нами анализ показал, что семантика аббревиатур с элементом *био*, образованных от словосочетаний с атрибутом *биологический*, обычно включает один-два релятора: *биоочистка* «очистка (1) биологическими (2) средствами» (баланс индексов с *биологическая очистка* – 0,09), *биоразнообразие* «разнообразие (1) биологии (органического мира)» (баланс индексов с *биологическое разнообразие* – 0,18) и т. д. Параллельные интерпретационные эквивалентные словосочетания *очистка биологическими средствами* и *разнообразие биологии*, «разворачивающие» значение абброконструкта, достаточно часто встречаются в текстах в номинативной функции. С другой стороны, семантика конструкта *био* / *биологический* в слове *биогаз* и эквивалентном ему словосочетании *биологический газ* включает 4 релятора: (1) «получаемый», (2) «при разложении» и (3) «биологических» (4) «материалов». При этом интерпретационное словосочетание *газ, получаемый в результате разложения биологических материалов*, не выступает в номинативной функции: оно появляется в текстах только в качестве развернутой дефиниции слова *биогаз*. Реляторная размытость значения абброконструкта в слове *биогаз* свидетельствует, следовательно, в пользу морфематизации, обобщения его значения, что и позволяет предположить возникновение слова в результате прямого присоединения абброморфемы *био* к лексеме *газ* и производность от аббревиатуры (псевдоунивербализацию) эквивалентного ей словосочетания. Возможность такой трактовки подкрепляется и квантитативным анализом (баланс индексов *биогаз* : *биологический газ* = 77,72).

Ономасиологическая методика устанавливает тождественность / нетождественность ономасиологической структуры сложносокращенного слова и его эквивалента ономасиологической структуре словосочетаний с идентичным ономасиологическим базисом. Например, ономасиологическая структура словосочетания *авиационная безопасность* и образо-

ванного на его базе слова *авиабезопасность* абсолютно идентична оно-масиологической структуре «система + дестинатив (отрасль): система, обеспечивающая отрасль» пар *экологическая безопасность* – *экобезопасность*, *биологическая безопасность* – *биобезопасность* и под., являющихся словосочетаниями с тождественным признаковым дестинативным терминалом базиса *безопасность*. Это подтверждает первичность словосочетания по отношению к слову и в паре *авиабезопасность* – *авиационная безопасность*, поскольку у нас есть все основания утверждать, что формирование этой пары не противоречит регулярной деривационной модели «слово → модификация / заполнение терминала «дестинатив» → **словосочетание** → эквивалентность → **аббревиатура**», отмечаемой для дестинативных словосочетаний с главным словом *безопасность*. Оно-масиологическая же структура словосочетания *авиационный билет* и слова *авиабилет* не соответствует оно-масиологической структуре словосочетаний с базисом *билет*, в которых представлено нормативное модификационное заполнение терминала «дестинатив» лексемами со значением «средство передвижения»: *билет на поезд, на корабль, на автобус* и т. д. В словосочетании *авиационный билет* атрибут указывает не на средство передвижения, а на отрасль, к которой относится данное средство передвижения: здесь осуществляется отвлеченное (отраслевое) «синекдохическое» заполнение терминала «дестинатив» (назначение), что характерно именно для «абброморфемной» деривации. Значение аббревиатуры трактуется не по традиционной модели «билет на х», где под х подразумевается конкретное средство передвижения, а как «билет на нечто (х), имеющее отношение к авиации» без объективации в эквивалентном словосочетании релятора «х». Следовательно, *авиабилет* создан не по регулярной деривационной модели «слово → модификация / заполнение терминала «дестинатив» → словосочетание», отмечаемой для дестинативных словосочетаний с базисом *билет*, а представляет собой лексическую модификацию морфемного типа «производящее слово → морфемная модификация / заполнение терминала «дестинатив» → производное слово». Словосочетание *авиационный билет* здесь не выступает в качестве прямого модификатора значения слова *билет*: оно является вторичным псевдоунивербализационным эквивалентом лексемы *авиабилет* (модель: «**производящее слово** → морфемная модификация / заполнение терминала «дестинатив» → **производное слово** → псевдоунивербализация → **словосочетание**»). Такая трактовка статуса слова и эквивалентного словосочетания подтверждается и количественным (баланс индексов 58,71)

и семантическим интерпретационным (наличие трех реляторов в семантике прилагательного: «билет на (1) нечто, (2) имеющее отношение (3) к авиации», и невозможность замены атрибутивного словосочетания интерпретативным **билет на авиацию*) анализом.

2.2. Калькированные заимствованные аббревиатуры

Достаточно часто как аббревиатуры трактуются калькированные заимствования аббревиатурного типа из других языков. Например, Т.С. Сергеева считает аббревиатурой слово *танцпол*, для которого ею предполагается производящее *танцевальный пол* [Сергеева, 2013: 176]. Однако в действительности слово *танцпол* является аббревиатурной калькой англ. *dance floor*, что и позволяет считать словосочетание *танцевальный пол* не производящим для него, а производным от него.

В русском языке благодаря псевдоунивербализации, как это видно на примере *танцпола*, возникают эквиваленты и для калькированных аббревиатур. Часто возможна множественная псевдоунивербализация. Например, для слова *автопроисшествие* (калька англ. *car accident* или *auto accident*) нами отмечено три дублетных наименования: *автодорожное происшествие*, *автотранспортное происшествие*, *автомобильное происшествие*. Иначе говоря, такие единицы ведут себя в русском языке точно так же, как и исконные аббревиатуры и квазиаббревиатуры. В связи с этим возникает необходимость в создании методик этимологизации калькированных сложносокращенных слов. Нами используются на данном этапе обработки материала два приема этимологизации: прием расширенного поиска и прием семантического сопоставления.

Прием расширенного поиска предполагает использование при поиске в поисковых машинах операторов «на всех языках» и «все результаты». Часто в этом случае поисковые машины выдают многочисленные тексты, в которых приводится иноязычный эквивалент русской аббревиатуры, что может хотя бы вызвать сомнения в ее исконности. Например, при подсчете употреблений слова *автокатастрофа* был обнаружен большой пласт ссылок на англоязычные и русские тексты с эквивалентом *car crash*. С учетом того, что русские эквиваленты этого слова мало частотны (балансы индексов: *автомобильная катастрофа*, 4,69; *автодорожная катастрофа*, 278,11; *автотранспортная катастрофа*, 1332,21; *катастрофа автомобиля*, 2433,88; *катастрофа автомобилей* 2707,07), можем предположить, что слово *автокатастрофа* возникло в результате калькирования указанного английского словосочетания.

Прием семантического сопоставления имеет в своей основе обнаружение семантической «необоснованности» слова в русском языке и семантической «обоснованности» его иноязычного эквивалента. Например, русское *нефтьвышка* в большинстве текстов дешифруется как *нефтяная вышка*, употребляющееся значительно чаще аббревиатуры (баланс индексов – 0,12), что должно было бы свидетельствовать в пользу универбализации. Однако слово *нефтяной* толкуется обычно как «1. соотн. с сущ. нефть, связанный с ним. 2. Свойственный нефти, характерный для нее. 3. Получаемый из нефти. 4. Работающий на нефти». Ни одно из этих значений не может быть использовано при трактовке семантики указанного словосочетания. Более того, в значении прилагательного и аббреоконструкта обнаруживается четыре релятора (вышка, (1) предназначенная (2) для бурения (3) нефтяных (4) скважин), что характерно для квазиаббревиатур. Применение расширенного поиска показало, что иноязычным эквивалентом данной аббревиатуры является англ. *oil derrick*, которое включает в свой состав слово *derrick*, имеющее в английском языке значение «буровая вышка» («вышка для бурения»). Иначе говоря, в английском языке семантика словосочетания обоснована: она имеет двуреляторную структуру «[нефтяная **буровая** вышка] : [вышка для бурения] (1) нефтяных (2) скважин». Различие этой английской «обоснованной» и русской «необоснованной» семантики косвенно свидетельствует в пользу того, что русская аббревиатурная пара возникла, скорее всего, в результате калькирования английского словосочетания.

2.3. Сложнопроизводные аббревиатуры

Признаки аббревиатур на актуальном срезе языка имеют и сложнопроизводные лексемы, то есть слова, образованные от аббревиатур морфологическим способом: для них также обнаруживаются синтаксические эквиваленты. Для этимологизации таких единиц используется традиционный прием словообразовательного перифразы. Например, *автогонщик* на синхронном срезе языка имеет все признаки аббревиатуры: в его составе выделяется аббреоконструкт *авто*, а в эквивалентных текстах используется его актуальный «полный эквивалент» – словосочетание *автомобильный гонщик*. Но перифраз «участник автогонок» явно указывает на другой словообразовательный процесс: *автогонщик* является не аббревиатурой словосочетания *автомобильный гонщик* (баланс индексов – 96,73), а суффиксальным производным от *автогонки*. Точно так же слово *автогонщица*, получающее в текстах эквивалент *автомобильная гонщица* (баланс индексов – 441,11: *Первой на старт выехала,*

пожалуй, самая опытная **автомобильная гонимца** Анна Локтющенко-ва [<http://autol1rus.ru/modules/news/article.php?storyid=4253>]), явно образовано от слова *автогонимик* и является с точки зрения диахронии сложнополоизводным словом.

3. Синхронные и диахронные аббревиатуры

Итак, как аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры имеют на актуальном срезе языка появившиеся по разным причинам текстовые эквиваленты. Это значит, что те единицы, которые при диахроническом анализе не могут быть отнесены к сложносокращенным словам, в синхронии однозначно воспринимаются носителями языка именно как аббревиатуры. Для носителя языка нет никакой разницы между, например, аббревиатурой *авиабезопасность* и квазиаббревиатурой *авиабилет*: он воспринимает и первое и второе как сложносокращенное слово, что подтверждается использованием им в текстах развернутых эквивалентов этих лексем: *авиационная безопасность* и *авиационный билет*. Разрыв в данном случае между результатами диахронного **анализа** (наличие / отсутствие словосочетания-источника) и синхронного **восприятия** (дублетность слова и словосочетания) и побуждает нас говорить о двух типах аббревиатур.

Первый тип – сложносокращенные слова, реально возникшие на базе словосочетаний (*алкогозависимость*, *борткомпьютер* и под.) и противопоставляющиеся квазиаббревиатурам (*биогаз*, *автогонимик*, *танцпол* и под.). Выделение аббревиатур данного типа осуществляется только на основе диахронного анализа, их существование оправдывается только диахронно, и поэтому мы называем такие единицы **диахронными аббревиатурами**. Целью анализа диахронных аббревиатур является разграничение формирующей и формируемой эквивалентностей и установление деривационных связей между элементами гнезда эквивалентности.

Второй тип – сложносокращенные слова, имеющие на актуальном срезе языка формально связанные с ними мотивационными отношениями текстовые синтаксические эквиваленты. Они легко обнаруживаются при синхронном анализе текстов. В их число входят как диахронные аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры, которые в результате псевдоунивербализации были развернуты в словосочетания. Существование таких отношений между словом и его эквивалентом оправдывается только синхронно, и поэтому мы называем такие единицы **синхронными аббревиатурами**. Иначе говоря, с точки зрения синхронии аббревиатурами являются как *алкогозависимость* и *борткомпьютер*, так и *биогаз*, *автогонимик* и *танцпол*, поскольку все они имеют актуальные синтаксические эквива-

ленты. В этом случае абброконструкт получает статус синхронного абброэквивалента.

Синхронные аббревиатуры противопоставляются словам, содержащим абброконструкт, но не имеющим синтаксических эквивалентов (или имеющим малоупотребительные эквиваленты). Например, нами не отмечается частотных текстовых эквивалентов для слов *авиамамка*, *зоотехник* и под. Абброконструкт в таких лексемах имеет статус **абброаффиксоида**, а сами они – статус синхронных **аффиксоидных квазиаббревиатур**.

Целью **синхронного** анализа является установление и описание отношений синхронной эквивалентности в пределах гнезда эквивалентности аббревиатуры.

4. Понятие синхронной эквивалентности

Под отношениями синхронной эквивалентности подразумевается функционально-семантическое тождество и мотивационная соотносительность аббревиатуры и ее конструкторов с соответствующими словосочетаниями и входящими в них словами. Иначе говоря, при синхронном анализе мы считаем эквивалентными и, следовательно, входящими в гнездо эквивалентности аббревиатуры те словосочетания, которые употребляются как абсолютные синонимы (дублеты) сложносокращенного слова в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры.

Эквивалентом конструктора аббревиатуры мы считаем единицу, полностью или частично совпадающую с данным конструктором на уровне формы и имеющую с ним текстуально подтверждаемое тождественное значение, то есть могущую заменить его в эквивалентном тексте при замене аббревиатуры словосочетанием без изменения ее значения. Например, эквивалентом слова *автоинспекция* является используемое в эквивалентных текстах словосочетание *автотранспортная инспекция*, потому что оно включает в свой состав слово *инспекция*, которое обнаруживается в аббревиатуре в неизменном виде в том же значении, и слово *автотранспортная*, которое, во-первых, часто отмечается в эквивалентных словосочетаниях в аббревиатурной группе *авто* (сравните: *автопредприятие* – *автотранспортное предприятие*, *автобатальон* – *автотранспортный батальон* и т. д.), а во-вторых, формально частично совпадает с абброконструктом *авто*, имеет в данном словосочетании в многочисленных эквивалентных текстах значение, тождественное зна-

чению абброконструкта, то есть заменяет в них абброконструкт, например: *Затем был предоставлен краткий отчет об аварийности на наших дорогах с участием лицензированного автотранспорта – цифры удручающие- и...ни одного слова о том, что было предпринято **автоинспекцией** для профилактики аварийности – Недавно в Харькове **автотранспортной инспекцией** было проведено собрание для крупных автоперевозчиков по безопасности дорожного движения* (<http://www.roputka.com/page.php?pid=332>).

Формирование эквивалентных (синонимических, дублетных) отношений в гнезде эквивалентности обусловлено актуальным (синхронным) применением так называемых **дешифровальных стимулов** интерпретации аббревиатуры.

5. Дешифровальный стимул

Дешифровальный стимул определяется как «стереотип расшифровки абброконструкта» [Теркулов, 2016: 19], то есть как слово или сочетание слов, которое является эквивалентом абброконструкта и может быть использовано для его замены в эквивалентном словосочетании. Обычно абброконструкт имеет несколько дешифровальных стимулов. Например, для абброконструкта **авто** нами отмечаются дешифровальные стимулы **автомобильный, автомобилей, автомобиля, для автомобиля, на автомобиль, авто, для авто, автоиндустриальный, автомобильной индустрии, автотранспортный, автомобильного транспорта** и т. д. Множественность дешифровальных стимулов у одного абброконструкта обеспечивает возможность формирования множественной синхронной эквивалентности аббревиатуры. Конечно же, для отдельно взятого сложносокращенного слова используются не все дешифровальные стимулы входящего в ее состав абброконструкта, а только те, которые «прогнозируются» ее значением (см. статью А. И. Бровца). Например, для дешифровки слова **автомотор** невозможно использовать дешифровальный стимул **автодорожный**, поскольку мотор находится не на автодороге, а в автомобиле.

Важно отметить, что диахронная псевдоунивербализация является «вторичным продуктом» использования дешифровальных стимулов: она возникает тогда, когда дешифровальный стимул не совпадает с реальным универбализационным источником для аббревиатуры. Однако это происходит, так сказать, вне осознанной установки на деривацию: дешифровальные стимулы полностью настроены на синхронию и используются для формирования «текстового разнообразия», помогающего либо избег-

нуть повторяемости слова, либо уточнить в тексте значение аббревиатуры. Для дешифровальных стимулов нет никакого различия между аббревиатурой и квазиаббревиатурой, между источником для аббревиатуры и развернутым на ее базе вторичным словосочетанием: они полностью обслуживают создаваемый здесь и сейчас текст и поэтому могут и совпадать с диахронным производящим и отличаться от него, что никак не обнаруживается при их использовании. Иначе говоря, на синхронном срезе языка происходит нивелировка диахронных формирующей и формируемой эквивалентностей.

Синхронное описание дешифровальных стимулов, аббревиатур и эквивалентных словосочетаний включает две процедуры: формально-структурный и семантико-ономасиологический анализ.

5.1. Формально-структурный анализ

Формально-структурный анализ определяет формальные характеристики дешифровального стимула, аббревиатуры и эквивалентного словосочетания и осуществляется в два этапа.

На первом этапе устанавливается общая модель использования дешифровального стимула в эквивалентном словосочетании. Для моделирования применяются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, то есть дешифровальный стимул абброконструкта, адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), сущ – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в дешифровальный стимул – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре. Мы различаем следующие базовые типы дешифровальных стимулов:

1. х – существительное (у-х: *деталь **автомобиля** – автодеталь*);
2. х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): ***алкогольная** аллергия – алкоаллергия*);
3. х-а – сложное существительное: (у-х-а(сущ)): *поставки **электроэнергии** – энергопоставки*);
4. х-а(адъект) – сложный адъектив (у-х-а(адъект): ***биофармакологический** кластер – биокластер*);
5. (предл)х – существительное с предлогом: (у-(предл)х: *бак **для бензина** – бензобак*);
6. (предл)х-а – сложное существительное с предлогом: (у-(предл)х-а: *билет **на авиоперевозку** – авиабилет*);

7. $x-z(\text{сущ})$ – словосочетание с зависимым существительным: ($y-x-z(\text{сущ})$): *альянс производителей автомобилей – автоальянс*);
8. $x(\text{адъект})-z$ – словосочетание с зависимым адъективом: ($y-x(\text{адъект})-z$): *аренда автомобильного транспорта – автоаренда*);
9. $(\text{предл})x-z(\text{сущ})$ – предложное словосочетание с зависимым существительным: ($y-(\text{предл})x-z(\text{сущ})$): *аксессуары для тюнинга автомобиля – автоаксессуары*);
10. $(\text{предл})x(\text{адъект})-z$ – предложное словосочетание с зависимым адъективом: ($y-(\text{предл})x(\text{адъект})-z$): *билет на авиационный рейс – авиабилет*).

Набор дешифровальных стимулов, представленных в одном гнезде эквивалентности, формирует **дешифровальную матрицу** гнезда. Например, матрица гнезда *нефтезавод* имеет следующий вид: **$y-x(\text{адъект})$** (*нефтяной завод*), **$y-x-a(\text{адъект})$** – x -перерабатывающий (*нефтеперерабатывающий завод*), x -обрабатывающий (*нефтеобрабатывающий завод*), **$y-x-z(\text{сущ})$** – переработки x (*завод переработки нефти*), обработки x (*завод обработки нефти*), **$y-(\text{предл})x-z(\text{сущ})$** – по переработке x (*завод по переработке нефти*), по обработке x (*завод по обработке нефти*).

Часто можно говорить о совпадении (полном или частичном) матриц ономаσιологически сходных аббревиатур. В приведенном выше примере аббреконструкт имеет трансгрессивное значение «объект обработки / переработки». Такое же значение обнаруживается, например, у аббреконструкта *молоко* в слове *молокозавод*, для которого отмечается идентичная матрица: **$y-x(\text{адъект})$** (*молочный завод*), **$y-x-a(\text{адъект})$** – x -перерабатывающий (*молокоперерабатывающий завод*), x -обрабатывающий (*молокообрабатывающий завод*), **$y-x-z(\text{сущ})$** – переработки x (*завод переработки молока*), обработки x (*завод обработки молока*), **$y-(\text{предл})x-z(\text{сущ})$** – по переработке x (*завод по переработке молока*), по обработке x (*завод по обработке молока*). То же обнаруживается и для аббревиатур *мусорозавод*, *рыбозавод* и т. д.

На втором этапе для каждой эквивалентной пары в пределах гнезда эквивалентности определяется конкретная модель формальной разновидности эквивалентности, которая описывает тип формального соответствия компонентов словосочетания и конструктов аббревиатуры и объединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Общими операторами для этих блоков являются грамматические операторы,

указывающие на частеречную принадлежность компонентов эквивалентного словосочетания (сущ – существительное, прил – прилагательное и т. д.), на номер падежной формы (1 – именительный, 2 – родительный и т. д.), на числовую характеристику (ед – единственное, мн – множественное). Для обозначения сложных слов, входящих в словосочетание, используется оператор «комп». В блоке аббревиатуры добавляются операторы, определяющие качество аббреквивалента (Осн – основа, Чосн – часть основы, Чосн¹ – первая часть основы эквивалентного сложного слова, З¹ – первый звук основы, Б¹ – первая буква основы), а также оператор «инт», используемый в тех случаях, когда в аббревиатуре появляется интерфикс. В тех случаях, когда при образовании аббревиатуры «игнорируются» какие-то компоненты словосочетания, они приводятся в скобках после знака «-». Например, при описании эквивалентности *ветрогенератор* – *ветровой генератор* модель формальной разновидности эквивалентности имеет такой вид: **у-х(аде́кт)** (модель структуры дешифровального стимула): **Прил1ед-Сущ1ед** (блок эквивалента *ветровой генератор*) = **Чосн1Прил1ед+инт+Сущ1ед** (блок аббревиатуры *ветрогенератор*) (модель формальной разновидности эквивалентности).

Формальные модели эквивалентности также вводятся в схему дешифровальной матрицы: **нефтезавод у-х(аде́кт): Прил1ед-Сущ1ед = Чосн1Прил1ед+инт+Сущ1ед** (*нефтяной завод*), **у-х-а(аде́кт): Прил1ед(комп)-Сущ1ед = Чосн1Прил1ед(комп)/инт+Сущ1ед** – х-перерабатывающий (*нефтеперерабатывающий завод*), х-обрабатывающий (*нефтеобрабатывающий завод*), **у-х-з(сущ): Сущ1ед+Сущ2ед(1)+Сущ2ед(2) = ОснСущ2ед(2)/инт+Сущ1ед (-Сущ2ед(1))** – переработки х (*завод переработки нефти*) / обработки х (*завод обработки нефти*), **у-(-предл)х-з(сущ): Сущ1ед+предл+Сущ4ед+Сущ2ед = ОснСущ2ед/инт+Сущ1ед (-предл+Сущ4ед)** – по переработке х (*завод по переработке нефти*), по обработке х (*завод по обработке нефти*).

5.2. Семантико-ономасиологический анализ

Разные дешифровальные стимулы, обеспечивая текстовую семантическую тождественность в направлении «аббревиатура – словосочетание», чаще всего имеют различающееся значение и в силу этого мотивируют разную текстовую интерпретацию аббревиатуры. Например, слово *автоиндустрия* в одних текстах имеет эквивалент *автомобильная индустрия* (связанная с автомобилями): *Однако автоиндустрия живет не только будущим, но и настоящим. – Если не все, то многие гиганты мировой автомобильной индустрии предложили на суд публики и спе-*

циалистов *концепт-кары* (Гудок. 21.03.2008), а в других – *автотранспортная индустрия* (связанная не только с автомобилями, но и с другими автотранспортными средствами): *MARUICHI* – *торговая марка компании MARUICHI RUBBER INDUSTRY CO. LTD, JAPAN, ведущего в Японии производителя резинометаллических уплотнений, пыльников для автоиндустрии*. – На современном этапе развития *автотранспортной индустрии* Honda является одним из лидеров в области продаж (<http://hilogistic.ru/Home/Brands>) (<http://avto-prokat48.ru/>). А. И. Бровцом в связи с этим предложено разграничение двух типов дешифровальных стимулов: **презентативного**, характеризующегося формированием абсолютно эквивалентных отношений между аббревиатурой и словосочетанием (*автоиндустрия* – *автомобильная индустрия*), и **интерпретативного**, при использовании которого в словосочетании появляются дополнительные семантические оттенки, позволяющие конкретизировать значение аббревиатуры (*автоиндустрия* – *автотранспортная индустрия*) [Бровец, 2016а]. Предложенное разграничение требует некоторых уточнений, связанных с обнаружением при работе над Словарем ряда разновидностей презентации и интерпретации значения аббревиатуры в эквивалентном словосочетании.

Первая разновидность дешифровальных стимулов – **презентативные дешифровальные стимулы**, которые осуществляют наиболее обобщенную (квалификативную) трактовку значения аббреконструкта. Это могут позволить сделать только дешифровальные стимулы **х(адъект)**, представленные относительными прилагательными, поскольку именно в семантике относительного прилагательного обычно и реализуется обобщенный квалификативный релятор «относящийся к» или «связанный с». Поэтому и диахронические абброморфемы обычно дешифруются при помощи именно презентативных стимулов. Отметим статусную идентичность аббревиатуры и словосочетания, развернутого с помощью презентативного дешифровального стимула: они выступают в качестве немаркированных компонентов в оппозиции ко всем другим эквивалентам, так как могут заменить их в любом эквивалентном тексте. Презентативные дешифровальные стимулы делятся на две группы.

Первая группа – **прямые, регулярные или собственно презентативные дешифровальные стимулы**, то есть семантически наиболее предсказуемые и оправданные обобщенные стереотипы немаркированной дешифровки аббреконструкта. Например, для аббреконструкта *авто* – это *автомобильный* «относящийся к автомобилю»: *автомотор* – *автомо-*

бильный мотор, для абброконструкта *био* – *биологический*: *биокабинет* – *биологический кабинет* «связанный с биологией» и т. д.

Вторая группа – **включенно-симультантные дешифровальные стимулы**. Под симультантами А.И. Бровец понимает аббревиатуры, абброконструкт которых семантически или формально-семантически можно дешифровать двояко [Бровец, 2016а: 122–123]: например, аббревиатуру *электроудочка*, которая может иметь в качестве эквивалентов словосочетания *электрическая удочка* и *электронная удочка*. Различаются два типа симультантов. Во-первых, это **абсолютные симультанты**, связанные с фактической двойственностью абброконструкта, отражающей существующие в языке и реальности корреляты (упомянутые *электронная* и *электрическая удочки* – это разные приборы: одна используется для «глушения» рыбы при помощи электричества, а вторая – для автоматизации ловли рыбы). В данном случае формируется омонимия аббревиатур. Во-вторых, это **включенные симультанты** – аббревиатуры, семантика которых «отражает взаимопроникновение признаков двух квалификативов <...> и их смешение в пределах одного референта» [Бровец, 2016б: 123]. Включенные симультанты возникают тогда, когда носитель языка ошибочно, «паронимически» использует для дешифровки аббревиатуры один из предсказуемых, но семантически не оправданных дешифровальных стимулов. Например, *абонплата* (*абонентская* или *абонементная плата*) в результате симультантной дешифровки часто получает «неправильный» эквивалент *абонентная плата*. Такие случаи мы и определяем как случаи реализации включенно-симультантных дешифровальных стимулов. Отнесение их к презентативным обусловлено тем, что носитель языка ошибочно использует такие дешифровальные стимулы именно в обобщенном немаркированном значении.

Вторая разновидность дешифровальных стимулов – **интерпретативные дешифровальные стимулы**, которые уточняют семантику абброконструкта и являются маркированными компонентами в оппозиции к презентативному стимулу. Интерпретативные дешифровальные стимулы также подразделяются на две группы.

Первая группа – **модификационные интерпретативные** дешифровальные стимулы, которые конкретизируют значение аббревиатуры, предоставляя ей возможность употребляться для номинации **разновидностей** обозначенного ею референта. Например, слову *авиавыставка* в ряде параллельных текстов эквивалентны словосочетания *авиатехническая выставка*, *авиапромышленная выставка*, *авиакосмическая выставка*, ка-

ждое из которых уточняет текстовую семантику слова, имеющего презентативный эквивалент *авиационная выставка*. Модификационные интерпретативные дешифровальные стимулы реализуют модели **х-а**, **х-а(адъект)**, **(предл)х-а(сущ)**, **х(адъект)-z**, **х-z(сущ)**, **(предл)х-z(сущ)** и **(предл)х(адъект)-z**.

Вторая группа интерпретативных стимулов – **релятивные** дешифровальные стимулы, которые осуществляют разную интерпретацию **статуса** референта, обозначенного аббревиатурой, в пределах номинации. Мы различаем два типа релятивных дешифровальных стимулов: актантный и актантно-числовой. **Актантный релятивный** дешифровальный стимул указывает на актантную роль ассоциируемого с аббоконструктом референта. Например, слово *автоаксесуары* имеет в качестве эквивалентов словосочетания *аксесуары для автомобиля* с дешифровальным стимулом *для автомобиля*, который реализует релятивную семантику дестинатива (назначение), *аксесуары на автомобиль* (*на автомобиль* – дестинатив в соединении с локативом: назначение и место) и *аксесуары автомобиля* (*автомобиля* – посессив: принадлежность). Во всех этих случаях в признаковом компоненте словосочетания сохраняется обозначение автомобиля, но добавляется указание на актантную роль автомобиля в формируемом обозначении. **Актантно-числовой** дешифровальный стимул добавляет к указанию на актантную роль референта его количественную характеристику. Например, *автовладелец* имеет в текстах посессивные эквиваленты *владелец автомобиля* (одного) и *владелец автомобилей* (нескольких).

Обычно релятивные дешифровальные стимулы реализуют модели **х** и **(предл)х(сущ)**⁵.

6. Заключение

Синхронный анализ предшествует диахронному: он определяет реестр эквивалентных единиц в гнезде эквивалентности, для которых затем уже можно попытаться установить деривационные связи. Именно поэтому создаваемый нами Словарь является словарем синхронных аббревиатур. Обработка материалов для Словаря осуществляется следующим образом.

1. Данные формально-структурного и семантико-ономасиологического анализа обобщаются в табличной матрице гнезда эквивалентности, вклю-

⁵ Следует согласиться с А. И. Бровцом, который отмечает наличие релятивной составляющей у модификационных интерпретативных стимулов **х-а**, **(предл)х-а(сущ)**, **х(адъект)-z**, **х-z(сущ)**, **(предл)х-z(сущ)** и **(предл)х(адъект)-z**.

чающей следующие компоненты: текстовый эквивалент, баланс индексов, модель структуры дешифровального стимула, модель формальной разновидности эквивалентности, семантический тип дешифровального стимула, ономазиологический статус дешифровального стимула. Например, для аббревиатуры *автогонка* матрица имеет следующий вид (таблица 1):

Таблица 1

Текстовый эквивалент	Баланс индексов	Модель структуры дешифровального стимула	Модель формальной разновидности эквивалентности	Семантический тип дешифровального стимула	Ономазиологический статус
<i>гонка автомобилей</i>	0,06	у-х	$\text{Суш1ед} + \text{Суш2мн} = \text{ЧоснСуш2мн} + \text{Суш1ед}$	Релятивный (актантный)	Агент
<i>автомобильная гонка</i>	5,45	у-х(адъект)	$\text{Прил1ед} - \text{Суш1ед} = \text{ЧоснПрил1ед} + \text{Суш1ед}$	Презентативный	Квалификатив
<i>гонка на автомобилях</i>	7,02	у-(предл)х	$\text{Суш1ед} + \text{предл} + \text{Сушбмн} = \text{ЧоснСушбмн} + \text{Суш1ед} (-\text{предл})$	Релятивный (актантный)	Инструменталис
<i>гонка на авто</i>	9,11	у-(предл)х	$\text{Суш1ед} + \text{предл} + \text{СушНескл} = \text{СушНескл} + \text{Суш1ед} (-\text{предл})$	Релятивный (актантный)	Инструменталис

2. На основе данной матрицы формируется **полная словарная статья** (для интернет-версии Словаря), включающая заглавное слово с ударениями, количество употреблений слова, орфографические дублеты и количество их употреблений, грамматические характеристики (форма Род. п., род, особенности употребления форм числа, количество употреблений форм ед. и мн. ч.), стилевые пометы, толкование значения, текстовые эквиваленты с описанием количества их употребления и баланса индексов, примеры употребления аббревиатуры и эквивалента в эквивалентном тексте, синонимы, сложнопроизводные слова, дату замера частотности.

А́втого́нка 1970140 (*авто-гонка, авто гонка* 1553), *-и* ж., преим. мн. (ед. 536569, мн. 1550000). Соревнования в прохождении трассы на скорость на автомобилях ♦ *гонка автомобилей* (32517604), баланс индексов – 0,06: *Это возможность не только рассмотреть автомобили Ferrari вблизи, но и увидеть закулисы автогонок – 30-31 июля на «Сочи Автодроме» состоится легендарная гонка автомобилей Ferrari с участием болидов Формулы-1 и автомобилей класса XX – трековых версий дорожных моделей Ferrari* (<http://www.championat.com/auto/news-2526520-vitalij-petrov-budet-specialnym-gostem-ferrari-racing-days-v-sochi.html>); *автомобильная гонка* (384020), баланс индексов – 5,45: *Если у вас нет возможности посвятить автогонкам три дня, то главные старты и самые зрелищные соревнования пройдут 6 марта – Выходные дни в марте подарят любителям автоспорта захватывающие автомобильные гонки на Ижевском ипподроме (Удмуртская правда. – 04.03.16); гонка на автомобилях* (297900), баланс индексов – 7,02: *Рождественская автогонка по ледяной трассе пройдет под Тольятти – Рождественская синхронная гонка на автомобилях LADA впервые прошла в 1996 году* (<http://ria.ru/samara/20140106/988054040.html>); *гонка на авто* (229642), баланс индексов – 9,11: *Автогонки – это спорт с риском для жизни – Гонки на авто – это всегда экстрим и адреналин, бешеная скорость, крутые повороты, резкие старты и экстренное торможение* (<http://dmgreetings.ru>) Syn. *автокросс, авторалли, автотриал, гонка, дрифт, дрег-рейсинг, ралли, триал, трофи* ★*автогоночный, -ая, -ое; автогонщик, -а*. Замер 12.08.16.

1. Для печатного варианта Словаря на основе полной создается **краткая версия** словарной статьи, которая включает заглавное слово с представленными ударениями, орфографические дублеты, грамматические характеристики (форма Род. п., род, особенности употребления форм числа), стилевые пометы, толкование значения, текстовые эквиваленты с определением баланса индексов, синонимы, сложнопроизводные слова.

А́втого́нка (*авто-гонка, авто гонка*), *-и* ж., преим. мн. Соревнования в прохождении трассы на скорость на автомобилях ♦ *гонка автомобилей*, 0,06; *автомобильная гонка*, 5,45; *гонка на автомобилях*, 7,02; *гонка на авто*, 9,11. Syn.: *автодрифт, автодрифтинг, автокросс, авторалли, автотриал, автотрофи, гонка, дрифт, дрег-рейсинг, ралли, триал, трофи* ★*автогоночный, -ая, -ое; автогонщик, -а*.

На наш взгляд, создаваемый Словарь может дать интересный материал для развития и углубления теории композитной аббревиации.

Список литературы

- Алексеев Д. И.* Сокращенные слова в русском языке. Саратов, 1979.
- Андропова А. В.* Спорные вопросы типологии сложносокращенных слов // Вестник Нижегородского гос. ун-та. Сер.: Филология. 2003. № 4.
- Борисов В. В.* Аббревиация и акронимия: Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М., 1972.
- Бровец А. И.* Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова // Наука и мир в языковом пространстве. Макеевка, 2016 (а).
- Бровец А. И.* Симультант как источник семантической аттракции // Новые горизонты славистики. Донецк, 2016 (b).
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. (ЛЭС).
- Сергеева Т. С.* Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 6 (24). Ч. Н. Словарь сокращений современного русского языка. М., 2004.
- Теркулов В. И.* Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. Вып. 3 (29). Языкознание. Горловка, 2016.
- Шадыко С.* Аббревиатуры в русском языке: в сопоставлении с польским: дисс. ... докт. филол. наук. Варшава, 2000.

Сведения об авторе: Теркулов Вячеслав Исаевич, докт. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета. E-mail: terkulov@rambler.ru.

А.И. Бровец

МОДИФИКАЦИОННЫЙ ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ДЕШИФРОВАЛЬНЫЙ СТИМУЛ СЛОЖНОСОКРАЩЕННОГО СЛОВА

В статье изложены основные сведения о модификационном интерпретативном дешифровальном стимуле аббревиатуры. Определены ключевые понятия синхронного подхода к аббревиации. Установлена модель образования модификационных эквивалентов аббревиатуры. Последние ранжированы по мере наращения ономаσιологических признаков в своей структуре. Оценивается процесс альтернативного варьирования ономаσιологических признаков в пределах модификационного интерпретативного словосочетания. Проанализированы источники возникновения модификационных интерпретативных эквивалентов аббревиатуры.

Ключевые слова: модификационный интерпретативный дешифровальный стимул, псевдоунивербализационная синекдоха, внутриранговая альтернатива, ранг, ономаσιологический базис, ономаσιологический признак, гнездо эквивалентности, текстовая эквивалентность, аббревиатура.

There is the main information about the modification interpretative deciphering stimulus of abbreviation in the article. The key concepts of the synchronous approach to the abbreviation are defined. The formation's model of modification equivalents of the abbreviation is established. The latter ones are ranked as the onomasiological indications augment in their structure. The alternative variation's process of onomasiological characteristics within the limits of the modification interpretative word combination is evaluated. The origin's sources of the modification interpretative equivalents of the abbreviation are analyzed.

Key words: modification interpretive deciphering stimulus, pseudouniversalizational synecdoche, intracategorical alternation, rank, onomasiological basis, onomasiological characteristic, family of equivalence, text equivalence, abbreviation.

1. Введение

Цель статьи заключается в описании модификационного интерпретативного дешифровального стимула сложносокращенного слова, что предполагает: 1) определить понятие «модификационный интерпретативный дешифровальный стимул» и его место в типологии дешифровальных стимулов аббревиатуры; 2) установить модели и ранги образо-

вания модификационного интерпретативного дешифровального стимула; 3) описать процесс альтернативного варьирования ономаσιологических признаков; 4) определить источники возникновения модификационного интерпретативного дешифровального стимула.

1.1. Понятия «дешифровальный стимул», «гнездо эквивалентности», «текстовая эквивалентность», типология дешифровальных стимулов

Анализ сложносокращенных слов, проведенный Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория), обосновывает необходимость разграничения диахронного и синхронного подходов к исследованию аббревиации. Диахронный подход предполагает установление деривационного статуса аббревиатуры и эквивалентных ей словосочетаний¹. Создаваемый коллективом Лаборатории Толково-эквивалентностный словарь сложносокращенных слов русского языка использует инструментарий синхронного подхода к аббревиации, который необходим для выявления на актуальном срезе языка сложносокращенного слова и всех формально связанных с ним мотивационными отношениями текстовых синтаксических эквивалентов – вне зависимости от отношений производности между ними [Теркулов, 2016: 15].

Синхронный анализ текстов показал, что одному сложносокращенному слову часто соответствует несколько эквивалентных словосочетаний, составляющих вместе с ним **гнездо эквивалентности** аббревиатуры [Теркулов, 2015: 99], которое и является объектом описания в вышеупомянутом словаре. Так, аббревиатура *электропоставки* обнаруживает в текстах пять эквивалентов, обладающих разной степенью частотности, различными морфологическими и семантическими характеристиками: *поставки электроэнергии, поставки электрической энергии, поставки электричества, электрические поставки, электроэнергетические поставки*.

Анализ гнезд эквивалентности позволяет утверждать, что: а) множественная трактовка одной аббревиатуры способствует конкретизации различных семантических и грамматических смыслов, актуализируемых и неодинаково приоритетных в каждом тексте; б) для образования синтаксических коррелятов аббревиатуры существуют регулярные стереотипные модели расшифровки аббревиационного конструкта (аббреконструкта), то есть сокращенного компонента аббревиатуры, называемые **дешифровальными стимулами** (далее – ДС). Так, ДС *автомобильное (происшествие), автотранспортное (происшествие)* и *автодорожное*

¹ См. подробнее о диахронном подходе в [Теркулов, 2016: 14].

(*происшествие*), формирующие синтаксические эквиваленты слова *автотпроисшествие*, актуализируют разное его значение, определяемое семантикой текста: автобус считается автотранспортом, но не считается автомобилем, и это стимулирует в случае столкновения автобусов использование эквивалента *автотранспортное происшествие*, в то время как аварию автомобилей можно назвать и *автотранспортным происшествием*, и *автомобильным происшествием*. При столкновении автомобилей в лесу деактуализируется ДС *автодорожное происшествие*.

Различаются **презентативные и интерпретативные ДС**. **Презентативный ДС** реализует грамматически подчиненный ономасиологическому базису ономасиологический признак¹, выраженный адъективно и имеющий обобщенное значение, что обеспечивает нулевую степень интерпретации аббревиатуры. Например, презентативный ДС аббревиатуры *женсоюз* реализуется в словосочетании *женский союз*, в котором *союз* – ономасиологический базис, *женский* – грамматически подчиненный базису (путем согласования) ономасиологический признак¹. **Интерпретативные ДС** подразделяются на две группы. Во-первых, они создают формально более сложные, чем аббревиатура, словосочетания и включают в свой состав дополнительный ономасиологический признак, отсутствующий в структуре сложносокращенного слова (*бандглаварь* – *главарь банд¹ группы²*) (ономасиологическая структура: ономасиологический базис, ономасиологический признак² и подчиненный ему ономасиологический признак¹). Такие ДС мы называем **модификационными интерпретативными ДС**. Во-вторых, это ДС, создающие формально релевантные аббревиатуре, совпадающие с ней по количеству ономасиологических признаков текстовые эквиваленты, выраженные падежными и предложно-падежными формами, актуализирующими грамматические значения числа и падежа (*бензобак* – *бак бензина*, *бак для бензина*; *велобагажник* – *багажник велосипеда*, *багажник для велосипеда*, *багажник на велосипед*, *багажник для велосипедов* и т. д.) (ономасиологическая структура: ономасиологический базис и грамматически подчиненный ему ономасиологический признак¹, выраженный синтаксическим актантом с падежно-числовой семантикой). Такие ДС названы **релятивными**.

2. Модель образования модификационного интерпретативного дешифровального стимула и формализация его структуры

Модификационный интерпретативный ДС аббревиатуры требует особого изучения, поскольку его эквивалентностный потенциал по отноше-

нию к сложносокращенному слову менее очевиден, чем у презентативных и релятивных ДС.

Возникновение модификационного интерпретативного ДС имеет в своей основе факт **появления в составе эквивалентного аббревиатуре словосочетания второго ономаσιологического признака, переподчиняющего себе первый ономаσιологический признак, подчиненный до этого базису**. Например, для сложносокращенного слова *электроавтомобиль*, помимо презентативного (*электрический автомобиль*) и релятивного (*автомобиль на электричестве*) эквивалентов, обнаружены такие ДС: *автомобиль с электродвигателем/на электродвигателе (с электрическим двигателем / на электрическом двигателе); автомобиль с электроприводом / на электроприводе (с электрическим приводом/на электрическом приводе); автомобиль с электропитанием (с электрическим питанием); автомобиль с электромотором / на электромоторе (с электрическим мотором / на электрическом моторе); автомобиль на электроходе (на электрическом ходу); автомобиль на электротяге (на электрической тяге)*. Таким образом, презентативный эквивалент, включающий базис *автомобиль* и подчиненный ему признак¹ *электрический*, отличается от интерпретативного эквивалента, включающего тот же базис *автомобиль*, которому подчинен комплекс из признака¹ *на электрическом*, подчиненного, например, признаку² *двигателе*.

Анализ аббревиатур (и презентативных словосочетаний) и их модификационных интерпретативных ДС демонстрирует синекдохические отношения между ними: аббревиатура обычно соотносится со своим модификационным эквивалентом как гипероним с гипонимом (*веломагазин*: общее *велосипедный магазин* и частные *магазин велоодежды, магазин велотехники, магазин велозапчастей*). Обратные отношения реализует сложносокращенное слово *автовладелец (автомобильный владелец)* и его модификационный интерпретативный эквивалент *владелец автотранспортных средств*: аббревиатура является гипонимом по отношению к интерпретативному корреляту, поскольку, как говорилось выше, к автотранспортным средствам, помимо легкового автомобиля, относятся автобусы, грузовые автомобили, прицепы и т. д. Данный случай, впрочем, не отменяет предположения о синекдохических отношениях между аббревиатурой и ее модификационным интерпретативным реализатором в тексте, поскольку такие отношения также являются гиперо-гипонимическими.

Принципиально то, что, независимо от направления этих отношений, гипоним **не заменяет** гипероним (или наоборот), а составляет **вместе с ним** структуру модификационного интерпретативного ДС – происходит в некотором роде «спиралевидное» нанизывание признаков. Внимания заслуживает сложносокращенное слово *нефтехранилище*, релятивный ДС которого – *хранилище нефти* – не находится в синекдохических отношениях с его модификационным ДС *хранилище нефтепродуктов*, поскольку нефтепродукты – это вещества, получаемые из нефти, а не сама нефть: здесь подразумеваются совершенно разные референты. Данный случай объясняется, вероятно, тем, что сложносокращенное слово *нефтехранилище* является единицей, которая может иметь как релятивную композитную дешифровку *хранилище нефти*, так и презентативную аббревиатурную дешифровку *нефтяное хранилище*. Примечательно, что презентативное словосочетание *нефтяное хранилище* и само сложносокращенное слово *нефтехранилище* объединены синекдохическими отношениями с модификационным ДС *хранилище нефтепродуктов*, поскольку обладают генерализирующей семантикой. Такие слова, предполагающие как композитную, так и аббревиатурную интерпретацию, называются мутантными (см. подробнее в статье В. А. Рязановой).

Данный словообразовательный факт, когда синекдохический признак² появляется в структуре ДС, грамматически переподчиняет себе признак¹ и структурно сосуществует с другим членом синекдохических отношений в составе текстового эквивалента аббревиатуры, назван **псевдоунивербализационной синекдохой** (псевдоунивербализацией в [Теркулов, 2016: 21] называется процесс, обратный универбализации, – разворачивание словосочетания на базе аббревиатуры).

3. Ранги модификационного интерпретативного дешифровального стимула

Анализ модификационных интерпретативных ДС выявил также эквивалентные аббревиатуре словосочетания, в которых наличествует не два ономаσιологических признака, а три. Например, аббревиатура *автотопливо*, помимо модификационного эквивалента с базисом и двумя признаками *топливо*^Б для авто¹моделей², имеет и коррелят *топливо*^Б для авто¹модельных² двигателей³, где появляется третий ономаσιологический признак *двигателей*, подчиняющий себе первые два. Иначе говоря, в структуре эквивалентного словосочетания *топливо для автомобильных двигателей* обнаруживаются два корня, отсутствующих в структуре аббревиатуры *автотопливо* и ее презентативного эквивалента *автомо-*

бильное топливо. Нарращение ономасиологических признаков в структуре эквивалентных словосочетаний реализует описанную выше модель **грамматического переподчинения первичных признаков вторичным** (признак¹ и признак², образовавшие слово *автомодельных*, подчинены путем согласования признаку³ *двигателей*). Данный факт требует учитывать интерпретативную градацию, и в зависимости от количества ономасиологических признаков в структуре модификационных интерпретативных ДС последние получают различные **ранги интерпретации**. Так, для интерпретативного эквивалента *владелец автотранспорта, владелец автомобильного транспорта, автотранспортный владелец* (< *автовладелец*) отмечается первый ранг интерпретации, а для словосочетания *владелец автотранспортного средства / владелец автотранспортных средств* – второй ранг интерпретации. Модификационные словосочетания второго ранга встречаются реже остальных ДС, однако их включенность в отношения текстовой эквивалентности с аббревиатурой предопределяет помещение данных единиц в Словарь и требует их теоретического осмысления.

4. **Альтернативное варьирование ономасиологических признаков в структуре модификационного интерпретативного дешифровального стимула**

Одна из факультативных характеристик модификационного интерпретативного ДС – вариативность какого-либо из ономасиологических признаков. Например, в гнездо эквивалентности аббревиатуры *электроавтомобиль* входят словосочетания *автомобиль с электродвигателем / электроприводом / электромотором / на электропитании / на электроходе / на электротяге*. Происходит метонимическое варьирование ономасиологического признака² внутри первого ранга интерпретации. Впрочем, такая альтернатива может быть представлена слабо или не представлена вовсе, в то время как возможна она исключительно в структуре модификационного интерпретативного словосочетания, поскольку ономасиологический признак¹ и базис варьироваться не могут ввиду своей релевантности для эквивалентности словосочетания аббревиатуре.

Существенно, что варьирование признаков происходит внутри одного ранга и количественно наполняет его, в то время как псевдоунивербализационная синекдоха структурно и семантически распространяет сложносокращенное слово. Подобное варьирование названо **внутриранговой альтернативой**, а каждый метонимически варьирующийся внутри

одного ранга ономаσιологический признак – альтернантом. Ср. также альтернацию признака² для аббревиатуры *автотопливо*: *топливо*^Б для *авто¹транспорта*², *топливо*^Б для *авто¹моделей*², *топливо*^Б для *авто¹машин*². Таким образом, альтернация – это появление двух или нескольких признаков внутри одного ранга интерпретации у эквивалента аббревиатуры. Вероятно, по мере возрастания ранга интерпретации внутриранговая альтернация становится все менее возможной, что утверждает первый ранг модификационного словосочетания и соответствующий ему ономаσιологический признак² «идеальными» условием и объектом внутриранговой альтернации, поскольку в презентативном и релятивном ДС она потенциально невозможна. Альтернация может быть лексической (*топливо для автотранспорта / автомобилей / автомашин*) и грамматической (*автомобиль с электродвигателем / на электродвигателе; топливо для автомобиля / автомобилей*).

5. Источники возникновения модификационного интерпретативного дешифровального стимула

Разные сложносокращенные слова могут иметь различное количество модификационных интерпретативных эквивалентов, а какие-то из них – не иметь их вовсе. Столь же очевидно, что для того же первого ранга интерпретации, соответствующего второму ономаσιологическому признаку, у разных аббревиатур насчитывается различное количество альтернантов. Поскольку эквивалентная реализация аббревиатуры в тексте тесно связана с ее абброконструктом, может показаться справедливым, что именно характеристики абброконструкта (количество его реализаций: *велo – велосипедный, велосипеда, велосипедиста, для велосипеда, для велосипедиста* и т. д.; возможность симультанной интерпретации: *авто – автомобильный, автоматический, автоматизированный*) обеспечивают возможность разного уровня интерпретации аббревиатуры.

На наш взгляд, универбализационная природа абброконструкта не является основным источником интерпретативной возможности аббревиатуры, поскольку в таком случае данная возможность должна была бы экстраполироваться на все единицы аббревиатурной группы, объединенной одним конструктом. Однако этого не происходит: ср. выше гнездо эквивалентности *электроавтомобиль* и сложносокращенное слово *электро-сигарета*, которое реализовано в текстах исключительно презентативно.

Более убедительной при выяснении источников появления модификационных текстовых эквивалентов следует признать, на наш взгляд, се-

мантическую и грамматическую **валентность базиса аббревиатуры**, который и задействует необходимое количество признаковых элементов в соответствии с ситуацией номинации. Данное предположение обосновывается идеей семантического согласования, которая предполагает, что в любом высказывании тождественные семы повторяются как минимум дважды. Другими словами, высказывание становится правильным в том случае, если каждое из составляющих его сочетаний слов, помимо дифференциальных характеристик, включает общий для них признак и не содержит несовместимых признаков. Например, в предложении *Лингвист исследует язык* у слова *лингвист* есть терминал **тип деятельности**, включающий различные потенциальные наполнители: *исследовать, анализировать, сравнивать, изучать* и т. д., а также терминал **объект**, способный заполниться словами типа *язык, грамматика, морфема* и проч. Слово *исследовать* предполагает субъекта действия: *лингвист, ученый, физик* и т. д. Наличие подобных смежных терминалов и обеспечивает семантическое согласование [Апресян, 1995], [Гак, 1972: 370–375].

В отношении аббревиации это может значить, что наличие смежных терминалов в структуре базиса и потенциального модификационного словосочетания обеспечивает их заполнение и образование интерпретативных эквивалентов аббревиатуры. Скажем, у базиса *топливо* есть терминал *дестинатив, цель: для реактора, для авиации, для транспорта*; у признака² *транспорт* есть терминал *медиатив, средство: электричество, топливо*. Смежные, взаимонаправленные терминалы и обеспечивают дешифровальную сочетаемость *автотопливо – топливо для автомобильного транспорта*.

Можно предположить, что псевдоунивербализационная синекдоха и внутриранговая альтернатива способствуют закрытию семантико-ономаσιологической структуры сложносокращенного слова. Другими словами, открытость структуры сокращенного слова зависит от а) количества представленных и б) незаполненных семантических терминалов – чем их больше, тем вероятней интерпретативная возможность аббревиатуры. Это значит, что, если сложносокращенное слово обладает некоторым количеством семантических терминалов, его структура может считаться открытой; по мере заполнения этих терминалов в ДС структура закрывается; минимальное количество терминалов свидетельствует о закрытости структуры аббревиатуры.

Обработка материалов для Словаря позволила выделить закрытые структуры. Во-первых, это **вторичные аббревиатуры** (*горэлектросеть*,

электропроводонагреватель), каждый из аббревиационных конструктов которых при дешифровке соответствует одному ономаσιологическому признаку. Во-вторых, **аббревиатуры «терминологического» типа** (*совхоз, Госдума, Минфин*), которые в тексте также реализованы словосочетаниями с равным им количеством признаков. В-третьих, **сложнопроизводные аббревиатуры** (*автогонщик < автогонки; электросварщик < электросварка*). В-четвертых, **синхронные аффиксондные квазиаббревиатуры** [Теркулов, 2016: 19], предполагающие вторичную, двуреляционную структуру и часто истолковывающиеся «предикативно», предложением, а не словосочетанием (*астроархеология, биотуалет*). Закрытие структуры сложносокращенного слова часто предполагает изменение семантического падежа текстового эквивалента и сопряжена с тем, что наращение ономаσιологических признаков и их альтернация тем ограниченной, чем выше ранг интерпретации, т. е. чем более закрыта структура аббревиатуры.

Существуют сложносокращенные слова, текстовая реализация которых возможна исключительно в модификационных интерпретативных эквивалентах. Например, *завхим* – *заведующий химической службой, заведующий химической лабораторией, заведующий химической частью*. Вероятно, *завхим* является вторичной аббревиатурой, отразившей структурно-семантическую генерализацию: опущение ономаσιологических базисов *службой, лабораторией, частью* свидетельствует об их нерелевантности для номинации и служит основанием для внутриранговой альтернации.

6. Заключение

ДС – регулярная стереотипная модель дешифровки аббревиатуры. Все ДС разделяются на презентативные и интерпретативные. Интерпретативные делятся на релятивные и модификационные. Образование последних реализует модель псевдоунивербализационной синекдохи. Для модификационных ДС обнаружены пока два ранга интерпретации, увеличивающихся по мере внедрения ономаσιологических признаков и реализующих модель переподчинения первичных признаков вторичным. Принцип наполнения каждого ранга модификационного интерпретативного эквивалента метонимически варьирующимися признаками назван альтернативой. Источником интерпретации аббревиатуры признается валентность ее базиса. Предполагается, что модификационный ДС обеспечивает «закрытие» семантико-ономаσιологической структуры сложносокращенного слова. Перспективу дальнейшей разработки составит анализ

модификационных ДС, ономазиологические признаки² которых различаются степенью семантической актуальности и неодинаково реализуют синекдохические отношения с аббревиатурой. Ср.: а) модификационные ДС *завод по производству автомобилей (автозавод)*, *слесарь по ремонту автомобилей (автослесарь)*, *магазин велопродукции (веломагазин)*, второй признак которых предсказан семантикой базиса аббревиатуры и существенно не интерпретирует ее значение, осложняя лишь структуру; б) модификационные ДС *магазин автотехники*, *магазин автоаксессуаров*, *магазин автозапчастей*, которые обозначают три разных магазина и являются маркированными членами привативной оппозиции по отношению к аббревиатуре *автомагазин*.

Список литературы

- Апресян Ю.Д. Избр. труды: Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1995.
- Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
- Теркулов В.И., Сыроватская А.А. Гнезда эквивалентности сложносокращенных слов в аббревиационной группе с абброконструктом БИО // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики (Владикавказ). 2015. № 3 (19).
- Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. Вып. 3 (29). Языкознание. Горловка, 2016.

Сведения об авторе: Бровец Андрей Игоревич, студент 3-го курса филологического факультета Донецкого национального университета. E-mail: brovesc@mail.ua.

В.А. Рязанова

МУТАНТНЫЕ АББРЕВИАТУРНО-КОМПОЗИТНЫЕ ГРУППЫ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

В работе даются основные сведения о мутантной аббревиатурно-композиционной группе. Выделяются ядро и периферия мутантной группы, образованные под влиянием дешифровальных стимулов разных типов – аббревиатурного и композиционного. В зависимости от соотношенности ядра и периферии разделяются сбалансированные и несбалансированные мутантные группы. В результате исследования обнаружено, что сбалансированные мутантные группы встречаются редко; как правило, в группе происходит смещение дешифровальных стимулов или к композиционному, или к аббревиатурному типу.

Ключевые слова: мутантный конструкт, мутантная группа, дешифровальный стимул, дешифровальная матрица, гнездо эквивалентности, ядро, периферия, сбалансированность.

In this work the basic information about the abbreviative-composite mutant groups is given. The mutant group nucleus and periphery formed under the influence of decryption motives of different types – abbreviative and composite – are determined. Depending on the correlation of the nucleus and periphery the balanced and unbalanced mutant groups are distinguished. The conducted research demonstrated that the balanced mutant groups are rarely come across; as a rule the decryption motives are shifted to either composite or abbreviative type within a group.

Key words: mutant construct, mutant group, decryption motive, decryption matrix, equivalency cluster, nucleus, periphery, balance.

1. Введение

Цель предлагаемой работы состоит в определении места мутантного аббревиатурно-композиционного конструкта и мутантной аббревиатурно-композиционной группы в словообразовательной системе русского языка. **Задачи:** дать определение понятиям «мутантный конструкт», «мутантная группа», «ядро и периферия мутантной группы»; провести описание мутантных групп, обнаруженных при работе по составлению «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов» (далее – Словарь) Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации Донецкого национального университета (далее – Лаборатория).

Синхронный подход к описанию аббревиации позволил обнаружить, что для аббревиатуры достаточно часто отмечается не один, а несколько эквивалентов, находящихся с ней в мотивационных отношениях, что позволяет говорить о существовании на актуальном срезе языка не замкнутых эквивалентных пар «аббревиатура – словосочетание», а многокомпонентных **гнезд эквивалентности** сложносокращенных слов (см. статью В.И. Теркулова). Например, в гнездо эквивалентности слова *газообмен* входят эквиваленты *газовый обмен*, *обмен газа*, *обмен газов*, *обмен газом*, *обмен газами* [Теркулов, 2017]. Множественная дешифровка сложного слова в текстах иногда приводит к тому, что его не равный слову конструкт начинает трактоваться двояко: как абброконструкт и как композитный конструкт. Под абброконструктом понимается сокращенный эквивалент слова, представляющий собой его усеченную основу: *газообмен* – *газовый обмен*, *грузоблок* – *грузовой блок* и др., а под композитным конструктом – эквивалент слова, совпадающий с его основой, например: *газообмен* – *обмен газов*, *грузоблок* – *блок грузов*. Конструкты, которые совмещают в себе свойства абброконструкта и композитного конструкта, синхронно эквивалентны нескольким словосочетаниям, построенным по разным моделям, а в соединении с базисным компонентом формируют слова, которые могут одновременно трактоваться и как сложносокращенные, и как композитные, называются **мутантными (гибридными)**. Например, слово *спорттовары* может расшифровываться и как *спортивные товары*, и в этом случае иметь аббревиатурный статус, и как *товары для спорта*, что приводит к его композитной трактовке. Из 440 конструктов, внесенных в словник Словаря, 76 нами отнесены к мутантным (*газо-*, *грязе-*, *крупно-*, *музыка-*, *нефте-*, *фрукто-*, *хлебо-*, *цвето-* и др.). Слова, включающие в свой состав тождественный мутантный конструкт, объединяются в аббревиатурно-композитную **мутантную группу**.

Первыми на переходные между аббревиатурами и композитами единицы обратили внимание В.В. Лопатин и И.С. Улуханов, считающие, что аббревиатуры, первый (сокращенный) компонент которых может при сопоставлении с другим однокорневым производящему слову совпасть с его основой, совмещают в себе признаки сложносокращенных слов и композитов с нулевым интерфиксом, например, *пионерлагерь* (*пионер* и *пионерский лагерь*), *бортмеханик* (*борт* и *бортной механик*) и т. д. [Русская грамматика: 256]. Е.А. Зайцева также пишет о том, что ряд сложных слов могут допускать двойственность словообразовательной и морфемной трактовки. Например, слово *бандглаварь* может быть оха-

рактировано как образованное по способу аббревиации (*бандглаварь* < *бандитский* + *главарь*) и как созданное способом сложения с нулевым интерфиксом (*бандглаварь* < *банд(а)* + *ø* + *главарь*) [Зайцева, 2014: 942]. Однако упомянутые ученые не приняли во внимание того, что определение данных лексем как композитов подкрепляется еще и наличием в языке эквивалентных словосочетаний *лагерь пионеров* и *главарь банды*, отмечаемых в эквивалентных текстах. См., например, для *бандглаваря*: *Но в самый напряженный момент десантники попали под обстрел из РПГ: налил сам бандглаварь – Через короткое время были получены достоверные сведения о намерении главаря банды обстрелять советские приграничные населенные пункты, расположенные вдоль реки Мургаб* (<http://vsr.mil.by/2015/02/14/sapyor-kotoryj-ne-oshibsyasya%E2%80%A6/>). Это позволяет говорить не только о двойственной трактовке производности, но также и о двойственной актуальной эквивалентности указанных единиц.

Первым термин «мутантный конструкт» использовал В. И. Теркулов, который отметил: «Целый ряд конструктов может иметь одновременно статус и аббревиатурного, и композитного конструкта. <...> Само собой разумеется, такие конструкты, которые мы предлагаем называть мутантными, формируют вокруг себя особые мутантные аббревиатурно-композиционные группы» [Теркулов, 2015]. **Актуальность** данной работы обусловлена тем, что в ней предпринимается попытка определения принципов целостного описания мутантной (гибридной) группы как организованной структуры.

2. Общая характеристика мутантной группы

Альтернативные синтаксические эквиваленты одного слова образуются под влиянием так называемых **дешифровальных стимулов** (далее – ДС) – имплицитных знаний носителя языка, которые стимулируют возможность разной дешифровки сложного слова. В данном случае мы говорим о дешифровке как о процессе текстового «развертывания» сложного слова в словосочетание, независимо от деривационного статуса одной единицы по отношению к другой. Дешифровка сложного слова с мутантным конструктом происходит по разным стереотипным моделям, в которых конструкт развертывается разными способами, реализуя одну из своих формально-семантических разновидностей (абброконструкт или композитный конструкт). В случае, когда мутантный конструкт трактуется при помощи эквивалентного словосочетания как аббревиатурный, мы относим его ДС к **аббревиатурному типу** (*газообмен* – *газовый об-*

мен: Процедуры нравственного и физического очищения, голодание, диета, физические упражнения замедляют дыхание, улучшают... качество **газообмена** между атмосферным воздухом и кровью – Для того чтобы легкие успевали наиболее полно выполнить процедуру **газового обмена**, необходимо дышать как можно медленнее как на вдохе, так и на выдохе [<http://www.aif.ru/archive/1676427>]). Если конструктор разворачивается как композитный, значит, применяется **композитный** ДС (газообмен – обмен газами: В реальном **газообмене** участвует только часть минутного объема воздуха, достигающая альвеол легких – Нормальное дыхание – это **обмен газами** между нашими клетками и окружающей средой [<http://www.aif.ru/archive/1676427>]).

Нами обнаруживаются в мутантных группах следующие типы ДС (см. расшифровку символов в статье В. И. Теркулова): х – простое существительное (у-х: *владелец дома*); х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): *ветровой генератор*); х-а(сущ) – сложное существительное: (у-х-а(сущ): *склад нефтепродуктов*); х-а(адъект) – сложный адъектив: (у-х-а(адъект): *жироперерабатывающий завод*); (предл)х – простое существительное с предлогом: (у-(предл)х: *устойчивость к ветру*); (предл)х-а(сущ) – сложное существительное с предлогом: (у-(предл)х-а(сущ): *ёмкость для нефтепродуктов*), (предл)х(адъект)-z – словосочетание с зависимым адъективом: (у-х(адъект)-z: *бандглаварь – главарь бандитской группы*).

Совокупность всех ДС сложного слова составляет его **дешифровальную матрицу**. Например, конструктор *газо-* в мутантном гнезде эквивалентности слова *газообмен* представляет дешифровальную матрицу «у-х(адъект), у-х (Р.п. ед.ч.), у-х (Р.п. мн.ч.), у-х (Тв.п. ед.ч.) и у-х (Тв.п. мн. ч.)»: *газовый (обмен), (обмен) газа, (обмен) газов, (обмен) газом и (обмен) газами*.

Влияние композитных и аббревиатурных ДС на гнезда эквивалентности слов с мутантным конструктором происходит неравномерно, в связи с чем можем выделить **ядро** и **периферию** мутантной группы. К ядру относятся слова, гнезда эквивалентности которых полностью соответствуют критериям мутантного конструктора. К таким, например, относится гнездо слова *ветробарьер*, имеющего эквивалентные словосочетания *ветровой барьер* и *барьер от ветра*. На периферии мутантной группы находятся единицы, в гнездах эквивалентности которых представлен только один тип ДС (аббревиатурный или композитный). Например, слово *ветроустановка* имеет эквиваленты только аббревиатурного типа: *ветроэнергетическая установка, ветровая установка и ветряная уста-*

новка, и для него даже не предполагается эквивалент **установка ветра*. Справедливо, на первый взгляд, было бы относить эти случаи к аббревиации или композитообразованию, однако комплексный подход к исследованию универбализации дает возможность предположить, что слова, находящиеся на периферии мутантной группы, потенциально могут перейти в ее ядро. Если принять во внимание то, что изначально любое сокращение с т. з. диахронии соответствует одному конкретному словосочетанию, можно прийти к заключению, что каждое слово, которое на текущий момент находится в ядре, когда-то имело один синтаксический эквивалент и, следовательно, имело статус либо сложносокращенного, либо сложного слова. В результате действия ДС гнездо эквивалентности расширяется, и при появлении синтаксических эквивалентов, позволяющих по-разному трактовать конструкт, переходит из периферии группы в ядро, а сам конструкт получает статус мутантного (гибридного). Например, в гнезде эквивалентности сложного слова *газодинамика* первичным является словосочетание *газовая динамика*: первое упоминание словосочетания в корпусе сервиса Google Ngram зафиксировано в 1909 г., а слова – в 1929. С точки зрения диахронии, остальные компоненты гнезда эквивалентности – словосочетания *динамика газов* и *динамика газа* – вторичны по отношению к сложному слову (они зафиксированы позднее – в 1932 и 1968 г. соответственно), но на синхронном уровне все три словосочетания являются равнозначными эквивалентами слова. До появления альтернативных синтаксических эквивалентов слово *газодинамика* рассматривалось как сложносокращенное; при расширении гнезда эквивалентности под влиянием ДС композитного типа конструкт получает статус мутантного и переходит в ядро мутантной группы.

3. Описание мутантных групп

Описание мутантных групп производится нами по следующим параметрам: соотношение ядра и периферии группы; характеристика ДС и дешифровальных матриц группы; особенности структуры гнезд эквивалентности, входящих в группу; текущий статус группы по соотносительности ДС аббревиатурного и композитного типа (сбалансированная или несбалансированная). Среди обнаруженных Лабораторией мутантных групп в разной степени исследованы группы «грузо», «ветро», «домо», «бандо», «газо» и «нефте».

Мутантная группа «грузо». Несбалансированная группа: из 15 слов к ядру относятся 11. Конструкт имеет 3 ДС: *грузовой/грузовая/грузовое, груза, грузов*. 2 гнезда эквивалентности являются абсолютно сбалансиро-

ванными, т. е. такими, в которых в равном соотношении сосуществуют ДС аббревиатурного и композитного типа (*грузоблок* – блок *грузов*, *грузовой блок*; *грузовместимость* – *грузовая вместимость*; *вместимость грузов*). В остальных гнездах эквивалентности ядра превалируют ДС композитного типа, в которых параллельно используется формирующее композитный ДС существительное-признак как в единственном, так и во множественном числе, например: *грузоперевозка* – *грузовая перевозка*, *перевозка груза* и *перевозка грузов* и т. п. 3 гнезда эквивалентности относятся к периферии аббревиатурного типа (*грузобагаж* – *грузовой багаж*, *грузонапряженность* – *грузовая напряженность*, *грузотакси* – *грузовое такси*), а 1 – к периферии композитного типа (*грузовладелец* – *владелец груза / грузов*). Мутантные гнезда эквивалентности группы обычно включают три синтаксических эквивалента и строятся по дешифровальной матрице «у-х(адъект) + у-х + у-х» (8 гнезд), например: *грузоперевозка* – *грузовая перевозка*, *перевозка груза*, *перевозка грузов*.

Мутантная группа «ветро». Несбалансированная группа: из 12 гнезд эквивалентности 4 относятся к ядру, из них 2 являются абсолютно сбалансированными (*ветробарьер* – *ветровой барьер*, *барьер от ветра*; *ветрозащита* – *ветровая защита*, *защита от ветра*). В остальных случаях конструкт *ветро-* проявляет себя как аббревиатурный. Конструкт имеет аббревиатурные и композитные ДС *ветровой*, *ветряной*, *от ветра*, *к ветру*, *к ветрам*, *ветроэнергетический*. Важно заметить, что носители языка чаще всего не разграничивают понятия *ветровой* ‘относящийся к ветру’ и *ветряной* ‘приводимый в действие при помощи ветра’ – регулярные ДС, которые одновременно встречаются почти во всех гнездах эквивалентности рассматриваемой мутантной группы, например: *ветроэнергетика* – *ветровая энергетика*, *ветряная энергетика*. Наиболее частотной дешифровальной матрицей является аббревиатурная матрица «у-х(адъект) + у-х(адъект)» (10 гнезд), например: *ветропарк* – *ветряной парк*; *ветровой парк*.

Мутантная группа «домо». Сбалансированная мутантная группа из 16 гнезд: 10 гнезд эквивалентности группы относится к ее ядру. Конструкт *домо-* имеет большое количество ДС (*дома*, *домашний*, *домовой*, *домовый*, *надомный*, *в доме*, *на дому*, *домохозяйство* и др.). ДС разных типов в равной мере встречаются в 3-х гнездах эквивалентности (*домоведение* – *ведение дома*, *ведение домохозяйства*; *домовладение* – *владение домом*, *владение домами*, *домовое владение*, *домашнее владение*; *домработник* – *работник дома*, *домашний работник*). 6 гнезд относятся к пе-

риферии (по 3 к аббревиатурному и композитному типу). Сложные слова, входящие в данную группу, имеют гнезда эквивалентности разного объема: от одного до семи синтаксических эквивалентов (ср.: *домохозяйство* – *домашнее хозяйство*; *домоуправление* – *управление домом*, *управление домами*, *домовое управление*, *домашнее управление*, *управление дома*, *управление домов*, *управление домохозяйством*). Из-за большого количества ДС практически каждое сложное слово группы имеет уникальную дешифровальную матрицу.

Мутантная группа «банд». Несбалансированная группа из 6 гнезд. 2 гнезда эквивалентности относятся к ядру группы (*бандлидер*, *бандглаварь*), 4 – к периферии аббревиатурного типа (*бандгруппа*, *бандгруппировка*, *бандформирование*, *бандподполье*). Конструкт имеет 9 ДС: *банды*, *бандитов*, *бандитский*, *бандгруппы*, *бандгруппировки*, *бандформирования*, *бандитской группировки*, *бандитского формирования*, *бандитской группы*. Гнезда эквивалентности слов *бандлидер* и *бандглаварь* имеют дешифровальную матрицу, включающую все возможные для данной группы ДС: «у-х(адъект) + у-х + у-х + у-х-а(сущ) + у-х-а(сущ) + у-х-а(сущ) + у-х(адъект)-z + у-х(адъект)-z + у-х(адъект)-z», например: *бандглаварь* – *бандитский главарь*, *главарь банды*, *главарь бандитов*, *главарь бандгруппы*, *главарь бандгруппировки*, *главарь бандформирования*, *главарь бандитской группировки*, *главарь бандитского формирования*, *главарь бандитской группы*.

Мутантная группа «газо». Несбалансированная мутантная группа, включающая 62 гнезда эквивалентности, из которых к ядру относится 25. При этом периферия в большей степени (24 гнезда) представлена словосочетаниями, формирующими композитное восприятие слов (*газообработка* – *обработка газа*, *газоразделение* – *разделение газа* и т. д.). Периферии аббревиатурного типа принадлежит 13 гнезд эквивалентности. Система ДС обширна: *газовый*, *газа*, *газов*, *газом*, *газами*, *к газу*, *к газам*, *для газа*, *газоэлектрический* и др. Многочисленные синтаксические эквиваленты группы объединяются в гнезда эквивалентности по следующим дешифровальным матрицам: а) «у-х + у-х»: наиболее распространенная дешифровальная матрица – по этой модели построены 15 гнезд эквивалентности (*газообработка* – *обработка газа*, *обработка газов*; *газоперекачка* – *перекачка газа*, *перекачка газов*); б) «у-х(адъект) + у-х + у-х» (10 гнезд эквивалентности), например, *газоконденсат* – *газовый конденсат*, *конденсат газа*, *конденсат газов*; *газоиндикатор* – *газовый индикатор*, *индикатор газа*, *индикатор газов*; в) «у-х(адъект)» (10 гнезд

эквивалентности), например, *газосварка* – *газовая сварка*; *газоупор* – *газовый упор*.

Мутантная группа «нефте». Несбалансированная группа, большая часть слов которой (29 из 61) относится к ядру. Ядро содержит 15 абсолютно сбалансированных гнезд эквивалентности, например: *нефтеперекачка* – *перекачка нефти*, *перекачка нефтепродуктов*; *нефтеотходы* – *нефтяные отходы*, *отходы нефти*. К периферии аббревиатурного типа (например, *нефтехимия* – *нефтяная химия*, *нефтеплатформа* – *нефтяная платформа*) относятся 24 гнезда. Периферии композитного типа (*нефтеторговля* – *торговля нефтью* и др.) принадлежат 8 гнезд эквивалентности. Группа имеет регулярные ДС *нефтяной*, *нефтегазовый*, *нефти*, *нефтью*, *для нефти*, *от нефти*, *нефтепродуктов* и др. В рассматриваемых гнездах эквивалентности наиболее представлена дешифровальная матрица «у-х(адъект)» (19 гнезд), например: *нефтеиндустрия* – *нефтяная индустрия*, *нефтемагнат* – *нефтяной магнат*). Еще одной распространенной дешифровальной матрицей является схема «у-х(адъект) + у-х» (6 гнезд), например: *нефтеотходы* – *нефтяные отходы*, *отходы нефти*; *нефтеэкспорт* – *нефтяной экспорт*, *экспорт нефти* и под.

4. Вывод

Итак, помимо абброконструктов и композитных конструктов в языке существуют мутантные (гибридные) конструкты, обеспечивающие возможность одновременной аббревиатурной и композитной трактовки сложных слов в силу существования для них параллельных текстовых эквивалентов, в которых конструкту соответствует либо часть основы эквивалентного слова, либо его основа. Образование множества текстовых эквивалентов обусловлено параллельным использованием при формировании текстового эквивалента аббревиатурного и композитного дешифровальных стимулов. Неравномерность влияния разных типов дешифровальных стимулов на слова мутантной группы стала причиной образования гнезд эквивалентности, относимых к ядру или периферии мутантной группы. В зависимости от соотношенности ядра и периферии группа получает статус сбалансированной или несбалансированной. В результате исследования было обнаружено, что из семи описанных на сегодняшний день мутантных групп сбалансированной является только группа «домо»: в ее структуре равномерно соотносится периферия аббревиатурного и композитного типа. Проблемным на сегодняшний день является определение принципов словарного описания мутан-

тных групп: каким образом должна быть представлена «мутантность» в гнездах ядра и периферии, возможно ли включение в Словарь гнезд, относящихся к композитной периферии мутантной группы? Модели представления мутантных групп в Словаре мы предполагаем описать в последующих статьях.

Список литературы

- Зайцева Е. А.* Явления, переходные между аббревиацией и сложением (на материале наименований лица) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16. 2014. №2(4).
- Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. М., 1980.
- Теркулов В. И.* Композиты и сложносокращенные слова: о смежности явлений // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция. Ч. I. Симферополь, 2015.
- Теркулов В. И.* Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум. Т. 2. Симферополь, 2017.

Сведения об авторе: Рязанова Валерия Александровна, студентка 3-го курса филологического факультета Донецкого национального университета. E-mail: valeria.alesanovna@mail.ru.

Е.А. Акулич

АББРЕВИАТУРНАЯ ГРУППА ВЕЛО: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Статья посвящена описанию аббревиатурной группы *VELO*. В результате исследования были определены структурно-формальные и семантико-ономастические модели, отмечаемые в гнездах эквивалентности группы. Соотношение данных характеристик определило наличие дешифровальных стимулов презентативного, модификационного и релятивного типов. Текстовый анализ определил количественную вариативность употребления сложносокращенных слов и их текстовых эквивалентов в рамках одного контекста.

Ключевые слова: аббревиация, аббревиатурная группа, гнездо эквивалентности, аббревиатура, дешифровальный стимул.

The article is devoted to the description of the abbreviation group *VELO*-. As a result of the study, structural-formal and semantic-onomasiological models were defined, they were noted in the group equivalence families. The correlation of these characteristics has determined the presence of decoding stimuli of the presentation and interpretation types. Textual analysis has presented the quantitative variability of the complex words application and their text equivalents in the same context frames.

Key words: abbreviation, abbreviation group, equivalence family, acronym, decoding stimuli.

1. Введение

Целью исследования является синхронное описание аббревиатурной группы *VELO*, предполагающее проведение формально-структурного и семантико-ономастического анализа гнезд эквивалентности данной группы, а также выявление особенностей употребления аббревиатуры и ее эквивалентов в текстах.

В работе дается образец комплексного синхронного (эквивалентностного) анализа аббревиатурной группы, под которой понимается «группа гнезд эквивалентности аббревиатурных слов, имеющих тождественный абброконструкт» [Теркулов, 2016а: 15]. В данном случае – это абброконструкт *VELO*, который выступает в качестве сокращенного эквивалента, например, слова *велосипедный* в паре *велотрек – велосипедный трек*.

Анализ эквивалентных текстов, то есть текстов, в которых слово и словосочетание употребляются для обозначения одного и того же референта, показал, что у одной и той же аббревиатуры может быть несколько

эквивалентов – словосочетаний, связанных с ней мотивационными отношениями. Например, для слова *велонасос* отмечаются эквиваленты *велосипедный насос* и *насос для велосипеда*. Иначе говоря, для одной аббревиатуры формируется не эквивалентная пара, как это отмечается во многих работах, а гнездо эквивалентности, включающее обычно несколько эквивалентных словосочетаний.

Для демонстрации принципов синхронного анализа нами была выбрана группа с конструктором «*вело*», для которой обнаружено 125 гнезд эквивалентности.

2. Синхронный (эквивалентностный) анализ аббревиатурной группы «*вело*»

2.1. Предварительные замечания

Целью синхронного анализа является установление и описание отношений эквивалентности в пределах гнезд эквивалентности, входящих в аббревиатурную группу *вело*. Эквивалентом аббревиатуры мы считаем абсолютно синонимичное сложносокращенному слову словосочетание, компоненты которого представлены в аббревиатуре в виде абброконструктов (как минимум один) и в неизменном виде. Например, для сложносокращенного слова *велокамера* нами отмечаются следующие эквиваленты:

велосипедная камера – атрибут *велосипедная* представлен в слове в виде абброконструкта, а слово *камера* – в неизменном виде с сохранением грамматических характеристик и системы словоизменения; данные корреляты употребляются в эквивалентных текстах как абсолютные синонимы: ***Велосипедная камера*** – казалось бы, о чем здесь можно написать. – Если копнуть глубже, то кое о чем новичкам все-таки следует знать, особенно при покупке новой ***велокамеры*** (<http://bikehike.org/choice/velokamera.html>);

камера для велосипеда – *вело* соответствует словоформе *велосипеда*, предлог *для* опускается; эквивалентное употребление: *Вопрос, где купить камеру для велосипеда не столь сложный, ведь магазинов, занимающихся продажей велосипедных камер и других колесных частей предостаточно* (<https://veloplaneta.com.ua/catalog/components/kameri>);

камера на велосипед – *вело* соответствует словоформе *велосипед*, предлог *на* опускается; эквивалентное употребление: *Часто наших продавцов спрашивают о камерах на велосипед. – Самое главное, что велока-*

меры никогда не бывают лишними в запасе (<http://bikemania.com.ua/category/kamery-dlya-velosipeda/>).

Возникновение множественной эквивалентности обусловлено существованием в сознании носителей языка нескольких дешифровальных стимулов, то есть стереотипов расшифровки, для одного абброконструкта. Для абброконструкта *велo* нами отмечаются, например, дешифровальные стимулы *на велосипед*, *велосипедный*, *для велосипеда*, *для велосипедистов*, *для вело*, *велосипеда* и под. По количеству входящих в дешифровальные стимулы компонентов их можно разделить на однокомпонентные (*велотуризм* – *велосипедный туризм*, *велокросс* – *велосипедный кросс*, *велопробег* – *велосипедный пробег*), двухкомпонентные (*велостоянка* – *стоянка для велосипедистов*, *веломагазин* – *магазин продажи велосипедов*) и трехкомпонентные (*велозавод* – *завод по производству велосипедов*).

Синхронное описание гнезд эквивалентности аббревиатур включает две исследовательские процедуры: формально-структурный и семантико-ономасиологический анализ.

2.2. Формально-структурный анализ

Формально-структурная характеристика представляет систему моделей формального соответствия сложносокращенного слова и его текстовых эквивалентов. Она осуществляется в два этапа: на первом устанавливается общая модель использования дешифровального стимула, а на втором – конкретная модель формальной разновидности эквивалентности (расшифровку символов, используемых для описания моделей, см. в статье В. И. Теркулова).

При построении системы моделей использования дешифровального стимула определяется предельная структура последнего. Для группы *велo* отмечаются следующие модели: *х* – существительное: *шлем велосипедиста* – *велoшлем*; *х*(адъект) – простое прилагательное, образованное от существительного: *велосипедный шлем* – *велoшлем*; *х-а*(сущ) – сложное существительное: *магазин велопринадлежностей* – *велoмагазин*; (предл)*х* – существительное с предлогом: *багажник для велосипеда* – *велобагажник*; (предл)*х-а*(сущ) – сложное существительное с предлогом: *стадион для велоогонок* – *велoстадион*; *х*(адъект)-*z* – словосочетание с зависимым адъективом: *школа велосипедного спорта* – *велошкола*; *х-z*(сущ) – словосочетание с зависимым существительным: *магазин продажи велосипедов* – *велoмагазин*; (предл)*х-z*(сущ) – предложное словосочетание с зависимым существительным: *завод по производству*

велосипедов – *велозавод*; (предл)х(адъект)-z – предложное словосочетание с зависимым адъективом: *соревнования по велосипедному спорту* – *велосоревнования*.

На втором этапе для каждой эквивалентной пары в пределах гнезда эквивалентности определяется конкретная формальная схема эквивалентности, которая включает в себя два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Для аббревиатурной группы *VELO* были отмечены следующие модели:

Аббревиатура	Модель дешифровально-го стимула	Эквивалент	Формальная схема словосочетания	Формальная схема аббревиатуры
<i>велоцентр</i>	у-х(прил)	<i>велосипедный центр</i>	Прил1ед + Сущ1ед	ЧоснПрил1ед + Сущ1ед
<i>велобагажник</i>	у-х	<i>багажник велосипеда</i>	Сущ1ед + Сущ2ед	ЧоснСущ2ед + Сущ1ед
<i>VELOшкола</i>	у-(предл)х	<i>школа для велосипедистов</i>	Сущ1ед + предл + Сущ2мн	ЧоснСущ2мн + Сущ1ед (-предл)
<i>велостадийон</i>	у-(предл)х-а	<i>стадийон для велогоняк</i>	Сущ1ед(компл) + предл + Сущ2мн	ЧоснСущ2мн (компл) + Сущ1ед (-предл)
<i>VELOмагазин</i>	у-х-z(сущ)	<i>магазин продажи велосипедов</i>	Сущ1ед + Сущ2ед(1) + Сущ2мн(2)	ЧоснСущ2ед(2) + Сущ1ед (-Сущ2ед(1))
<i>VELOшкола</i>	у-х(адъект)-z	<i>школа велосипедного спорта</i>	Сущ1ед + Прил2ед + Сущ2ед	ЧоснПрил2ед + Сущ1ед (-Сущ2ед)
<i>велозавод</i>	у-(предл)х-z(сущ)	<i>завод по производству велосипедов</i>	Сущ1ед + предл + Сущ4ед + Сущ2мн	ЧоснСущ2мн + Сущ1ед (-предл + Сущ4ед)
<i>велобагажник</i>	у-(предл)х	<i>багажник для велосипеда</i>	Сущ1ед + предл + Сущ2ед	ЧоснСущ2ед + Сущ1ед (-предл)
<i>VELOмагазин</i>	у-х-а(сущ)	<i>магазин велосипедной принадлежности</i>	Сущ1ед + Сущ2мн	ЧоснСущ2мн + Сущ1ед

Для каждого гнезда эквивалентности устанавливается матрица дешифровальных стимулов (дешифровальная матрица), указывающая на набор и структуру эквивалентов аббревиатуры. Например, для гнезда эквивалентности *VELOшина* отмечается матрица у-х(прил): Прил1ед + Сущ1ед = ЧоснПрил1ед + Сущ1ед (*велосипедная шина*); у-х: Сущ1ед + Сущ2ед = ЧоснСущ2ед + Сущ1ед (*шина велосипеда*); у-(предл)х: Сущ1ед + предл + Су-

$\text{шц2ед} = \text{ЧоснСушц2ед} + \text{Сушц1ед} \text{ (-предл) (шина для велосипеда)}$; $\text{Сушц1ед} + \text{предл} + \text{Сушц2мн} = \text{ЧоснСушц2мн} + \text{Сушц1ед} \text{ (-предл) (шина для велосипедов)}$; $\text{Сушц1ед} + \text{предл} + \text{Сушц4ед} = \text{ЧоснСушц4ед} + \text{Сушц1ед} \text{ (-предл) (шина на велосипеде)}$; $\text{Сушц1ед} + \text{предл} + \text{Сушц4мн} = \text{ЧоснСушц4мн} + \text{Сушц1ед} \text{ (-предл) (шина на велосипедах)}$. Такая же матрица обнаруживается для всех групп эквивалентности, в которых базис обозначает деталь велосипеда: *VELOCAMERA*, *VELOBAGGAGE*, *VELOCOMPUTER* и т. д.

2.3. Семантико-ономасиологический анализ

Для данной группы выделяются 10 **ономасиологических классов**, которые определяются как «объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий. Это такая совокупность номинатов, в которой единый тип представленности знаний <...> реализован в одном грамматическом классе единиц <...> одинаковым структурным способом» [Блюмина, 2010: 55]:

1. Мероприятие: *VELOGONKA* – велосипедная гонка, *VELOCROSS* – велосипедный кросс;
2. Действие: *VELOTRYOK* – велосипедный трюк, *VELOPRYZHOK* – прыжок на велосипеде;
3. Учреждение: *VELOMAGAZIN* – велосипедный магазин, *VELOSALON* – велосипедный салон;
4. Пространственный объект: *VELOSTOYANKA* – стоянка для велосипедов, *VELOTRASSA* – велосипедная трасса;
5. Субъект: *VELOFIGURIST* – велосипедный фигурист, *VELOMEKHANIK* – велосипедный механик;
6. Объединение людей: *VELOKRUZHOK* – велосипедный кружок, *VELOSEKCIYA* – велосипедная секция;
7. Одежда и экипировка: *VELOSHITANY* – велосипедные штаны, *VELOPERCHATKI* – велосипедные перчатки, *VELOSHELM* – велосипедный шлем, *VELOOCHKI* – велосипедные очки;
8. Детали и аксессуары: *VELOSHINA* – велосипедная шина, *VELOSEDOLO* – велосипедное седло, *VELOBAGGAGE* – велосипедный багажник, *VELOBUTYLKA* – велосипедная бутылка;
9. Результат: *VELOTRAUMA* – травма на велосипеде, *VELOPOBEDA* – велосипедная победа;
10. Прескриптивные факты: *VELOMODA* – мода на велосипеды, *VELOPRAVILA* – велосипедные правила.

Для аббревиатур, входящих в данные ономасиологические классы, обнаружены следующие регулярные ономасиологические признаки: квали-

фикатив (*велотуризм – велосипедный туризм*), посессив (*велочехол – чехол велосипеда*), дестинатив (*велобаза – база велосипедов*), инструменталис (*велогонка – гонка на велосипедах*), локатив (*велобагажник – багажник на велосипеде*), фактитив (*велозавод – завод по производству велосипедов*).

Текстовые корреляты, входящие в одно гнездо эквивалентности, по-разному интерпретируют семантику аббревиатуры.

Презентативные дешифровальные стимулы, выраженные адъективно, формируют обобщенную, квалификативную трактовку значения текстового эквивалента. Таковыми являются, например, корреляты *велобазар – велосипедный базар*; *веломагазин – велосипедный магазин*; *VELOШЛЕМ – велосипедный шлем*; *велобатальон – велосипедный батальон*; *велобаза – велосипедная база*; *велокросс – велосипедный кросс*; *велонасос – велосипедный насос* и под. Во всех случаях реализуется обобщенная семантика «имеющий отношение к велосипеду (велосипедам)».

Релятивные дешифровальные стимулы указывают на актантно-числовые характеристики обозначенного аббреконтруктом референта в пределах номинации, например, *велобагажник – багажник велосипеда* (посессив), *багажник для велосипеда* (дестинатив); *велогонка – гонка велосипедов* (агент), *гонка на велосипедах* (инструменталис), *гонка велосипедистов* (агент); *VELOШЛЕМ – шлем велосипеда* (посессив), *шлем для велосипеда* (дестинатив), *шлем велосипедиста* (посессив) и т.д.

Модификационные интерпретативные дешифровальные стимулы гиперонимически или гипонимически специализируют семантику аббревиатуры, например, *велозавод – завод по производству велосипедов*; *веломагазин – магазин продажи велосипедов*, *магазин велоодежды*, *магазин велозапчастей*, *магазин велотренажеров* и т. д.

2.4. Текстовые особенности употребления аббревиатуры

Все вышеперечисленные особенности «развертывания» аббревиатур исследуемой группы были обусловлены характером их употребления в конкретной языковой ситуации или контексте. Текстовый анализ показал, что встречаемость аббревиатуры и ее текстового эквивалента в разных текстах может количественно варьироваться. В качестве примера предложены тексты, отражающие дисбаланс употребления аббревиатуры и ее синтаксических эквивалентов:

1) употребление сложносокращенного слова без текстового эквивалента: *VELOШЛЕМ – это предмет горячих обсуждений с главным вопросом: надевать или без него безопасно?* (<http://veliki.ua/ru/novosty-i-akcii/veloshlem-nuzhen-ili-net.html>)

2) употребление сложносокращенного слова с:

- одним текстовым эквивалентом: *Купить велошлем (велосипедный шлем) детский для детей от 1–2 лет, подростков или взрослые: женские и спортивные в интернет магазине в Москве: цены от 800 рублей, недорого* (<http://sportvelo.ru/catalog/%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D1%8B>);
- двумя текстовыми эквивалентами: *Как выбрать шлем для велосипеда. Велосипедный шлем состоит из внутреннего слоя пены и внешнего тонкого слоя пластика.* (<http://shlem.com.ua/velosport/velosipedniel>);
- тремя текстовыми эквивалентами: *Велосипедный шлем предназначен для защиты вашей головы от травм и сотрясения мозга при падениях и столкновениях с различными твердыми препятствиями. Современные велошлемы изготавливают из вспененных материалов типа плотного пенопласта. Как выбрать детский шлем для велосипеда. Необходимые шлемы велосипедистов* (<http://velosipedinfo.ru/velosipednyiy-shlem-lichnaya-bezopasnost-velosipedista>).

Количественное варьирование текстовых эквивалентов сложносокращенного слова обусловлено в первую очередь наличием большой парадигмы дешифровальных стимулов, стилем текста, а также актуальностью и общеизвестностью самой аббревиатуры.

3. Заключение

Исследуемая в работе аббревиатурная группа с аббреоконструктом *вело* позволила наглядно представить основные принципы описания аббревиатурных групп. Произведенный анализ включил в себя формально-структурную и семантико-ономасиологическую характеристику группы, что в последующем позволило выявить особенности употребления аббревиатур и их эквивалентов в тексте. В процессе работы было обнаружено, что входящие в гнезда эквивалентности лексемы по своей структуре могут быть семантически осложнены за счет влияния на сложное слово дешифровальных стимулов. В связи с этим были выделены презентативные и интерпретативные (модификационные и релятивные) типы дешифровальных стимулов в данной группе. Текстовый анализ установил количественную вариативность употребления сложносокращенных слов и их текстовых эквивалентов в рамках одного контекста. В последу-

ющих работах предполагается дальнейшая разработка методики описания употребления сложносокращенных единиц в тексте.

Список литературы

Блюмина О.В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Горловка, 2010.

Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. Вып. 3 (29). Языкознание. Горловка, 2016.

Сведения об авторе: Акулич Екатерина Анатольевна, студентка 3-го курса русского отделения филологического факультета Донецкого национального университета. E-mail: akulich1997@bk.ru.

ДЕЛА И ЛЮДИ

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЛИБАН

От редколлегии

ДАНЬ ПАМЯТИ ЛУЧШЕГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ЛЕКТОРА

К десятой годовщине смерти Николая Ивановича Либана, вероятно самого популярного в XX в. лектора не только на филологическом факультете МГУ, но и во всем университете, вышел третий том его лекций, сохраненных слушателями, письменных научных работ, воспоминаний и интервью. Выдающийся гуманитарий – не только филолог, но и историк русской культуры, многовекового русского быта, оригинальный мыслитель, хотя и не претендовавший на статус философа, подлинный художник слова – предстал в этом трехтомнике и особенно в его третьей книге такой разносторонней личностью, какой не знали Николая Ивановича даже те, кто прослушал несколько из его почти трех десятков курсов, даже близко общавшиеся с ним ученики, писавшие свои первые учебно-научные работы под руководством этого универсально одаренного человека.

6 декабря 2017 г. на расширенном заседании кафедры истории русской литературы филологического факультета состоялась презентация новой книги. Составитель трехтомника *В.Л. Харламова-Либан* рассказала о замысле издания и о том, как он реализовывался. Первоначально предполагалось, что третья книга станет приложением к публикациям лекций и научных трудов Николая Ивановича – сборником воспоминаний о нем. Но работ и высказываний, которые можно было подготовить к печати, нашлось больше, чем на два тома. Теперь воспоминания о Либане составят четвертый том издания.

После подробной информации составителя выступили заведующий кафедрой истории русской литературы проф. *В.Б. Катаев*; научный редактор первого тома, автор вступительной статьи и комментариев к нему проф. *С.И. Кормилов*; д. ф. н. *А.Г. Гачева*, написавшая одни из наиболее ценных воспоминаний об учителе; автор статьи о Либане в словаре русских литературоведов XX в. *И.А. Беляева*; автор комментариев во второ-

му и третьему томам осуществленного издания *Б.Н. Романов*; ученик и коллега Либана в деле преподавания древнерусской литературы проф. *А.А. Пауткин*.

В. Л. Харламова-Либан выразили недовольство тем, что статья И. А. Бе-
ляевой последней о Н. И. Либане в первом томе биобиблиографического
словаря литературоведов (2017) была сильно сокращена редакцией. Как
выяснилось впоследствии, причиной тому были особенности данной ра-
боты, не соответствующие общепринятым нормам словарных статей.
Но что неприемлемо для сухого, предельно лаконичного стиля словаря,
допустимо в журнальной публикации. Поэтому «Вестник Московского
университета» после необходимой редактуры печатает статью И.А. Бе-
ляевой целиком, только без списка литературы, так как в третьем томе изда-
ния наследия Н.И. Либана помещена его полная библиография.

И.А. Беляева

ЛИБАН Николай Иванович [2(15).09.1910, г. Москва – 5.12.2007, г. Москва], историк русской литературы и критики, педагог, составивший эпоху (65 лет) в филологическом образовании, даваемом Московским университетом. Родился в семье банковского служащего И.В. Лаврова и М.Р. Либан. По материнской линии – потомок виконта Ж. Либана, полковника французской армии, объявившего Эльзас независимой республикой. Его родные были вынуждены покинуть родину. Среди предков Либана по материнской линии – причисленный к лику святых Иоасаф Горленко, епископ Белгородский, дед – Роман Иосифович Либан – адвокат, друг Ф.Н. Плевако. Либан рано лишился отца, воспитанием и начальным образованием его занимались мать и тетка Александра Дмитриевна Хоецкая (урожденная Себелева), «наставница, друг, демократка, смолянка». На становление Либана большое влияние оказал протоирей Георгий Чиннов («у него-то я научился говорить»), основавший церковную школу при храме Успения на Могильцах, которую Николай Иванович посещал. Мальчиком два раза служил посошником у патриарха Тихона. Историю изучал у С.В. Бахрушина.

В 1920-е гг. учился в знаменитой 7-й опытно-показательной школе МОНО имени профессора Коваленского, которая была создана на основе бывшей женской Хвостовской гимназии для детей научных работников. Структура обучения вплоть до преподавания латинского языка оставалась прежней, сохранялся и педагогический состав. Из учителей самое сильное влияние оказала В.С. Смирнова, «человек исключительной образованности», выпускница Сорбонны и Берлинского университета, биолог, химик, литератор. От нее – интерес к естествознанию и географии, страсть к путешествию – «мы с ней обошли всю Россию». Будучи школьником, ходил на Шпицберген в качестве корабельного юнги на научно-исследовательском судне. В составе этнографической экспедиции по направлению академика А.Е. Ферсмана отправился на Алтай (очерк «Алтай» впервые частично опубликован в 2004 г.). В юношеские годы увлекался литературным и издательским творчеством: в 1928 г. в рукописном сборнике «Начало» вышел в свет рассказ «Рассчитали», в котором показывалось, как легко в современ-

ной жизни потерять веру. По замечанию самого Либана, он там подражал Горькому.

После окончания школы зарабатывал необходимый в те годы для поступления в вуз трудовой стаж: служил разнорабочим в типографии «Искра», грузчиком на Брянском вокзале, был активным членом общества «Долой неграмотность».

В 1932 г. зачислен студентом в МГПИ имени В.П. Потемкина. Закончил в 1937 г. В 1937–1941 учится в аспирантуре МИФЛИ. Под руководством В.Ф. Переверзева, затем Д.Д. Благоева работает над темой «Русский исторический роман». Одновременно занимается древнерусской словесностью у М.Н. Сперанского. С 1942 г., после слияния МИФЛИ с университетом, Николай Иванович Либан – ассистент кафедры русской и славянской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Параллельно с обучением в МИФЛИ постоянно вел преподавательскую деятельность: в 4-й школе БОНО; на факультете особого назначения при институте имени Г.В. Плеханова; в Оршанском учительском институте; лектор московского областного лекционного бюро.

С 1943 по 1949 г. Н.И. Либан – заместитель декана филологического факультета на заочном отделении. Во время Великой Отечественной войны выезжал на фронт с лекциями, выступал перед бойцами в госпиталях, помогал фронтовикам с учебой. С 1943 по 1968 г. – старший преподаватель филологического факультета МГУ. Руководил стажерами, слушателями ФПК. Под научным руководством Либана защитилось более 200 дипломников. Он постоянно консультировал аспирантов, докторантов, учителей. Прочитал более 20 спецкурсов, общие курсы по истории русской литературы, по теоретическому литературоведению.

Научная деятельность Либана всегда сочеталась, а иногда, как казалось многим, растворялась в его педагогическо-преподавательской практике, что, однако, далеко не так. Основные труды его увидели свет в начале 2000-х гг., тем не менее их появление было подготовлено и предопределено предшествующими годами работы и масштабностью научных интересов ученого. Поздняя судьба печатного наследия Либана объясняется не только сложностью времени, в которое ученому довелось жить, и его гражданской позицией, подразумевавшей нежелание вступать в гонку за степенями и званиями, но и предельной требовательностью к слову, переданному бумаге: это Николай Иванович усвоил еще в годы аспирантуры от Д.Н. Ушакова, скептически относившегося к «социалистическим обязательствам» в области публикаций.

Отдельную страницу в профессиональной жизни Либана занимает научное редактирование. «Редактор, – считал он, – это все равно что дирижер в оркестре: он должен все расставить по своим местам и часто бывает соавтором». В 1954 г. под редакцией А.В. Кокорева и Н.И. Либана выходит хрестоматия «Устное поэтическое творчество русского народа»; в 1960-м Либан является редактором учебника А.Н. Соколова «История русской литературы XIX века. Т. I», выдержавшего несколько изданий.

Фольклор, медиевистика, история русской литературы, теоретическое литературоведение – все это сферы интересов ученого, в области которых его знания были равно глубоки и фундаментальны, что поражало всех, кто с ним общался. При этом его методологические позиции всегда были ясны и последовательны: будучи учеником В.Ф. Переверзева (хотя его многое не устраивало в методе учителя, что осложнялось и непростыми личными отношениями), воспитанный на традициях П.Н. Сакулина и В.В. Сиповского, Либан называл себя «последним учеником вульгарной социологии», при этом считая социологию не «вульгарной»: «она нужна и в науке, и в искусстве, и, если угодно, в жизни». Она позволяет увидеть «историю русской литературы как явление демократическое», в котором отражается общество и человек как его высшее и ценнейшее звено. Социологический метод, который всегда проповедовал Н.И. Либан, побуждая своих учеников читать Сиповского, Сакулина и Переверзева, подразумевал и внимание к историческим судьбам общества, народа, культуры; для него всегда было важным знание фактического материала. Читая лекции по всем периодам русской литературы (кроме XX в.), филолог считал, что каждый из них в той или иной мере запечатлен в яркой творческой личности, представляющей за свой век и общество. История литературы для Либана – это прежде всего история человека во времени, крепко связанного со своей средой – однако так, что и среда его формирует, и он ее, и не только «формирует», но и «организует», «вдохновляет» и «определяет собой тот или иной путь развития – экономического, духовного, художественного». Между тем Николай Иванович был открыт и для других подходов к литературе, ценил работы А.Н. Веселовского, высоко отзывался о формалистах, прекрасно знал труды М.М. Бахтина. При этом был решительно против того, чтобы ученый существовал вне методологии, под которой подразумевал прежде всего системный взгляд на предмет: вспоминая о семинаре Д.Д. Благого, с сожалением констатировал, что «многих его учеников отсутствие методологии <...> здорово подкосило впоследствии».

Либан считал, что история русской литературы не может быть написана без знания истории общества и ее так называемых «второстепенных» участников – писателей второго ряда. Одной из первых работ такого плана стала монография «Н.Г. Помяловский. “Очерки бурсы”», над которой Либан работал в 1955–1957 гг. (опубликована в 2010). В ней ярко отразились черты научного метода и уникальные свойства личности ученого. Монография начиналась главой «История просвещения в России. Бурсак в общественной жизни России середины XIX века», где был представлен широкий историко-культурный очерк духовного и светского образования от Древней Руси до времен Помяловского. Этот материал стал фундаментом для исследования литературной деятельности Помяловского, созданных им бурсацких типов, бесфабульных возможностей жанра очерка. Достоинствами и недостатками писательской техники Помяловского. Либан считал показательными именно для «второстепенных» авторов, без их уяснения историку литературы трудно понять и значение открытий больших писателей. У первых «всегда видно, даже там, где это не нужно, как работает метафора», а у вторых – «это все органично», но «сами гении многое у них взяли». Статьи Либана о Помяловском, А.И. Левитове, Н.А. Благовещенском, М.М. Достоевском (и деятеле XVIII в. А.Т. Болотове) опубликованы в биобиблиографическом словаре «Русские писатели» (1971).

Особая заслуга Н.И. Либана – возвращение в научный оборот наследия Н.С. Лескова. С 1996 по 2007 г. Либан был главным редактором первых 10 томов Полного собрания сочинений писателя. В течение нескольких десятилетий Либан читал спецкурс по Лескову в университете (опубликован в 2010 г.) и вел спецсеминар, из которого вышли многие специалисты-лесковеды. По словам ученого, Лесковым он начал заниматься, потому что ему «не отдано должное» и чтобы «восполнить брешь» в истории русской литературы. Считая Лескова «наиболее русским писателем» «в том смысле, что у него все построено на слове», на «психологии слова», ученый обратился к такому явлению в его творчестве, как культурная полифония, в которой сказался великий дар Лескова-стилиста. Лесков для Либана – автор «всесловного романа», создатель разновидности «романа-летописи», «романа-хроники». Но особо ценил Н.И. Либан в нем писателя-мыслителя, наиболее точно – и даже в большей степени, чем Ф.М. Достоевский или Л.Н. Толстой, – отразившего духовную драму русского человека во времена кризиса христианской идеи.

Этой проблеме посвящена фундаментальная по масштабу постановки проблемы и емкая в содержательном плане статья ученого «Кризис христианства в русской литературе и русской жизни» (1997). В ней поставлен вопрос о правомерности отнесения таких писателей, как Достоевский, Толстой, Лесков, к художникам христианского направления, пропагандирующим христианство. По мысли ученого, они, скорее, фиксировали в своих сочинениях его кризисные явления. Аналогичная ситуация складывается и в трудах «христианских философов» «С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка», которые все свои идеи свели к национальному русскому началу, что говорит «о разрушении идеи христианства»: ведь «в том и сила христианского учения, что оно всеобъемлющее, не имеющее ни географических, ни национальных границ».

С 2000 г. усилиями благодарных учеников начинают выходить в печати лекционные курсы, читанные Н.И. Либаном в разные годы: «Литература Древней Руси» (2000), «Становление личности в русской литературе XVIII в.» (2003), «Лекции по истории русской литературы (от Древней Руси до первой трети XIX века)» (2005). Это своего рода «устные монографии» (отмечено А.Г. Гачевой), «героями» которых становились книги, писатели, сословия, эпохи. В основу этих и последующих публикаций легли общий курс по древнерусской литературе, спецкурсы по творчеству Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.Г. Чернышевского, В.Г. Короленко и многих других. Спецкурс «Из истории русского романа 60–80 годов XIX века» впервые введен в научный оборот в интернет-среде (аудиозаписи выложены на сайте «Русского мира») и ныне опубликован во втором томе трехтомного издания наследия Н.И. Либана (2015).

Для Либана как историка литературы не существовало неинтересных явлений и малозначительных имен и фактов. Он видел все и в лаконичной и емкой фразе мог дать представление о великих творениях и о массовой литературе (знаменитый курс «Бульварный роман»). Наибольшую сложность, по признанию самого ученого, представлял Н.В. Гоголь, раздумья о котором затормозили работу ученого над начатыми главами книги «Люди и книги 40-х годов XIX века» (в незавершенном виде опубликовано в юбилейном сборнике «Избранное», 2010). Ученый справедливо критиковал академическую историю русского романа, написанную разными авторами; не менее скептичен он был и по отношению к академической истории русской литературы. Сам же Либан в сущности разработал целостную концепцию истории русской литературы от Древней Руси

до XX в. (творчество Короленко), в основе которой лежала идея личности как главная для искусства слова. Либан мог повторить о себе слова Г.Н. Пospelова: «теперь я вижу весь процесс».

Важнейшей стороной профессиональной деятельности ученого стало учительство. Можно утверждать, что Либан создал свою «школу», подразумевая под этим «господство в умах, логике, в слове». Работа в его семинарах строилась на четких принципах, формировавших у студентов системное филологическое мышление: составление библиографии, выстраивание истории вопроса, работа с разными источниками, анализ текстов, рецензирование работ коллег. В основе преподавательской деятельности Либана лежало уважительное отношение к каждому студенту, вне зависимости от его возможностей и дарований, умение слушать и слышать. Целью преподавания литературы Либан считал замену «оскудения» человеческой души на «любовь и уважение к любому человеку». Лекции ученого-филолога запомнились слушателям четкой и емкой мыслью, яркой, «вкусной» речью, особой иронической, а также лирической интонацией. Ученики Либана помнят его безукоризненный внешний вид (черную тройку, белую рубашку), уважительность и демократизм в обращении. Для многих поколений филологов Н.И. Либан остается образцом человека и ученого.

Сведения об авторе: Беляева Ирина Анатольевна, докт. филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета. E-mail: belyaeva-i@mail.ru

С.И. Кормилов

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ВЫСТУПЛЕНИЙ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ГУМАНИТАРИЯ

В 2014–2017 гг. вышло трехтомное собрание сочинений замечательного литературоведа, в течение многих десятилетий самого популярного из преподавателей филологического факультета МГУ – Н.И. Либана. Настоящая статья посвящена главным образом второму и третьему томам, из которых читатели могут узнать особенно много об этом исключительно ярком человеке и его идеях.

Ключевые слова: Н.И. Либан, лекции, письменные работы, воспоминания, комментарии.

In 2014–2017, a three-volume collection of works by the remarkable literary critic N.I. Liban was published. For many decades he was the most popular lecturer at the philological faculty of Moscow State University. This article is mainly devoted to the second and third volumes of the collection. Readers can learn a lot about this exceptionally bright person and his ideas.

Key words: N.I. Liban, lectures, written works, memoirs, comments.

Николай Иванович Либан сам напечатал лишь совсем немного коротких статей (см. библиографию [Либан, 2017: 497–498]¹). Официально он вступил в большую науку девяностолетним, начиная с 2000 г., и абсолютно необычно – тремя книгами лекций, записанных его учениками. Пока это были только три курса, два из них в публикации 2005 г. повторялись (3: 496). Между тем количеством читавшихся блоков лекций этот человек превосходил любого из своих коллег на филологическом факультете МГУ. В беседе «Час вне времени» (2007) он говорил, что «прочитал в университете все курсы: историю древнерусской литературы, литературы XVIII века, литературы XIX века, спецкурс по теории литературы, спецкурс по введению в литературоведение и еще 23 авторских спецкурса» (3: 412). Посмертно появился весомый том «Избранное. Слово о русской литературе: Очерки, воспоминания, этюды» (2010), включивший кроме лекций письменные работы Либана, его воспоминания, а также воспоминания о нем. Для тех, кто у него не учился, он сразу вырос в чрезвычайно представительную фигуру.

¹ Далее эта книга и две непосредственно предшествующие ей – [Либан, 2014] и [Либан, 2015] – обозначаются соответственно хронологии цифрами 1, 2, 3 в круглых скобках.

Наконец, прежде всего стараниями В.Л. Харламовой-Либан, в 2014–2017 гг. были выпущены три больших тома лекций, статей, высказываний и воспоминаний того, чей жизненный и профессиональный опыт был почти вековым. Все они имеют общее название «Русская литература», но разные подзаголовки, пронумерованы же только звездочками на корешках. За ними должна последовать еще книга воспоминаний о Либане. Безусловно, это уникальное издание, достойное уникальных дарований представляемого им педагога и исследователя.

Первый его том, как и предыдущие книги Либан, уже реферировался и рецензировался в печати (3: 501, 503–505)². Автор настоящей статьи, выступивший научным редактором книги 2014 г., снабдивший ее вступительной статьей и комментариями, не имеет права быть вместе с тем ее рецензентом, да и в ней же подробно высказался о вновь перепечатанных там курсах «История древнерусской литературы» (с существенными добавлениями), «Становление личности в литературе XVIII века», «Русская литература первой трети XIX века: Жуковский, Пушкин, Лермонтов». Так что речь пойдет в основном о еще более разнообразных по содержанию втором и третьем томах. Каждый из трех вполне может рассматриваться как самостоятельное, самоценное издание, но при этом они составляют сложное единство как собрание сочинений и высказываний одной творческой личности.

В 2015 г. были впервые напечатаны отрывки из спецкурса 1962 г. «Русская литература XVIII века» (почему это спец-, а не основной курс по литературе данного периода, не уточняется), в которых по сравнению с лекциями о становлении личности, согласно комментарию Б.Н. Романова (при участии В.Л. Харламовой-Либан), «больше внимания уделяется истории просветительства, творчеству Ломоносова и Радищева, русскому масонству и его влиянию на романтизм, проблемам этического и эстетического круга и др.» (2: 610); спецкурсы «Из истории русской повести XIX века» (также 1962 г.) на материале 1830-х и 1860–1870-х гг. (демократической литературы), «Из истории русского романа XIX века» (1972–1973) главным образом на материале общепризнанной классики от Тургенева до Толстого и Достоевского, но также с привлечением не столь бесспорного Писемского, «Творчество Н.С. Лескова 60–80-х годов XIX века» (1990-е гг.); к последнему приложены материалы «Семинары по творчеству Н.С. Лескова» (2004–2005).

² См. также: [Федотов, Шелемова, 2016].

Два других раздела тома – «Работы разных лет» и «Из архива». В незаконченной поздней работе «Люди и книги 40-х годов XIX века» говорилось об общественно-литературной ситуации, увенчавшейся творчеством Гоголя. В двух главах из монографии «Н.Г. Помяловский. “Очерки бursы”» внимание уделено не только названному произведению, но и истории просвещения в России, а также фигуре бурсака в ее общественной жизни середины XIX столетия. Приложен автореферат не защищенной диссертации о Помяловском. Впервые опубликована работа 1956–1961 гг. о писателе-шестидесятнике М.А. Воронове. С сокращениями републикованы словарные статьи, посвященные Н.А. Благовещенскому, А.Т. Болотову, М.М. Достоевскому, А.И. Левитову, Н.Г. Помяловскому, целиком – речь «Кризис христианства в русской литературе и русской жизни» на конференции «Христианство и литература» (1997) с предъявлением масштабных претензий к Л.Н. Толстому, Ф.М. Достоевскому, у которого «столько же веры, сколько и неверия» (2: 513), Н.С. Лескову, а также к религиозным философам начала XX в. и с выводом: «Христианство по сути своей есть величайший революционный переворот в истории человечества, которому, чтобы обрести истину, необходимо испытать и пережить кризис, пройти через горнило страдания, неверия, отчаяния» (2: 518)³.

«Из архива» были извлечены работы второй половины 1930-х гг. «Жизнь и творчество А.И. Герцена. Материалы к биографии», «М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. Опыт анализа художественного произведения», выступления 1940-х гг. на тему «Риторическая проповедь Киевской Руси» (напечатанная без конкретизации места «стенограмма заседания сектора древнерусской литературы»), недатированные критические заметки на полях книг Л.Н. Толстого «Исповедь» и «Краткое изложение “Евангелия”», лекция 1962 г. об историографии литературоведения («обзор школ и методов»).

Древнерусская литература во втором томе собрания сочинений представлена намного скромнее, чем демократическая литература середины (условно говоря) XIX в. Хотя дипломную работу Либан защитил по теме «Анализ романа М. Лермонтова “Герой нашего времени”» (3: 485), писал

³ Правда, раньше, в лекциях о романе XIX в., Либан напоминал, что В.С. Соловьев, «встретившись с Достоевским, уговорил его ехать немедленно в Оптину пустынь. И Достоевский согласился. Нужно было менять полицейское православие на какое-то иное» (2: 265). В лекциях о Н.С. Лескове: «У Лескова есть очень хорошее размежевание – религиозные чувства и клерикальный мир. Он этого не путает» (2: 292).

он больше не о классиках, а о фигурах не столь значительных, но показательных для исторического и литературного процесса – разночинцах-«шестидесятниках» – и диссертацию намеревался защищать по Н.Г. Помяловскому. Однако основным его лекционным курсом стала история древнерусской литературы. Наверно, он все-таки осознавал, что от нашего средневековья сохранилось только одно произведение подлинно классического уровня – «Слово о полку Игореве», – и старался всей своей работой сделать интересными и значимыми для студентов даже достаточно скромных по своим дарованиям древнерусских книжников и писателей как XVIII, так и XIX в. Он безусловно стремился к объективности. «Мелкотравчатым», как выражался Николай Иванович, тоже необходимо отдавать должное. Конечно, он их не идеализировал: «Разночинец был образованней дворянина, но гораздо ниже по культуре. <...> Он стоял между дворянской верхушкой и буржуазией. Эстетических ценностей здесь почти не было, накопление эстетических качеств шло очень медленно» (2: 69). У столь выделенного Помяловского «писательский талант и большая сила наблюдательности. Иногда прекрасное ощущение слова. Остальное – скорее публицистика» (2: 53)⁴. «У Решетникова философической линии как тенденции нет. И он отвергает ее сознательно: нельзя философствовать, когда грозит голодная смерть, – утверждает он» (2: 53). Однако в этом и его преимущество. «Тема голода была обойдена большими классиками. Но для других эта тема основная (Решетников “Подлиповцы”» (2: 282). Салтыков-Щедрин, сопоставляя «Анну Каренину» и «Подлиповцев», по мнению лектора, «убедительно показывает несоизмеримость трагедии личности и трагедии целого класса. Это рассказывается языком, который большим писателям недоступен, непонятен <...>. «Мелкотравчатые» писатели создают целую языковую гамму. А мастера целиком переносят ее в свои произведения. <...> Словечки, фразы героев Левитова не ускользают от великих писателей. Слова и выражения из очерков Глеба Успенского мы встречаем у Толстого. Слово «кровиночка» Достоевский взял у Левитова. <...> Название пьесы Толстого «Власть тьмы» подсказано рассказом Г. Успенского “Власть земли”» (2: 282–283). В 2001 г. Либан к данному вопросу вернулся: «Самое интересное для ме-

⁴ В начале 1960-х говорилось явно гиперболически (с опорой на Чернышевского): «<...> Помяловский, с лермонтовско-гоголевскими чертами, по выражению Чернышевского, то есть с умением заглядывать в психологические тайники человеческой жизни и вместе с тем – с сатирической выразительностью, которая была под силу только Гоголю и Щедрину» (3: 41–42).

ня во всех этих писателях было то, что классики-то из них многое ценное “вытащили”, а первоисточник забыт. Они создали язык второй половины XIX века... <...> Классики очень многие находки языка заимствовали у тех, кого мы уже не читаем и считаем, что все это «мусор». А на самом деле это тот самый мусор, из которого мастера-то брали!» (3: 364)⁵. У А.И. Левитова Либан отмечал как будто недостаток, но вместе с тем и достоинство: «У Левитова мы видим мягкие тона, задушевность и даже известную идеализацию жизни. Он любит набрасывать лирические покровы на трагическое и страшное» (3: 41). Была ему дана и завышенная оценка. В лекциях о повести XIX в. Либан усомнился в том, что демократическую литературу справедливо обвиняли в нехудожественности: «Левитов своими произведениями соперничает с Достоевским» (2: 67). Н.В. Успенский таких похвал не заслужил. «У Николая Успенского очерки доведены почти до натуралистических зарисовок с акцентом на биологическую сущность человека» (3: 41). Зато они – «антитеза дворянской литературе. До этого народ изображали из окна дворянской усадьбы и относились к нему как к младенцу, которого надо жалеть. Дворянство, чувствуя свой грех перед народом, заглаживало его идеализацией. Успенский как образованный представитель народа не идеализировал крестьян» (3: 41).

На позициях разночинцев стояли не только «мелкотравчатые». Либан говорил: «К Достоевскому почти не применяют термина “разночинный писатель”, в то время как он в высшей степени разночинный. Никто с такой смелостью и ясностью не мог изобразить буржуазных отношений в России, как Достоевский» (2: 182). Вместе с тем «самый антидворянский писатель – это Достоевский. Никто так не ополчался на господствующее сословие, как он» (2: 258). И не просто на дворянство и буржуазию, но и на всех и каждого, кто не соответствовал его идеалам. В «Бесах» – «не только критика нигилистов, там критика всех и вся. Причем это критика настолько, я бы сказал, жестокая, настолько озлобленная, что иногда автор теряет чувство меры и изображает современников так, что они не могут себя не узнать» (2: 258). Но «художник, который всю жизнь изображал патологию, умел преодолевать этот натурализм и патологическое изображение» (2: 186). Либан вопреки хронологии предположил, что «Чернышевский, по существу, написал роман против Достоевского» (великое свое «пятикинижие» он начал создавать после «Что делать?» и, скорее, сам спо-

⁵ В этом с Либаном совпадал умеренно ценившийся им академик М.Л. Гаспаров: «Как охотно мы воздаем лично Грибоедову и Чехову те почести, которые должны были бы разделить с ними Шаховской и Потапенко!» [Гаспаров, 2000: 100].

рил с его автором), но верно отметил, почему вождь революционных демократов мог опасаться именно этого художника: «Как очень умный человек, блестяще образованный человек, он очень хорошо видел и гений Достоевского, и его кругозор. Наверное, Достоевский – самый образованный из русских писателей» (2: 187–188)⁶. В отношении художественности учитывались Либаном и исторические условия: «Если у дворянства была большая культура, философские взгляды на жизнь, то разночинец видел острее социально-исторические противоречия. Ко времени Чехова все было наоборот. Он мог довести материал Успенского до художественного действия» (2: 68).

Третий том собрания сочинений Н.И. Либана еще разнообразнее второго. Меньше половины его посвящено собственно историко-литературным проблемам, этот раздел так и озаглавлен – «Русская литература». Три последующих раздела называются «Филологический факультет», «Биографическое» и «Проза. Путевые заметки». Здесь доминируют воспоминания, художественная проза – это только добротный юношеский (1928 г.) рассказ «Рассчитали» об уволенном за пьянство мужике, который долго мучительно принимает решение о возвращении из Москвы в деревню, где он, безденежный, никому не нужен, но наконец отправляется в путь, разочаровавшись в вере.

Подраздел «Лекции. Спецкурсы» включает публикации «125-летие со дня рождения И.А. Гончарова» (1937), «Н.Г. Чернышевский в русской критике XIX века» (1961–1962), «Историческая тема в художественных произведениях Н.М. Карамзина» (1969–1970), «Роман Н.С. Лескова “Соборяне”» (1985), «Литература второй половины XIX века. Фрагменты спецкурса» (1989), «Н.С. Лесков в кругу писателей XIX века: Из спецкурса» (1998). К ним приложен конспект лекций «Возникновение русского театра» предположительно конца 1950-х гг. В подразделе «Работы разных лет» – «М.Ю. Лермонтов “Герой нашего времени”: Материалы к монографическому анализу» (1939–1941)⁷, «Либеральная критика в литературном процессе 60-х годов XIX века. П.В. Анненков» (1955), «Феодосий

⁶ В 1998 г. Николай Иванович уже говорил: «Путь “бесов” – сегодняшний путь. Все это было предначертано Достоевским, и в очень сконцентрированной форме. Лесков в художественном отношении слабее, но он дает более широкую картину времени» (3: 105).

⁷ В комментарии сказано: «См. также дипломную работу “М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. Опыт анализа художественного произведения” (1936) в т. 2 наст. изд. (С. 564–582)» (3: 521). Там она, однако, не обозначена как дипломная и датирована 1938–1939 гг.

Печерский (1035/38–1074)» (1950-е), рецензии и отзывы на работы коллег и учащихся.

Все публикации собственно историко-литературного раздела – первые.

Показательно, что еще на заре «оттепели», до разоблачения культа личности Сталина, Либан дал в целом высокую оценку статьям либерала Анненкова, хотя отличал в традиционно советском духе (впрочем, справедливо) и Герцена с Огаревым («Вся русская общественная жизнь 40–50-х годов прошла под знаменем Герцена и Огарева»), и Чернышевского – не за одни убеждения, но за умение «так формулировать особенность творчества писателя, что сразу была ярко схвачена какая-то сущностная сторона дарования художника: «Не начало ли перемены?» (о Н. Успенском), «Русский человек на rendez-vous» (о «лишнем» человеке Тургенева), «диалектика души» и «чистота нравственного чувства» (о героях Л. Толстого)» (3: 35, 44). Правда, в этом же курсе лекций звучала (или так была записана) мысль о том, что критик-демократ однозначно связывал нравственность и психологизм с политикой: «“Чистота нравственного чувства” не уживается с «дворянским гнездом». Моральный протест против социальной несправедливости и есть “диалектика души”» (3: 34).

Показательно также обращение в воинствующе-атеистические хрущевские годы к житию одного из первых русских святых Феодосия, хотя гораздо позже, в 1980 г., Либан не принял в докторской диссертации В.В. Кускова (в принципе весьма им одобренной) полемику с критической книгой В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник»: «С точки зрения Кускова, жития – произведения литературы, в которых отразились жизнь и история страны, психология народности. Такая прямолинейность не всегда представляется убедительной рецензенту» (3: 204)⁸. Наряду с этим замечанием была даже гиперболически осуждена глумливость Карамазова-отца у Достоевского (отзыв о кандидатской диссертации Н.Н. Редько «Гротеск в повестях и романах Ф.М. Достоевского», 1983): «В устах Федора Карамазова евангельские изречения принимают гротесковую форму. Рядом с религиозными представлениями наличествует откровенная порнография, по сравнению с которой “Гавриилиада” Пушкина – детская игрушка» (3: 217).

⁸ Разумеется, это не было идеологическим и политическим доносом, как статья Н. Тарасенко «Время искать: Заметки об атеистической литературе» в «Правде» от 15 мая 1983 г., где Кусков был издевательски раскритикован за издание им сборника житий под названием «Древнерусские предания (XI–XVI вв.)» со своим предисловием, в котором духовное подвижничество отнюдь не осуждалось [Хализев, 2011: 224].

Важную мысль Либан мог высказать или поддержать в отзыве о дипломном сочинении («Дневники В.Г. Короленко в историко-литературном контексте» Т.А. Перочкиной, середина 1990-х), сопоставив два века отечественной литературы: «Очень правильна мысль т. Перочкиной о том, что Короленко совместил в себе художественные традиции XIX века с новыми течениями, нигде не впад ни в модернизм, ни в символизм и во многом уготовав путь реализму А.М. Горького» (3: 227). Мнение, что без художественных открытий Короленко было бы невозможно появление Горького, взято у дореволюционного «вульгарного социолога» В.М. Шулятикова [Михайлова, 2017: 475], который знал более тридцати языков [Михайлова, 2017: 28] и отчасти повлиял на Брюсова-критика. XX столетием Либан принципиально не занимался, продолжая традицию литературоведения XIX в.: «Ну, что ж, старые ученые были все-таки правы. Они говорили, что для историко-литературного курса нужно расстояние, чтобы большое виделось. Так вот, по-видимому, столетнее расстояние еще недостаточно для того, чтобы большое, всемирно-историческое виделось» (2: 190). Лидера тогдашнего литературоведения А.Н. Веселовского, которого Либан очень высоко ставил, не убедили прочитать «Братьев Карамазовых» («Сходным образом литературный процесс XIX века оставался вне поля зрения Ф.И. Буслаева и А.А. Потебни <...>» [Хализев, Холиков, Никандрова, 2017: 43]), а отношение его к прошлому было совсем другое. «А. Н. Веселовский был первый, кто нарушил предрассудок о том, что есть только европейская культура, он признавал значимость азиатской культуры, влияние на русскую культуру азиатской и европейской культур» (2: 603), между тем как в XVIII в., когда истории литературы как науки еще не существовало, вообще изучалась только греческая и римская литература, о чем не преминул напомнить Либан (2: 601). Его не удовлетворяло то, остатки или последствия чего он застал. «К символистам он относился отрицательно; может быть, еще жестче, чем Н.С. Арсеньев, С.К. Маковский, И.А. Ильин. Крайне сурово отзывался о Серебряном веке как таковом. <...> Науку о литературе советского периода, похоже, не очень-то признавал» [Хализев, 2011: 131]. Но лучших с его точки зрения писателей XX в. читал и выделял. С детства любил рассказ Е.Н. Чирикова «Коля и Колька» «об отношениях барчонка и паренька» (3: 382), наверно, в связи с их именами. В воспоминаниях 2001 г. «Я родился в Москве...» сказано: «Какая плохая литература – советская и постсоветская! Там, где они немножко смотрят на классику, что-то получается, как Трифонов, например, он хороший писатель. И все-таки, в глубоком смысле,

это перепев того, что уже было. Там заниматься-то нечем. А из эмигрантской литературы я прежде всего называю Бунина. А Куприна даже не назовешь и эмигрантом! Шмелев – это большая литература. Набоков – это трагическая личность! Это настоящий художник, не обретший почвы. Вообще нельзя быть писателем на чужой земле. Он писатель. И писатель величайшей литературы, которая не сделалась величайшей. В этом трагедия. Она величайшая по потенции, но не по действительности» (3: 365)⁹. Видимо, проявлялось некоторое сожаление и о Пастернаке («Я пережил три времени...», 2005–2007), который «хотел быть христианином, но не смог эту цельность в себе выдержать» (3: 398). Только не о Горьком, хотя Либан неоднократно его упоминал в отличие от других писателей XX в. Лесков, говорится в лекции 1986 г., «лучше всех изобразил Россию уездную (помните, Горький писал: Россия – государство уездное. Но у него, как и у Салтыкова-Щедрина, все получилось «с одного боку»)). А у Лескова – многообразие, выраженное в разных социальных мирах, через разные психологические особи» (3: 100)¹⁰.

В третьем томе Лесков, которого как раз Либан «из “второстепенного ряда” в первый ряд поставил» (3: 391), безусловно доминирует, хотя и во втором томе он был очень заметен. В 1998 г. на вопрос: «А почему Вы именно к Лескову пришли?» – Николай Иванович ответил: «Потому что этот писатель не похож ни на одного из русских классиков. Это писатель – выразитель всесословной России. У него представлены все сословия, все психологии. И самое любопытное то, что это представлено не в авторских рассуждениях, не в авторской тенденции – а в языке. Он никому не навязывает своего мнения. Вот кого надо изучать» (3: 351). Особенно выделялся роман-хроника «Соборяне». Лесков «делает героем попа, что даже для середины XIX века было большой смелостью. Раньше попы изображались как явление пародийное и сатирическое. Колокольные дворяне, люди третьего сорта, подвластные, хотя от них зависит идеология. У таких писателей, как Достоевский и Толстой, эта категория вооб-

⁹ Интересно сопоставить с этим пассажем либановские слова об отношении Лермонтова к герою его романа: «Образ Печорина – наиболее яркая индивидуальность – дается положительным в потенции и отрицательным в действительности, отсюда и симпатии автора не к тому, что есть, а к тому, что могло бы быть» (2: 574).

¹⁰ Досталось и опере по мотивам горьковского произведения: «“Снегурочка” прозвучала в опере (композитор Н.А. Римский-Корсаков, 1881) и до сих пор звучит, кстати говоря. А “Мать” Горького не звучит (композитор Т. Хренников, 1957)» (3: 93).

ще отсутствует» (3: 107). Образ отца Савелия Туберозова демонстрирует «путь подвига одиночки» (2: 320), неугодного бюрократическому церковному начальству. Писатель ставит его в психологически тяжелые условия. Либан пересказывает диалог мятежного протоиерея с «хранителем поповки». «Образы даны на контрасте: богатырь Ахилла и слабый телом Захария, Захария с потомством и одинокий Савелий. <...> Захарий – воплощение христианского всепрощения, незлобивый, неумный, глуповатый, но властно говорит: “Прости!” Но Туберозов отвечает: “Не могу простить, не могу я их простить”. – “Прости как христианин”. – “Но как гражданин я их не могу простить – людей расхищающих, души их калечащих”. – “Прости. Времени нет”. – “Что ж, пусть будут прощены”. Надо быть тонким художником, чтобы отрицательные черты объявить положительными и возвести их в “перл творения”» (2: 319). Так сложно выступает соотношение этического и эстетического.

Сцена смерти Туберозова объявлена одной из лучших в русской литературе. «Так не удавалось ни Толстому, ни Достоевскому» (2: 320). Смерть Зосимы в «Братьях Карамазовых» дана как переход во вторую жизнь. У Туберозова же нет «желания познать, что “там”». Лесков показывает, что в Савелии была мощь, реальное осознание происходящего и нестигаемая воля к жизни даже в час смерти» (там же). А в «Островитянах» Лесков «страдания первой любви», по мнению лектора, «показывает лучше, чем Тургенев. У Тургенева здесь все расплывется, начнутся диалоги, описания, вздохи. Ничего этого нет у Лескова. Как художник с таким, он дает это объяснение, как теперь говорят, за закрытой дверью» (2: 298–299)¹¹.

Частые сравнения Лескова с другими писателями у Либана объясняются тем, что тот сознательно вел полемику с корифеями русской литературы, когда они еще не были корифеями, причем полемику не только идейную, но прежде всего художественную (2: 294–295). И в определенных сферах обнаруживались его преимущества. «Лесков составил каталог национального характера. Тогда как у других писателей герои разных произведений, в сущности, являются вариациями одного психологического типа, – утверждал Либан не без утрирования. – У Толстого во всех романах встречается Нехлюдов. У Достоевского – человек «из подполья». У Гончарова – везде Обломов и Райский. У Тургенева – несчастный

¹¹ В спецкурсе 1989 г. говорилось: «Лесков любит показывать человеческие чувства, не объясняя их (объяснений много у Достоевского). Для Лескова чувства – за пределами физиологии, психологии...» (3: 99).

герой, русский интеллигент, мямля, растяпа, ничего не умеющий, нерешительный» (2: 338). Не то у Лескова. Его герои разные, в том числе безмерно талантливые (это – в лекции о «Левше»). «Но рядом с этой гениальной Россией писатель нарисовал такую безнадежность, такую мрачную картину русской жизни, какую никто из русских писателей не рисовал. Ни Салтыков, ни Достоевский – никто» (2: 336).

Сравнения, впрочем, совсем не обязательно были в пользу любимого писателя. «У Лескова нет изображения детей. У него нет смелости Достоевского и Толстого, он боится изображать детей» (2: 318)¹². «Почему “Островитяне” Лескова потерпели поражение? Потому, что писатель возвратился к устаревшим гоголевским приемам: реальность, смешанная с фантастикой» (2: 50). Даже в языке Либан мог отдать предпочтение другому, притом не классику. Фактически не одобрял утрированную стилизацию (само это слово по крайней мере еще в середине XX в. имело негативный смысл). Приводил примеры «выдуманных», неестественных «словечек» из «Левши» (2: 335). Тут Н.В. Успенский оказывался успешнее Лескова. «У Вл. Даля, который тоже изумительно знал язык, чувствуется все-таки стилизация и шаржирование (“катафалка”). <...> И от Лескова вплоть до М. Зощенко в литературе будет эта словесная карикатура, шаржирование языка. Успенский этого не делает. Когда он создает комические ситуации, – это не карикатура, а словесное мастерство». Хотя оставшееся незамеченным критикой (2: 42–43). Если критика не заметила, то Либан во имя объективности заметит.

Не забывает он сказать и о жанровых особенностях произведений Лескова. «Он не может писать роман, для него это искусственная форма, противоположная художественной правде. В центре романа должен стоять герой, а в жизни такого не бывает. Лесков называл себя «секретарем жизни», который пишет хартию жизни <...>» (2: 284). Это сказывается на сюжете и композиции. «У Лескова очень часто в одной вещи – несколько рассказов. Рассказ для Лескова – главный жанр, и он им почти бравировал: рассказ в рассказе; рассказ, претендующий на историю; рассказ, носящий характер любовного приключения, трагедии» (2: 334). «Но Лесков не был драматургом. «Расточитель» ему не удастся. <...> При бо-

¹² Правда, для Либана это не всегда недостаток. «Обычно в человеческой памяти сохраняются поэтические воспоминания о детстве, но в сознании плебеев-шестидесятников, невероятными усилиями пробивавшими (так. – С. К.) дорогу в жизнь, теряли свою прелесть даже самые лирические моменты прошлого <...>» (2: 485).

гатой языковой характеристике пьеса страдает статичностью. Это скорее рассказ в диалогической форме. А вот повести его, наоборот, динамичны» (2: 48). Одна из них, «Леди Макбет Мценского уезда», написана в полемике как раз с драматическим произведением – «Грозой» Островского, «полемике умной и острой» (2: 48), и в ней Лесков «близок к Достоевскому. Иллюзорный мир, который создан Катериной, является иллюзорным и по мнению Лескова. Катерина в “Грозе” – искусственный образ в том отношении, что ее не коснулись требования жизни, реальная жизнь. Она – тепличный цветок» (2: 49). Это возможно лишь как исключение.

Проблемы жанров Либан затрагивал и в связи с другими писателями. Повесть он ставил не между рассказом и романом, а между очерком и романом. Считал, что как жанр она появляется при Петре I¹³, завоевывает прочное положение в период сентиментализма¹⁴ и господствует с первой трети до середины XIX в. «Где граница между очерком и повестью? И очерк может быть художественным, то есть фабулы может не быть, а образ художественный будет, хотя образная система отсутствует. Для повести нужна не только образность. Нужна композиционно выраженная образная система. Повесть – это уже форма художественного обобщения» (2: 38). Учитывается и коммуникативный аспект. «Образ требует определенного эмоционального отношения писателя к своему герою, и это должно передаваться читателю. А в очерке сопереживания читателя нет. От очеркистов нужно было только знание фактов, материала» (2: 39). «Обыкновенная история» Гончарова – «на грани романа и повести, многие линии были обнажены, то есть идейные линии, сама проблематика была в высшей степени откровенно предвзятая» (2: 86). Подлинным основоположником русского романа Либан считал Тургенева. Ему отнюдь не мешала в этом специфическая проблематика – умение предвидеть общественные изменения (2: 105). Но роман «еще не чувствовал себя формой, завершенной в русской литературе. <...> А была промежуточная форма: очерк – повесть – роман. И так будет очень долго еще, вплоть до 60-х годов, когда очерк в последний раз вспыхнет необыкновенно интересно, когда начнется циклизация очерка – у Щедрина «Губернские очерки», у Помяловского «Очерки бursы», даже у Николая Успенского, и это, по-видимому, будет уже последнее проявление смежных форм. Впоследствии мы будем встречаться в русской литературе

¹³ Еще в XVII в. «слово “повесть” употреблялось в значении: “повествование”» (2: 31).

¹⁴ «Классицизм (30–70-е годы XVIII века) не знал повести» (2: 31).

с народническим очерком 80-х годов» (2: 87). Не очень верил Либан в чистоту исключительного жанра романа-эпопеи. В начале 1970-х для него «“Война и мир” – единственная национальная эпопея в русской литературе» (2: 163). А в 1990-е он считал упрочившимся к тому времени жанр романа: «Салтыков-Щедрин в “Истории одного города” попытался разрушить жанр, но все-таки это произведение тоже роман, хоть и сатирический. «Война и мир» Толстого – тоже попытка вырваться за рамки жанра. Но философия истории и войны возникает эпизодически, все остальное – роман» (2: 302).

Как видим, Либан сопоставлял между собой разных писателей необязательно в связи с Лесковым и тоже необязательно в пользу лучшего из них. У него не было безоговорочного благоговения даже перед главными классиками, у любого писателя он мог найти не только достойное восхищения. Жуковский, говорил он, имел «один талант – любовь к прекрасному, одухотворенность, бесплотность. У него нет фамильярности, что будет потом у Пушкина. Недаром за тем утвердилось, что он «похабник». Но он знал, что у Жуковского можно заимствовать («гений чистой красоты»))» (3: 381–382). Четко прочерчена граница между фантастическим у Гоголя и романтиков, у которых оно должно быть мистически непознаваемым. У Гоголя же – «в пределах социального, а не иррационального. В «Портрете» фантастический элемент усилен, но идет рядом с темой какой? Денег!» (2: 35). Гоголь, однако, тоже не идеализирован. «Пушкина читать не скучно. Не надоедает. Читаешь и не замечаешь, что читаешь. (Это когда он “дурака не валяет”.) А у Гоголя уже временами скучно. У него большой талант, но с прорехами. От Пушкина до Гоголя – уступка демократизму, простоте» (3: 382). Не только что-то у Гоголя Либану было скучно читать: «Когда читаешь “Войну и мир” – так хорошо написано! А другое у Толстого скучно». И тут же: «У Толстого не было “чистоты нравственного чувства” в жизни. <...> В жизни – одно, в искусстве – другое» (3: 384)¹⁵. И даже: «“Наполеон – гений и преступник”, – сказал Лев Толстой. Но Лев Толстой – сам преступник, с его “толстовством”, которое растлевало людей» (3: 402).

В то же время Либан мог коротко и точно определить своеобразие писателей даже не первого ряда или их наиболее значительных произведе-

¹⁵ Либан, возможно, не знал или не помнил, что сам Толстой записал в дневнике 27 ноября 1866 г.: «Поэт лучшее своей жизни отнимает от жизни и кладет в свое сочинение. Оттого сочинение его прекрасно и жизнь дурна» [Л. Толстой, 1955: 110].

ний. Так, не называя фамилии своего коллеги по кафедре П.Г. Пустовойта, автора монографии «А.Ф. Писемский в истории русского романа» (1969), Николай Иванович выделил в ней главное: исследователь «открыл грандиозное событие – то, что для выражения той или иной философской, идеологической доктрины Писемский не способен». Лектор полагал, что само время, сформировавшее этого романиста, «не давало ему возможности выразить <...> философские идеи <...>» (2: 239). Казалось бы, что тут «грандиозного»? Но в другой лекции этой безыдейности было дано теоретико-литературное определение – натурализм. Конечно, это натурализм не французского типа, без биологизма Э. Золя. Но по поводу фактографического, «нудного» (2: 142) романа «Люди сороковых годов» (1869) Либан сделал весьма решительный вывод, которого не было у Пустовойта и других литературоведов, сосредоточенных на изучении русского реализма: «<...> то, что у нас в России натурализм, оказывается, был, это факт неопровержимый. Писемский как представитель натурализма обнаружил себя в этом романе. Он не был принят потому, что мы не привыкли к такому изображению» (2: 143). И дело не в одном романе. Автор настоящей статьи в 1970-е гг. прослушал целый спецкурс о Писемском, в котором Либан выводил за пределы реализма все его романы кроме «Тысячи душ».

В начале 1970-х, уже оценивая «Бесов» Достоевского не как «пасквиль на революционеров», к чему некогда сам был склонен (2: 60), а как изображение пошлой мещанской массы, «которая по моде примкнула к революции», Николай Иванович не считал зазорным обратиться к личному опыту несравненно более скромного писателя с учетом того, о каком историческом периоде идет речь (это чрезвычайно важно для понимания как истории, так и литературы). «Бесы» желали ближним всяческих гадостей. «Напакастить – самое лучшее. Так это что – характерная черта революционеров? Степняку-Кравчинскому удалось в «Андрее Кожухове» показать то замечательное жертвенное начало русского революционера и обаяние, прелесть романтики русской революции периода ее Голгофы и периода ее жертв» (2: 189). Правда, осуществленное четкое разграничение «бесов» и романтиков революции принадлежало все-таки не Достоевскому.

Либан старался сделать интересным для студентов XVIII в., не скрывая его качественной неоднородности. Он не просто понимал, что тогда не было литературных достижений, сопоставимых с достижениями следующего столетия: это вообще «век бедной мысли. Пышность была

в архитектуре, живописи, прикладном искусстве. Обучали архитекторов, художников, музыкантов, танцовщиков. Но искусства слова не было в XVIII веке» (2: 22). «XVIII век – это была эпоха полупросвещения, нищеты и великолепия, гения и ничтожества, великих открытий и жалкого прозябания» (2: 23). Но обязанность истинного ученого – брать предмет исследования как он есть, не избирательно. Либан при этом любил совмещать общее и частное, попутное, вроде бы даже не имеющее отношения к делу, но передающее колорит эпохи: «Еще был журнал “Сионский вестник”, который издавал А.Ф. Лабзин, ученик Новикова, масон, отчасти семитолог. Лабзин выправлял стихи Державина, который писал без орфографии, как Аракчеев. Известен анекдотический случай, за который Лабзин пострадал. Он предложил избрать в Академию художеств кучера царя (по близости к нему) вместо Аракчеева. За это Лабзина сослали в Симбирск в 1822 году» (2: 14). В курсе истории романа оказалось отступление по поводу того, что переулки вокруг Тверской улицы во второй половине XIX в. были районом проституток, куда полиция не смела заходить. Когда «один из чиновников предложил ввести такой порядок, чтобы все проститутки носили на шляпе желтую ленту», те «возмутились и наиболее энергичную послали к Александру III, чтобы она вела переговоры. И представьте себе, она <...> потребовала от него, чтобы все взяточники носили ленту голубую. Ну... Дело было решено вничью. Ни те, ни другие лент носить не будут» (2: 184). Кстати, Либан признался, что (вопреки единодушному мнению советских историков) относится к Александру III «весьма положительно», после того как рассказал еще один исторический анекдот – про пьяницу, плюнувшего в казенной лавке на портрет государя и посаженного в каталажку. Последний наложил на доклад министра следующую резолюцию. «“Первое: Передать ему, что и мне на него наплевать. Второе: Немедленно выгнать из тюрьмы, чтобы он мой хлеб не ел. Третье: Впредь моих портретов в кабаках не вешать”. Это действительный случай, исторический, подлинный» (3: 366).

Кроме подобных отступлений привлекали слушателей либановских курсов и вообще возможность получить редкие сведения, например о том, что масоны были даже среди духовенства (2: 29), и небанальные объяснения каких-то особенностей творчества писателей – так, Тургенев, «по образованию философ, случайно не ставший профессором философии», как художник «все время боится вот этой учености, он все время заставляет себя и нас жить миром непосредственных чувств и ощущений» (2: 89), – и серьезные обобщения: «<...> все можно выразить в искусстве

слова. Но выразить как неуловимое» (2: 96); «Черта героев XIX века – все, кроме целеустремленности» (2: 20). Обобщения бывали и как бы одновременно в шутку и всерьез: «<...> русская литература, наверное, не совсем справедлива по отношению к мужчинам. (Это не надо записывать.) Там героев почти нет, а героинь очень много, будто она предчувствовала 8 Марта» (2: 130). Такой вывод делался, конечно, прежде всего на основе творчества Гончарова и особенно Тургенева. Но Либан знал, что преувеличивает и не все были солидарны с писателем, у которого «мужчины вообще люди слабые. Они никогда не знают, что им нужно. (Может быть, поэтому Толстой так и не любил Тургенева)» (2: 232).

Николай Иванович мог просто пошутить, сделать свой разговорный стиль еще более живым: «Язык любви у Помяловского проявляется здоровыми затрещинами и полновесными пинками» (2: 57–58); в длинных предложениях Толстого «от подлежащего до сказуемого на извозчике не доедешь» (2: 253); о бородатых старообрядцах петровских времен, предававшихся самосожжению: «Что могут сделать власти с таким пренебрежением к смерти? Петру I все это было безразлично – пусть только платят. Хочешь ходить с бородой – ходи (и у Христа была борода!), но только изволь платить за бороду» (2: 331); «Старообрядец не мог пить водки, иначе его просто выбросят из среды, сочтут ничтожеством. Он не курит (тяжело быть старообрядцем!)» (2: 332); «Умные люди умеют мстить красиво <...>» (3: 264). Либан мог сочинить комическую сценку, например, рассказывая о Киево-могилянской коллегии (потом академии): «Профессор должен был писать трагикомедии и раздавал роли: Зозуля, Цыбуля, Неужай-Корыто – разучивайте!» (2: 6). Последняя фамилия бурсака заимствована у Гоголя, вторая по-украински значит лук, а подобрана она в рифму к первой – фамилии многолетнего, «вечного» заместителя декана филологического факультета МГУ, с которым прежде всего имели дело студенты. Впрочем, не в шутку Либан отзывался о нем хорошо (3: 235).

Без студентов выдающийся лектор, разумеется, не мог обойтись. Даже несколько их переоценивал: «Студенты всегда хорошие. Их все интересует. И мне это очень нравится. Начнешь читать им XVIII век – их интересует, а если расскажешь им, что Алексей Толстой вовсе не граф – “Правда, что ли, не граф?” И Лесков их интересуется» (3: 351)¹⁶. Но вместе с тем в 1996 г. приводил, по сути, очень печальный факт, касающийся степени культур-

¹⁶ Относительно А.Н. Толстого имеется в виду предположение, что настоящим отцом «красного графа» был его отчим А.А. Бостром. Граф Н.А. Толстой от своего сына Алексея отказался.

ности московской молодежи: «У меня в семинаре, например, никто не был в Кремле... Никто! Ноги не доходят!» (3: 327). Впрочем, никак не лучше на Западе. «Это предрассудок, что у нас все плохо. Еще хуже в Европе. Там ведь полное *вырождение*. Наше преподавание, даже сейчас, куда выше американского и европейского. Выше, куда выше...» (3: 326).

И это несмотря на все трудности и извращения в педагогической практике советских десятилетий, обильную информацию о которых можно почерпнуть из письменных и устных воспоминаний Н.И. Либана. В них много портретов его коллег (начиная с учителей), которым даются откровенные оценки. Например, В.В. Виноградов – «очень большой ученый и очень дрянной человек» (3: 344). Противоречивы высказывания о Н.К. Гудзии, вероятно, оттого, что он тоже был личностью неоднозначной. С одной стороны, Либан говорил о ученом, благодаря которому древнерусская литература заняла надлежащее место в учебном плане факультета, будто бы о нем, «к сожалению, мало написано» (3: 244), хотя ему был посвящен целый сборник воспоминаний (1968), упоминаемый в комментариях Б.Н. Романова (3: 532). С другой стороны, характеризуя семерых деканов, при которых он работал, Николай Иванович худшим из них называл Николая Каллиникова (3: 350), отмечал плохое знание им языков и, с оговоркой, не одобрял его претензий на галантность: «Он и был необыкновенно галантен по-своему, не получив светского лоска, будучи в сущности демократом до мозга костей, он очень любил шаркнуть ножкой, целуя руку дамы, а иногда и девушки, без разбору, не понимая, что это неприлично! (Руку, по правилам хорошего тона, раньше позволялось целовать только замужним дамам). А все-таки он был обаятелен!» (3: 261). Наверно, лишь из воспоминаний Либана многие узнали, что крупнейший лингвист Н.Ю. Шведова была дочерью одного из самых известных литературных критиков Серебряного века Юлия Айхенвальда, высланного большевиками за границу (3: 345). И каких только еще сведений нельзя почерпнуть из этих воспоминаний! Лишь в порядке исключения мемуарист мог оказаться необъективным. Гудзию он противопоставил А.Г. Соколова как лучшего декана (3: 350). Тот проявлял административное рвение, но к талантливой молодежи – В.Е. Хализеву, Е.М. Пульхритудовой – отнюдь не благоволил [Хализев, 2011: 189, 264], как и вообще к талантливым людям, поскольку сам не принадлежал к таковым, а звание профессора получил, еще будучи кандидатом наук, благодаря заслугам не перед наукой. К Либану он относился хорошо потому, что Николай Иванович не претендовал ни на какой карьерный рост и да-

же защищать кандидатскую отказался. Такого можно было держать на факультете как угодный декану пример для менее скромных.

Мог Либан проявить и чрезмерный критицизм. Правда, определенно не совсем всерьез он в 1998 г. заявлял: «На филфаке все – болтуны. И все время пишут, пишут... всякую дрянь. Ведь писать можно только тогда, когда есть какая-нибудь идея, а если идеи нет – то что писать? Переписывать?» (3: 343).

Профессиональная биография Н.И. Либана почти целиком связана с одним местом работы. Но в третьем томе его сочинений и высказываний «Биографическое» закономерно отделено от «Филологического факультета». Ранние годы Николая Ивановича насыщены такими событиями, каких уже не было, когда он стал университетским преподавателем. В детстве ему дважды случилось быть на церковной службе посошником у первого после синодального периода патриарха всея Руси Тихона. Потом он почти год юнгой плавал по северным морям, доходил до Шпицбергена (больше за границу никогда не выбирался). Когда подросток, был рабочим, корректором, экскурсоводом, школьным учителем. Путешествовал по России (особенно по древнерусским городам), по Кавказу. На Алтай отправился за новыми впечатлениями: «За плечами уже был Кавказ, восхождение на Казбек, восхождение на Эльбрус. Это уже было все неинтересно» (3: 323). А на Алтае он верхом ездил смотреть камлание, беседовал с шаманом-эрудитом, проверявшим его на знание европейской философии. В центральной России Либан собирал фольклор (его записи представлены в третьем томе). Из Семенова (на Волге) добровольного фольклориста выставили: «Что, Вы не понимаете, что Вы должны были начать свое путешествие не со сказителей, а с райисполкома? Вы идете к кулакам, записываете от них какие-то духовные стихи, а мы их завтра вышлем...» (3: 313). Занимался Либан также реставрационными работами по камню и терракоте (3: 310). Поступил было в медицинский институт. Пережил тяжелую болезнь, сложную операцию. Но после нее дожил до 97 лет, хотя спортом не занимался и всю жизнь курил. Вспоминая Л.Г. Андреева, профессора-зарубежника (одно время декана), умного, волевого человека, Николай Иванович говорил: «У него все конечности во время войны были обморожены. Вот где болезнь преодолевается знанием, наукой! Была у меня такая теория: почему все силы, которые бросает организм на борьбу с болезнью, не бросить на борьбу за знания? Тогда эти силы будут заглушать болезнь. <...> И таких людей достаточное количество на филфаке, у которых интел-

лект побеждает природное заболевание» (3: 359). Значит, все-таки не столь уж плох филфак. И тем не менее Либан на нем был исключительным явлением.

Далеко не сразу ему удалось поступить в вуз по филологической специальности. С помощью академика А.Е. Ферсмана легко мог бы стать географом, но твердо решил заниматься литературоведением. Он видел и слышал крупнейших поэтов своего времени, правда, вспоминал об этом без всякого пиетета. Николай был почти сверстником сына Есенина Георгия (Юрия) Изряднова, расстрелянного в 1937 г. (3: 541), и рассказывал: «...Я одного возраста с сыном Есенина, вместе с ним учился в школе, бывал у него дома. ...Иногда я туда заходил и заставал там Сергея Есенина. Но он был всегда пьян... Сам Сергей Есенин – это было совсем не то, что он писал». Однако тут же: «Он был очень остроумный человек. Несмотря на то, что он был совершенно пьян, он всегда был, я бы сказал, в приличном виде и говорил, как трезвый (*все смеются*). Нет, серьезно» (3: 349). В защиту привычки к чтению определенного типа Либан сообщал: «В качестве парадокса я вам скажу, что когда Маяковский начал выступать, его никто не слушал и никто не понимал. Я – современник тех лет и много раз слышал этого поэта, и должен признаться, что я ничего тогда не понимал. Есть определенное отношение к тому, что можно назвать традицией» (2: 143). На вопрос: «Из “серебряного века” Вам доводилось с кем говорить?» – он ответил: «Нет, не доводилось. Несколько раз я видел Эренбурга. Читал с ним лекции» (3: 349). Но оказалось, что во время войны И.Г. Эренбург выступал перед бойцами с чтением не стихов, а своих знаменитых тогда публицистических статей.

В конце концов, перед тем как начать относительно стабильную жизнь университетского преподавателя, Либан приобрел достаточно большой практический опыт, немалые и разнообразные познания, со временем все разраставшиеся. В третьем томе напечатана «Краткая летопись жизни и деятельности Н.И. Либана» (3: 480–495), дающая представление об обоих хронологически неравных этапах бытия незаурядного человека. Ее хорошо иллюстрируют многочисленные фотографии и репродукции. Библиография (3: 496–505) включает не только публикации Либана, в том числе электронные, но и литературу о нем. Работу со всеми тремя томами собрания сильно облегчают указатели имен, периодических изданий и анонимных публикаций, правда, не распространяющиеся на комментарии и подстрочные редакторские примечания.

Воистину гигантский труд демонстрируют комментарии Б.Н. Романова (при участии В.Л. Харламовой-Либан). Естественно, лекторы, цитируя или пересказывая (зачастую весьма приблизительно) какие-то тексты, не указывают своих источников, что необходимо в научных публикациях, даже далеко не всегда называют художественные произведения (особенно стихотворные) и статьи, к которым обращаются. Б.Н. Романов сумел разыскать почти все источники – а сколько их было у такого эрудита, как Либан! – и, уточнив в необходимых случаях цитаты, привести их как правило либо по наиболее авторитетным изданиям (с указанием издательств и страниц), либо тех, которыми мог пользоваться Либан. Исключения единичны; так, не атрибутированными остались цитаты из Державина: «Живи и жить давай другим» – и Пушкина: «русский царь стал царь царей» (2: 246, 359), во втором случае стих из десятой главы «Евгения Онегина» изменен. Сначала не было комментария к стиху «Я над всем, что сделано, ставлю nihil» (2: 161), но при его повторении с изменением (2: 289) таковой появился: «“Я над всем, что существует, ставлю nihil!” Перифраз строк В.В. Маяковского из поэмы «Облако в штанах» (1915): “Я над всем, что сделано, // Ставлю nihil”» (2: 639). Без пояснения во втором томе остались слова «И хотя Достоевский смеялся: “Лесков стал писать в захудалом роде” (о романе-хронике “Захудалый род”) <...>» (2: 240), но в третьем добросовестный комментатор себя поправил, точнее, восполнил недостающее, в большом примечании к с. 102 отметив среди прочего: «Н.И. Либан в спецкурсе “Из истории русского романа XIX века” (т. 2 наст. изд. С. 240) также упомянул об эпиграмме Достоевского на Лескова, отсылая к ее строчкам: “Теперь ты пишешь в захудалом роде; / не провались, Л<еск>ов”» (3: 518). В доказательство сказанного Либаном о «Соборьях»: «Сделать героем романа священника – большая смелость» (2: 316) – приведем эпиграмму Достоевского (1874) полностью:

Описывать все сплошь одних попов,
По-моему, и скудно и не в моде;
Теперь ты пишешь в захудалом роде,—
Не провались, Л<еско>в.

[Русская эпиграмма..., 1975: 517]

А уж он ли не думал постоянно о проблемах веры?

Проделанная комментатором работа к поиску источников далеко не сводится. Он старается вникнуть даже в замысел Либана: «<...> лекционные спецкурсы и работы, включенные в данный том (“Н.Г. Помяловский “Очерки бурсы””; “Проблема формирования личности в произ-

ведениях писателей-шестидесятников. (М.А. Воронов)”; “Из истории русской повести XIX века” и др.), позволяют частично реконструировать задуманное, но по ряду обстоятельств не завершенное ученым исследование “История русского реализма на материале демократической литературы 60-х годов XIX века”» (2: 618).

Очень часто комментарий становится не только пояснением, но и развернутым дополнением к сказанному Либаном, например: «*Под Почтамтом была масонская ложа. Московский Почтамт с 1783 г. размещался во дворце Меншикова, с 1801 г. директором его стал Ф.П. Ключарев, друг Новикова и масон, при нем в 1803 г. была закончена перестройка здания Почтамта, а также Меншиковой башни, где проходили масонские собрания; после отставки и высылки Ключарева (в 1812) почтдиректором до 1816 г. был Д.П. Рунич, тоже масон*» (2: 29, 616); «... *Баженова, переводившего Витрувия*. См.: Марк Витрувий Поллион об архитектуре. С примеч. Г. Перро / Пер. с фр. и примеч. В. Баженова. Спб.: 1790–1797; в переводе большое участие принимал Ф.В. Каржавин» (2: 30, 617); «... *в этом романе, “Масоны”, есть два места, написанные не Писемским*. Речь идет о В.С. Соловьеве, близком к семейству Писемских; его товарищем по гимназии был Н.А. Писемский, сын писателя. <...> Вопрос о сотрудничестве Писемского с В.С. Соловьевым в работе над романом затронут в диссертации А.В. Тимофеева «Романы “Мещане” и “Масоны” в творческой эволюции А.Ф. Писемского» (1984)» (2: 152, 628); «... *вплоть до Н.К. Михайловского (“Кающийся дворянин”)*. Михайловский ввел понятие “кающийся дворянин”, определив им тип русского дворянина 1840–1860-х гг., впервые употребив его в очерках “Вперемежку” (Отечественные записки; 1876–1877), написанных от лица “кающегося дворянина” Григория Темкина» (3: 29, 508); «“*Если я сумею отсрочить революцию...*” Здесь и далее заострено высказывание С.С. Уварова 1835 г., переданное А.В. Никитенко: “Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно”. (Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. [Л.]: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 174)» (3: 36, 510); «*Валериана Федоровича отправили на казенный счет на “экскурсию” за колючую проволоку. ... Михаил Несторович поехал в том же направлении, но не смог вернуться...* В.Ф. Переверзев был арестован в 1938 г. и отбывал заключение на Колыме и в Минусинске; в 1948 г. освобожден, поселился в Александрове (в Москве жить ему запрещалось) и арестован вновь, в тюрьме и ссылке находился в Красноярском крае. В 1956 г. освобожден и реабилитирован. М.Н. Сперанский в 1934 г. был арестован по де-

лу славистов и приговорен к ссылке, в которую отправлен не был, но его лишили звания академика и фактически отлучили от прежней научной деятельности, а 12 апреля 1938 г. он умер. Об этой трагической участи и говорят проникнутые горькой иронией слова “не смог вернуться”» (3: 239, 531)¹⁷; «...в Мертвом переулке в церкви Успения на Могильцах. Храм Успения пресвятой Богородицы на Могильцах находится в Большом Власьевском переулке. Закрыт в 1932 г.; 25 декабря 2000 г. передан Русской православной церкви» (3: 354, 545); «...Сергиевский... был первым избранным директором Второй московской гимназии... Вторая московская гимназия существовала с 1836 по 1917 г., последним ее директором был И.С. Страхов. Сведений о преподавании и директорстве М.В. Сергиевского в гимназии разыскать не удалось. Преподавателем 6-й московской гимназии был Сергиевский Г.В., в 1919 г. – декан историко-филологического факультета МГУ» (3: 362, 547) и т. д. Как видим, дополнения нередко сопровождаются уточнениями, естественными при проверке устной речи с опорой на опубликованные источники. Поправка может быть и существенной, но с мотивировкой того, отчего допущена ошибка: «...он учился у того аббата, который бежал от французской революции... Такого учителя П.Я. Чаадаева мы не знаем, но здесь Н.И. Либан говорит о характерном для той эпохи и чаадаевского поколения влиянии французских эмигрантов-иезуитов, учителей и воспитателей русского дворянства» (2: 151, 627). Следуют ссылка на «Курс русской истории» В.О. Ключевского и добавление: «Характерно, что у Пушкина среди воспитателей Онегина является “Monsieur l’Abbe” и что Денис Давыдов зло называет Чаадаева “маленький аббатик” (“Современная песня”, 1836)» (2: 628)¹⁸.

Какие-то пояснения приходилось давать более или менее предположительно: «Грибоедов писал: вельможи, как свиньи, а живут в шикарных дворцах. Видимо, эта фраза Н.И. Либана, в лекциях нередко заострявшего высказывания классиков, восходит к следующим словам из письма Грибоедова к С.Н. Бегичеву (9 декабря 1826): “Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании числу орденов и крепостных рабов? Все-таки Ше-

¹⁷ Уточнения тем более необходимые, что Либан называл сроки заключения своего научного руководителя в аспирантуре В.Ф. Переверзева очень по-разному (3: 328, 329, 331, 346, 358). М.Н. Сперанский был его консультантом в области древнерусской литературы.

¹⁸ По-французски правильно – «Monsieur l’Abbé». Стоило бы отметить, что в той же первой главе романа про Евгения сказано: «Второй Чадаев» (строфа XXV).

реметев у нас затмил бы Омира, скот, но вельможа и Крез» (*Грибоедов А.С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб.: Изд-во Дмитрия Буланина, 2006. С. 119)» (2: 18, 613)¹⁹; «*Герцен писал, что мужик в кабаке идет потому, что там он барин. Успенский возражает: его туда тянет, потому что он свинья.* Видимо, имеется в виду рассуждение Герцена о пьянстве крепостных в “Былом и думах”, в частности: “В трактире он вольный человек, он господин, для него накрыт стол...” (См.: *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 8. С. 38). См. также очерк Н. Успенского “Хорошее житье” (1858), в котором рисуются откровенные картины крестьянского пьянства, например, такие: “К вечеру все так натискались, натрескались, ног не волокут; растянулись у кабака на грязи и хрюкают”» (2: 279, 638); «... “*Пятиречие*” *Озаровской.* Видимо, имеется в виду книга: *Озаровская О.Э.* Бабушкины старины. Пг.: Изд-во “Огни”, 1916, в которой было представлено творчество сказительницы М.Д. Криволеновой; книга Озаровской “Пятиречие” вышла позднее (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931)» (3: 322, 539).

При таком объеме комментирования разнообразнейшего материала что-то нуждающееся в пояснении нетрудно было и пропустить. Вот фраза о Петре I: «Злые языки говорили, что он был сыном патриарха Никона» (2: 6). Таково было предположение плохо знавшего историю А.Н. Толстого. Современники Петра не могли допустить ничего подобного, ведь Никон оставил свою кафедру и уехал из Москвы в 1658 г., в 1667-м был лишен сана патриарха и сослан, а Петр родился в 1672-м. Либан говорил, что в «Слове о законе и благодати» Илариона «совершенно опущен эпизод из летописи об испытании веры» (2: 592). Но в летописи рассказ об испытании вер – поздняя интерполяция, которой Иларион не мог знать: иудеи говорят Владимиру, что Бог отдал их землю христианам, а это могло быть лишь после завоевания Иерусалима крестоносцами в 1099 г. Похабная поэма про сексуального гиганта Луку традиционно приписана И.С. Баркову (2: 266), что совершенно неправдоподобно²⁰.

¹⁹ Либан не только «заострял» высказывания тех, кого как бы цитировал, но и мог сочинить разговор между ними, своего рода сценку: «...*Соловьев много лет спустя его спросил...* Далее импровизированный Н.И. Либаном диалог образно передает сложные отношения С.М. Соловьева с А.С. Хомяковым» (2: 101, 623). Затем цитируются «Записки» знаменитого историка – характеристика вождя славянофилов.

²⁰ «Анонимная эротическая поэма “Лука Мудищев” издавна приписывается Ивану Баркову, вопреки тому очевидному факту, что он никак не мог быть ее автором. В генеалогии Мудищевых упоминается прадед Луки – блестящий генерал

В работе «Люди и книги 40-х годов XIX века» – какое-то непонятное недоразумение: «40-е годы – тот период, когда собирается литература. И “собирает” ее Гоголь. “Бедовик”, уличные музыканты (очерки “натуральной школы”) – все это потеряло смысл.

Как взрыв, появился целый сборник рассказов, поразивший всех, – «Вечера на хуторе близ Диканьки». Это все затмило – о дворниках писать уже не хотелось» (2: 362). Из незаконченной поздней надиктовки (2004–2005) как бы следовало, что Гоголь с его первым сборником (1831) пришел позже *гоголевской* «натуральной школы» и в противовес ей. В спецкурсе о повести запись такая, что получилось, будто «Максим Максимыч», часть романа, законченного в 1840 г., – «следующий этап» после очерка «Кавказец» (1841). В спецкурсе «Творчество Н.С. Лескова 60–80-х годов XIX века» сказано: «В 1860-е годы появился массовый интерес к деревне (Тургенев “Записки охотника”, очерки Н. Успенского, у Толстого в “Войне и мире” Платон Каратаев)» (2: 285). Но «Записки охотника» печатались в 1847–1852 гг., дополнены в 1870-е²¹. «Кандалы отменили по его настоянию <...>» (2: 159), – говорилось в курсе «Из истории русского романа» про гуманнейшего доктора Ф.П. Гааза. На самом деле кандалы для каторжников на этапе по его настоянию не отменили, а, наоборот, ввели, и это было тогда для них подлинным благодеянием²². Либан сето-

при дворе Екатерины Великой; следовательно, Лука должен был бы родиться в самом начале XIX века, т. е. десятилетия спустя после кончины Баркова (1732–1768)» [Тарановский, 1991: 35].

²¹ Можно добавить пример из первого тома – лекции, где речь шла о взятии Казани Иваном Грозным: «Казань с ее стеной и башней Сююмбике <...> представляла собой прекрасную военную крепость» (1: 148). Башни Сююмбике в XVI в. не было. Она сложена «из большемерного красного кирпича, характерного для XVII в. <...>. Ближайшие аналогии мы можем наблюдать в Боровицкой башне Московского кремля, построенной в XVII в. и являвшейся, как и башня Сююмбике, дозорной вышкой» [Кузьмин, Смыков, Халиков, 1977: 46]. Лишь по легенде Иван Грозный, взяв Казань, влюбился в татарскую красавицу-царицу и по ее требованию велел за семь дней построить высокую башню, а та с нее бросилась вниз на камни [Кузьмин, Смыков, Халиков, 1977: 48].

²² «Постоянно воюя с администрацией, Гааз добился уничтожения нанизывания арестантов на прут и введения облегченных “гаазовских” кандалов.

Путешествие на пруте в Сибирь, вдоль по Владимирке, было страшно пыткой. “На толстый аршинный железный прут с ушком надевалось от восьми до десяти запястьев (наручней) и затем в ушко вдевался замок, а в каждое запястье закладывалась рука арестанта. Ключ от замка клался вместе с другими в висевшую на груди конвойного унтер-офицера сумку, которая обертывалась тесемкою и запечатывалась начальником этапного пункта. Распечатывать ее в дороге не дозво-

вал: «Жаль, что никто не написал монографию “Место сословий в русской жизни”» (3: 389). Но во всяком случае издан курс Ключевского «История сословий в России».

Наверно, для большинства читателей непонятно сказанное об одном из персонажей «Соборян»: «Ахилла – комический образ. Его партия – “уязвлен”» (3: 108). Что за партия? Имеется в виду оперная партия в смысле повторения – мотива. Смешной дьякон определяет свои беды «высоким» церковнославянским словом.

Немало ошибок и неточностей, очень часто являющихся следствием некачественной записи (без технических средств), можно было бы устранить прямо в тексте, если бы у второго и третьего томов собрания, как у первого, был научный редактор. Даже и в первом были сделаны четыре исправления; во втором – II, из них одно на трех разных страницах («Замеченные опечатки в 1, 2 томах», 3: 600), но замечено далеко не все, а именно книги такого выдающегося человека, как Н.И. Либан, многие склонны воспринимать некритически. Между тем подготовка текста в них (в частности, оформление) не идеальна. Ошибки слуха и опечатки довольно часты в наименованиях реальных лиц и литературных персонажей: Н.Г. Пospelов (2: 343), Андрей Адуев, Подхолюзин, Помела, Октав Мирабо, Петр Рогожин (3: 8, 34, 46, 95, 97) – нужно Г.Н. Пospelов, Александр Адуев, Подхалюзин, Памела (к помелу отношения не имеет), Октав Мирбо²³, Парфен Рогожин. В комментариях: В.Г. Плеханов²⁴, В.В. Пасек, В.Л. Боровицкий (2: 611, 619, 639), В. Новикова (3: 531) – нужно Г.В. Плеханов, В.В. Пассек, В.Л. Боровиковский, В. (В.В.) Новиков. В подстрочных примечаниях составителя: Л.Я. Чернец, Е. Хализев (3: 383, 402) – нужно Л.В. Чернец, В.Е. Хализев. В двух случаях перепутаны разные исторические

лялось... Прут соединял людей, совершенно иногда различных по возрасту (бывали дряхлые старики, бывали дети), росту, походке, здоровью и силам... Топчась около прута, наступая друг на друга, натирая затекавшие руки наручниками, железо которых невыносимо накалялось под лучами степного солнца и леденело зимою, причиняя раны и отморожения, ссыльные не были спускаемы с прута и на этапном пункте, без крайней к тому нужды. Эта нужда наступала лишь, если товарищи по пруту приволокли с собой умирающего или тяжело больного, на которого брань, проклятия и даже побои спутников уже не действуют ободряющим образом. Иначе все остаются на пруте, опять прикованные к нему, и при отправлении естественной нужды каждого присутствуют все остальные» (А.Ф. Кони)» [Саладин, 1997: 70–71]. На ограде могилы Ф.П. Гааза были повешены кандалы в знак благодарности ему [Саладин, 1997: 70].

²³ В комментарии правильно (3: 516).

²⁴ Кстати, Либан призывал студентов читать труды Плеханова (3: 329).

личности. Говорится про «Министерство императрицы Марии Федоровны, супруги Александра III» (3: 362). Не министерство, а ведомство, занимавшееся благотворительностью, было названо в честь другой Марии Федоровны – вдовы Павла I. В именном указателе ошибка повторена (3: 580). Рассказывая о Ферапонтовом монастыре, Либан упомянул князя Дмитрия Можайского (3: 473), жившего в XV в. Именной указатель отождествляет его с великим князем московским Дмитрием Донским (3: 570), жившим в XIV в. Курс, посвященный повести XIX в., содержит фразу о Горьком: «В “На дне” два противоположных образа – Коновалов и Лука» (2: 47). Коновалов – герой одноименного рассказа. Имелся в виду, наверно, Сатин.

Ошибки и неточности довольно характерны также для названий произведений и книг (возможно, в разговорной речи использовались условные, сокращенные названия): «Новый и краткий способ сложения стихов российских» Тредиаковского, роман Лермонтова «Княжна Лиговская», рассказ Тургенева «Мельничиха» (2: 9, 34, 38). Правильные заглавия – «Новый и краткий способ к сложению российских стихов...», «Княгиня Лиговская», «Ермолай и мельничиха». Названия «Исторические заметки» у Пушкина нет, эти слова не надо закавычивать (2: 16). Излишни кавычки и во фразе «Карамзин тоже пишет по образцу Руссо – “Юлия”, “Евгения”» (2: 16). Странная запись о Гоголе, тоже с кавычками, в курсе о повести: «“Петербургские записки” – это статья, где тема разобщенности разных людей, сословной замкнутости» (2: 36), ведь речь идет о художественных произведениях. В комментариях заглавие пушкинской статьи «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» утратило отчество ее персонажа (3: 528). В подстрочном примечании поэма «Цыганы» упомянута в форме «Цыгане» (2: 287).

Редактору нельзя было бы не заметить несообразностей в записи о том, что влияние «Марфы Посадницы» Карамзина «вызвало к жизни большое количество подражаний и переделок (Сумароков – “Марфа Посадница”, Погодин – “Марфа Посадница”, Лажечников – “Басурман”, Пушкин – “Рославлев”»» (3: 73). Либан не мог не знать, что А.П. Сумароков умер за 26 лет до появления карамзинской повести и никакой «Марфы Посадницы» у него нет (или речь о поэте Панкратии Сумарокове?), не понимать неуместности слов «подражания», «переделки» и даже «влияние» по отношению к драме М.П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская» (1830), роману И.И. Лажечникова «Басурман» (1838) и тем более к незаконченному пушкинскому роману «Рославлев» (1831), действие которого происходит и не в Средние века, а в 1812 г.

Редактору следовало бы во фразе об И.И. Бецком, родившемся в 1704 г., – «Он рожден был Трубецким, когда тот попал в плен в Швецию во время Семилетней войны» (2: 13) – просто заменить «Семилетней» на «Северной» (явная оговорка лектора или описка в конспекте) и снять «в Швеции» либо заменить на «в Швецию». Остались в книгах ошибки технического или иного свойства относительно ряда других фактов и хронологии. «Масонские изречения были записаны в Меншиковой башне, это библейские изречения, которые потом уничтожил Филарет, впоследствии митрополит <...>» (2: 13). Действительно, Меншикова башня – церковь Архангела Гавриила²⁵ – после пожара 1723 г. была восстановлена в конце XVIII в. масоном Г.З. Измайловым, в результате чего в ней появились масонские символы и изречения; они были уничтожены в 1863 г. по распоряжению Филарета [Сорок сороков, 2004: 174]. Только к тому времени этот церковный деятель был митрополитом московским уже давно, стал им сразу после восстания декабристов, во время которого воодушевлял Николая I. Небрежно сказано: «После Петра I с середины XVIII века – царствуют царицы: Елизавета Петровна, Екатерина II» (2: 21). Все-таки Анна Иоанновна правила еще с 1730 г., а Екатерина I – и с 1725. Применительно к 1821 г. Герцен, родившийся в 1812-м, назван одиннадцатилетним (2: 529). Рассказывая об инсценировке расстрела петрашевцев, Либан говорил, что Достоевский «был привязан к столбу, и на него был наброшен мешок» (2: 264). Нет, так поступили только с первой тройкой осужденных, а Достоевский дожидался своей очереди во второй. Скорее всего опечатка вкралась в слова о бреттере Федоре Толстом Американце «дрался на дуэли (убил 14 человек)» (2: 10) – 14 вместо 11 [С. Толстой, 1990: 50]. Правильно «тосканский герцог», а не «Тасканский» (3: 120), никого он не таскал.

Есть и ошибки касательно литературы. У Карамзина-поэта «почти нет ямба – “меди”» (2: 27). «Меди»-то нет, но ямб господствовал у всех поэтов XVIII в. начиная с Ломоносова. Неверно, что первоначально «Андрей Болконский и Пьер были одно лицо в сознании художника» (2: 217–218). Когда в «Преступлении и наказании» Дуня стреляет в Свидригайлова, «осечка» (2: 180) не происходит, выстрел раздается, но преследователь Дуни лишь задет пулей. В знаменитой фразе из «Бедной Лизы» Карамзина «и крестьянки любить умеют» (сказано о матери героини) – именно «любить», а не «чувствовать» (2: 17, 27, 78). Повторяющееся словечко Макара Девушкина в «Бедных людях» Достоевского – не «матушка» (2: 40), а «маточка».

²⁵ В комментариях к первому тому автор этих строк ошибочно назвал «Меншикову башню» церковью Архангела Михаила (1: 535).

В комментариях говорится «о соседе А.С. Пушкина по имению в Михайловском – Н.И. Вульфе» (2: 611), который умер, как отмечает именной указатель (2: 667), еще в 1813 г. и собственно соседом Александра Сергеевича не был. Не назван цитируемый том Собрания сочинений Грибоедова (2: 613). Неверно, что выражение «и не быть Руси без боярщины» (2: 291) – «перифраз слов Ивана Грозного из повести А.К. Толстого “Князь Серебряный”» (2: 639). В романе (а не повести) это слова повествователя, обращенные к упомянутому царю. Под «юбилеем Пушкина, получившим колоссальный размах» (2: 521), Либан подразумевал, конечно, не «135-летие со дня рождения А.С. Пушкина» (2: 656), а 100-летие со дня его смерти (1937). Киевская церковь Благовещения была, строго говоря, не «у Золотых ворот» (2: 659), она возвышалась над ними. Досадны опечатки в датах. Предок Либана святой Иоасаф Белгородский (1705–1754), естественно, стал епископом не в 1848 г. (3: 573). В подстрочном примечании 8-й том 30-томного собрания сочинений Герцена датирован, как и в «Избранном» (2010), 1930 г. вместо 1956 (2: 430). Вместо «много» напечатано «иного» (2: 386).

Вкрались в текст и орфографические ошибки: «учитель-миссия» вместо «мессия», «обезьянства» (2: 53, 102), «Если примите» (3: 325). Амур предстает как «Бог» (2: 235), но «ярославская губерния» (3: 112) прописной буквы не удостоена. Слово «вершинник» (3: 112) надо понимать как «вершник», «верховой». Пусть некоторые ошибки в цитатах – оговорить это стоило. И в тексте (не Либаном!), и в комментариях допущены еще ошибки во французском языке (2: 135, 630).

Но каковы бы ни были недосмотры в трехтомном собрании сочинений и высказываний выдающегося гуманитария, оно по праву может быть названо замечательным.

Н.И. Либану крупно повезло в жизни. «У меня в большом смысле не было врагов и противников. Так все, мелкие сошки» (3: 403), – говорил он. После смерти повезло и его наследию.

Список литературы

- Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М., 2000. 416 с.
- Кузьмин В.В., Смыков Ю.И., Халиков А.Х.* Казань. Путеводитель. Казань, 1977. 224 с.; ил.
- Либан Н.И.* Русская литература: Лекции о русской литературе. Работы разных лет. Из архива / Сост. и подгот. текста В.Л. Харламовой-Либан; коммент. Б.Н. Романова. М., 2015. 696 с.

- Либан Н.И.* Русская литература: Лекции-очерки / Сост. и подгот. текста В.Л. Харламовой-Либан; науч. ред., вступит. ст. и коммент. С.И. Кормилова. М., 2014. 584 с.
- Либан Н.И.* Русская литература: Лекции. Работы разных лет. Биографическое. Проза. М., 2017 / Сост. и подгот. текста Б.Н. Романова, В.Л. Харламовой-Либан; коммент. Б.Н. Романова. М., 2017. 600 с.; ил.
- Михайлова М.* Марксисты без будущего. Марксизм и русская литературная критика (1890–1910-е гг.). М., 2017. 662 с.
- Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. 2-е изд. М., 1975. 966 с.
- Саладин А.Т.* Очерки истории московских кладбищ. М., 1997. 352 с.
- Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов: В 4 т. / Автор-сост. П.Г. Паламарчук. 3-е изд., испр. и доп. Т. 2. Москва в границах Садового кольца: Китай-город, Белый город, Земляной город, Замоскворечье. М., 2004. 743 [1] с.; ил.
- Тарановский К.* Ритмическая структура скандально известной поэмы «Лука» // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 35–36.
- Л.Н. Толстой о литературе: Статьи. Письма. Дневники. М., 1955. 764 с.
- Толстой С.Л.* Федор Толстой Американец. М., 1990. 64 с.
- Федотов О.И., Шелемова А.О.* <Рец.:> Либан Н.И. Русская литература: Лекции-очерки // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 6. С. 164–172.
- Хализев В.* В кругу филологов: Воспоминания и портреты. М., 2011. 360 с.
- Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В.* Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы). 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 2017. 176 с.

Сведения об авторе: Кормилов Сергей Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: profkormilov@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Тан Дини

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК «ВЕНОК ЛЕРМОНТОВУ» (1914) (К ВОПРОСУ О МОСКОВСКОЙ ШКОЛЕ ЛЕРМОНТОВЕДЕНИЯ)

Настоящая работа посвящена московскому юбилейному сборнику «Венок Лермонтову» (1914), рассмотренному в статье как новый этап в изучении творчества Лермонтова и как начало деятельности московской школы лермонтоведения, пришедшее на середину 1910-х гг. В фокусе внимания автора два вопроса: значение сборника и его оценка в современной критике. Значение «Венка Лермонтову» состоит в том, что в нем определились основные направления изучения наследия Лермонтова.

Ключевые слова: Лермонтов, юбилей, сборник «Венок Лермонтову», рецензия, лермонтоведение, московская школа.

The article analyses the collection of articles “Lermontov’s Wreath” (1914), written by Moscow scholars and dedicated to the 100-year jubilee of poet’s birth. The author claims that the collection represents a new stage in studying Lermontov’s legacy and marks the beginning of the Moscow’s school of *lermontovedenie*, which occurs in the middle of 1910s. The article focuses on two issues: the importance of the collected articles and its evaluation in contemporary criticism. The meaning of “Lermontov’s Wreath” is that it determined the main directions for the further research.

Key words: Lermontov, jubilee, collected articles “Lermontov’s Wreath”, review, *lermontovedenie*, Moscow school.

Лермонтовский юбилей отмечался во всей российской империи, главным образом в таких крупных центрах культуры, как Москва, Петербург / Петроград, Киев, Рига, Казань, Нижний Новгород, на Кавказе и др. Особую роль в чествовании сыграли публикации собраний сочинений²⁶, критических работ²⁷, статей и заметок собственно юбилейного характера²⁸. Отмеченные работы, по замечанию Н.К. Козмина, делятся на два разряда:

²⁶ См. [Лермонтов, 1910–1913], [Лермонтов, 1914–1915], [Лермонтов, 1914].

²⁷ Среди критических работ следует отметить монографии [Семенов, 1914], [Феддерс, 1914], [Нейман, 1914], [Дюшен, 1914], [Москаленко-Судиненко, 1915], [Гинцбург, 1915], [Лермонтов и современность, 1915], а также статьи, посвященные отдельным вопросам лермонтовской поэтики: [Родзевич, 1914], [Краков, 1914], [Арабажин, 1914].

²⁸ Среди многочисленных откликов на юбилей выделим три: [Соколов, 1914], [Кудрявцев, 1915], [Евлахов, 1914].

«в одних ярко обнаружилось желание авторов просто поговорить о Лермонтове, высказать свое мнение, не подтверждая его в достаточной мере фактическими данными, или искусственно группировать эти данные для оправдания заранее сложившейся точки зрения; в других заметно применение известных научных приемов при анализе литературных явлений и желание сделать вывод, более или менее обоснованный и бесполезный для будущих исследователей» [Козмин, 1915: 245–246]. К числу последних ученых относит статьи в московском сборнике «Венок М. Ю. Лермонтову».

Сборник «Венок М. Ю. Лермонтову» составлен из 9 статей ученых, аффилированных с московскими образовательными заведениями разного уровня (пятеро из них – П. Н. Сакулин, Н. Л. Бродский, С. В. Шувалов, И. Н. Розанов и М. Н. Розанов – представляли Московский университет), и обозначал новый этап в изучении наследия Лермонтова. Это был первый сборник статей разных авторов, посвященный событию такого рода. Что касается тематического диапазона сборника, в нем нашел отражение спектр актуальных на то время вопросов, представивших уровень науки о Лермонтове. В круг этих вопросов входят 9 сфер (по числу статей): мировоззренческий и стилевой дуализм Лермонтова; миропонимание, религия и философия Лермонтова; душевные доминанты творчества Лермонтова; народность; Лермонтов и современное ему общество; поэтика творчества; генезис мотивной структуры; творчество Лермонтова и зарубежная литература; влияние на русскую литературу. Безусловно, основой для отбора работ стал системный подход к изучению творчества поэта, выразившийся в их академичности и концептуальности. Иными словами, сборник оказался отправной точкой лермонтоведения в качестве литературоведческой науки и был отмечен рядом отзывов и рецензий (см.: [Батюшков, 1915: 278–284], [Замотин, 1915: 985–986], [Чешихин-Ветринский, 1915: 387–388], [Козмин, 1915: 245–247]). Таким образом, в фокус внимания настоящей статьи попали два вопроса: значение сборника «Венок Лермонтову» и его оценка в критике середины 1910-х гг.

Автор самой обширной рецензии Ф. Д. Батюшков разделил статьи сборника по избранному им порядку. Как объяснил рецензент, он обращался к их рассмотрению «по степени значительности очерков для выяснения духовного облика Лермонтова» [Батюшков, 1915: 278], поэтому в поле его внимания первыми попали статьи П. Н. Сакулина «Земля и небо в поэзии Лермонтова» и С. В. Шувалова «Религия Лермонтова»¹, что

¹ По-видимому, вопрос о духовности творчества Лермонтова не утратил сво-

характерно для духа издававшегося в Москве журнала «Голос минувшего». При анализе статьи Сакулина Батюшков связывает ее содержание с традицией, установившейся с 1880 г., – определить «“внутренний смысл” поэзии Лермонтова», называя имена Вл.С. Соловьева, Д.С. Мережковского, С.А. Андреевского, В.Д. Спасовича, Н.А. Котляревского. Автор рецензии замечает особенность статьи, выразившуюся в полемике с позицией Мережковского [Мережковский, 1909] по поводу «стремления Лермонтова ввысь к “небу”» [Батюшков, 1915: 278], тем самым обратив внимание на новый этап постижения смысла творчества поэта (взгляды отмеченных выше критиков формировались в 1880–1900-е гг., статья же Сакулина относится к 1914 г.). Принципиально новым было утверждение о *возвращении* Лермонтова на землю, указывая на его тяготение к жизни, на его «жажду бытия» [Батюшков, 1915: 278–279]. Из статьи Сакулина и рецензии Ф. Батюшкова следует, что оставался вопрос, какое из этих стремлений возьмет верх в дальнейшем. На этот вопрос ни тот, ни другой не могли тогда дать удовлетворительного ответа, поскольку не был накоплен достаточный опыт в осмыслении духовной эволюции Лермонтова. Путь к его разрешению Сакулин и вторящий ему Ф. Батюшков (а до них Мережковский) видят в обращении и к раннему стихотворению поэта «Ангел» (1831), якобы проясняющему вектор лирического направления Лермонтова в пространстве стилевого дуализма («отсюда – туда» или «оттуда – сюда» [Москвин, 2013]), однако их понимание смысла «Ангела» в контексте всего творчества Лермонтова было пока ограниченным.

Как видно, основное внимание Батюшков обращает на статью Сакулина; второй по значимости Батюшкову представляется статья Шувалова «Религия Лермонтова». Основные взгляды Сакулина и Шувалова на вопросы духовного настроения Лермонтова кажутся Батюшкову близкими, и рецензент большое внимание уделяет расхождениям в некоторых вопросах. По Шувалову, в творчестве Лермонтова преобладает пессимизм, и источник этого пессимизма критик видит в «“способности (поэта) непосредственно видеть небесный мир”, а стало быть и в его отчужденности от земли» [Батюшков, 1915: 280–281]. Хотя, как отмечает Батюшков, Шувалов «не отрицает некоторого поворота в конце жизненного пути» [Батюшков, 1915: 281], неизвестно, «пошел бы он по новому пути, или возвратился на старый» [Батюшков, 1915: 281]. Далее рецензент характеризу-

ей остроты и актуальности и по сей день; напротив, в нем открываются все новые грани. См., например: [Москвин, 2016: 78–88].

ет остальные статьи сборника. Батюшков полемизирует М. Н. Розановым (статья «Байронические мотивы в творчестве Лермонтова»), называящим Лермонтова «байронистом» и «руссоистом». Рецензент считает, что между Лермонтовым и Байроном, Лермонтовым и Руссо «отличий больше, чем сходства» [Батюшков, 1915: 281], и даже полагает, что М. Н. Розанов игнорирует «прямую связь» вещей, т. е. влияние на Лермонтова идей славянофильства, толкуя его позицию как зависимую от Байрона и Руссо. Говоря о статье Бродского «Поэтическая исповедь русского интеллигента 30–40-х годов», рецензент высказывает мнение, что Н. Л. Бродский, связывавший в своей работе Лермонтова с современной ему интеллигенцией и общественной жизнью, относится к вопросу влияния на поэта правильнее, чем М. Н. Розанов; имеется в виду не столько точность суждения, сколько выбор вектора влияний (не предшествующей Лермонтову литературы, а широкого спектра современных поэту общественных, культурных, политических факторов). Признавая большое значение статьи В. М. Фишера «Поэтика Лермонтова» как «занимающей центральное место в Юб. Сборнике» и подтверждая свою оценку перечислением достоинств статьи, Батюшков тем не менее укоряет Фишера в том, что тот «слишком перегибает свойства поэзии Лермонтова в сторону модернизма» [Батюшков, 1915: 283]. При упоминании статей И. Н. Розанова «Отзвуки Лермонтова», Шувалова «Влияние на творчество Лермонтова русской и европейской поэзии» и Мендельсона «Народные мотивы в поэзии Лермонтова», автор рецензии называет их «любопытными», но полагает, что они «не много прибавляют к пониманию истинного смысла поэзии Лермонтова» [Батюшков, 1915: 283]. Лишь однажды Батюшков упоминает статью Соловьева «Поэзия одинокой души», приводя из нее замечание автора, по сути, равноценное всему содержанию статьи: «сознание своего одиночества в Лермонтове было сильнее его связи с “русской интеллигенцией” данной поры» [Батюшков, 1915: 282].

Краткую характеристику статьи Сакулина дает в рецензии на сборник бывший в 1914 г. профессором Варшавского университета И. И. Замотин: «интересный этюд <...> о дуализме и сверхчеловечестве, постепенном оправдании земли и признании самоценности жизни» [Замотин, 1915: 986]. Вместе с тем Замотин считал тему статьи Сакулина менее широкой, чем темы других статей сборника.

Из остальных рецензий 1914 г. отметим еще две: историков русской литературы В. Е. Чешихина [Чешихин-Ветринский, 1915: 387–388] и Н. К. Козмина [Козмин, 1915: 245–247]. В первой автор перечисляет ста-

ты сборника, лишь изредка обращаясь к отдельным аспектам их содержания, указывая на места, показавшиеся ему интересными или спорными. В целом Чешихин полагает сборник *«несколько академичным (курсив мой – Т.Д.)*, интерес книги далеким от современных настроений» [Чешихин-Ветринский, 1915: 387–388]. Рецензия Козмина отличается строгостью и прямотой оценок, хотя первая из них положительная, констатирующая научную перспективу сборника. При этом Козмин отдельно отмечает *«удачную постановку тем, хороший подбор материала и добросовестность его разработки (курсив мой – Т.Д.)»* [Козмин, 1915: 246]. Из 9 статей наиболее оригинальными рецензенту показались работы В. М. Фишера и И. Н. Розанова, соответственно о поэтике и влиянии на последующую литературу. Статьи Н. М. Мендельсона «Народные мотивы поэзии Лермонтова» и Шувалова «Влияния на творчество Лермонтова русской и европейской поэзии» Козмин не считает оригинальными, хотя признает их небесполезными. Вторичными по мысли рецензент полагает статьи Бродского «Поэтическая исповедь русского интеллигента 30–40-х годов» и И. М. Соловьева «Поэзия одинокой души» (первый лишь подтверждает «мысль акад. Н. А. Котляревского о неразрывной связи Лермонтова с современным ему поколением», второму «не удалось заглянуть в “загадочную натуру” автора “Демона” и характеризовать его так ярко, как это сделал, например, г. Андреевский» [Козмин, 1915: 246]). В противоположность рецензии Батюшкова Козмин не уделяет внимания статьям Сакулина «Земля и небо в поэзии Лермонтова» и Шувалова «Религия Лермонтова», отзываясь о первой как «своеобразной», а вторую не упоминая вовсе. Зато статью М. Н. Розанова «Байронические мотивы в творчестве Лермонтова» Козмин не только называет «ценной», но и отмечает ее основные тезисы, явно солидаризируясь с концепцией автора.

Ценность сборника для лермонтоведческой науки состоит прежде всего в том, что в нем определились основные направления дальнейшего изучения творчества Лермонтова:

- Духовная основа творчества (ее составляют главным образом вопросы мироотношения и веры, включая широкий круг философской, нравственной и этической проблематики). Тон этому направлению задают статьи Сакулина, Шувалова, Соловьева.
- Генезис творчества Лермонтова (историко-литературный контекст, влияния, фольклор). Представляют это направление статьи М. Н. Розанова, Шувалова и Мендельсона.

- Общественная проекция творчества Лермонтова. Статья Бродского.
- Поэтика творчества Лермонтова. Статья Фишера.
- Лермонтовский текст в русской литературе. Статья И. Н. Розанова.

Разумеется, отмеченные направления составляют основное содержание науки о Лермонтове, однако в сборнике не затрагиваются вопросы текстологического, биографического и справочного характера, материалы и документы, без учета которых невозможны полноценные академические исследования.

Приведенные 4 рецензии явились немедленным откликом на сборник «Венок Лермонтову», они были опубликованы в наиболее заметных ежемесячных историко-литературных изданиях («Голос минувшего», «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Журнал Министерства народного просвещения»). Таким образом, содержание сборника вместе с рецензиями на него образуют особый историко-литературный топос, как бы срез науки о Лермонтове середины 1910-х гг. В нем нашли отражение история изучения наследия Лермонтова, эволюция его творчества, тематика и проблематика, имена и взгляды видных критиков и ученых, наконец, личность Лермонтова как художника и человека и др.

Что касается собственно рецензий, в них не только представлены взгляды критиков на статьи сборника, но и, надо полагать, в известной степени манифестируются предпочтения журналов, в которых эти рецензии напечатаны. Так, ежемесячный «Голос минувшего» (журнал либерально-народнического направления, рецензент Батюшков) уделяет внимание в первую очередь статьям, посвященным духовности творчества Лермонтова (интересно заметить, что Сакулин в 1913–1914 гг. был редактором журнала). Второе место по вниманию в рецензии занимает статья Фишера о поэтике (хотя она не рассматривается подробно, Батюшков считает ее центральной по значению). Далее следуют современные аспекты творчества Лермонтова, т. е. его проекция на общество, связь с последними веяниями в европейской литературе и, наконец, неизменно актуальная для романтического дискурса тема одиночества. Менее всего, судя по рецензии, «Голос минувшего» привлекли вопросы влияний и фольклора.

Рецензия Замотина была опубликована в «Историческом вестнике» и, судя по ее содержанию, вполне соответствует направлению журнала (отметим, что автор рецензии в те годы был последовательным представителем культурно-исторического метода). В распределении рецензируемых статей по значимости явно прослеживается определенная иерархия;

их можно разделить на статьи первого ряда, в которых Замотин очерчивает литературно-исторический дискурс лермонтовской проблематики: прежде всего он обращается к статье Бродского, в которой тот подходит к оценке творчества Лермонтова как к исповеди русского интеллигента (заметим, не столько как поэта) в историческом контексте 1830–1840-х гг.; затем Замотин отдает должное проблеме генезиса лермонтовской поэзии – фольклору в статье Мендельсона о народных мотивах; следующими по важности Замотин выделяет статьи Розановых, соответственно о влиянии Лермонтова на последующую поэзию (И. Н. Розанов) и о стилиевой рефлексии творчества Байрона и Руссо, в которой рождалась поэзия Лермонтова (М. Н. Розанов). Статьи Шувалова, Сакулина, Фишера, судя по всему, для Замотина не имеют строгой исторической составляющей, а статья Соловьева о поэзии одинокой души не упомянута вовсе, видимо как не представляющая исторического интереса.

Содержание рецензии Чехихина никак не говорит о духе журнала, в котором она была опубликована («Вестник Европы», 1866–1918), что, возможно, и понятно, если принять во внимание чрезвычайно широкий круг проблематики журнала – литература, наука, политика. Автор рецензии попросту упоминает статьи по порядку их следования в сборнике, ограничиваясь беглыми замечаниями. Что касается позиции самого Чехихина, обнаруживается лишь однажды, когда рецензент сетует на недостаток внимания к вопросу влияния поэзии Лермонтова на Некрасова. Тем не менее в конце рецензии проскальзывает значимая характеристика, что сборник «несколько академичен».

Автора рецензии в «Журнале Министерства народного просвещения» интересуют традиционные для журнала вопросы, связанные с кодификацией тем, определением методических акцентов, что впоследствии должно лечь в основу учебно-дидактической и воспитательной работы. Поэтому Козмин прежде всего выделяет статью Фишера о поэтике, Мендельсона о фольклорных источниках поэзии Лермонтова; статья И. Н. Розанова привлекла Козмина в силу ее содержания (влияние Лермонтова на последующие поколения), так же как и статья М. Н. Розанова. Остальные статьи Козмин отмечает как интересные, хотя и не уделяет им особого внимания.

Таким образом, юбилейный сборник «Венок Лермонтову» стал выдающимся событием в истории развития литературоведческой науки

о творчестве Лермонтова²; особенно важным представляется факт, что он появился в московской научной среде.

Список литературы

- Арабаджин К. И.* Поэт мировой скорби: Очерк. Пг., 1914. 32 с.
- Батюшков Ф. Д.* Венок Лермонтову. Юбилейный сборник: [Рец.] // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 278–284.
- Бороздин А. К.* Собр. соч. Т. 1: М. Ю. Лермонтов. СПб., 1914. 139 с.
- Гинцбург Д. Г.* О русском стихосложении: Опыт исследования ритмического строя стихотворений Лермонтова / Под ред. и с предисл. Г. М. Князева. Пг., 1915. 269 с.
- Гершензон Я. Д.* Лермонтов в русской критике // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Сб. 1: Исследования и материалы / Под. ред. Н. Л. Бродского. М., 1941. С. 589–616.
- Голованова Т. П.* Наследие Лермонтова в советской поэзии. Л., 1978. 192 с.
- Дурылин С. Н.* В своем углу / Сост. и прим. В. Н. Тороповой; Предисл. Г. Е. Померанцевой. М., 2006. 879 с.
- Дюшен Э.* Поэзия М. Ю. Лермонтова в ее отношении к русской и западно-европейской литературам. / Пер. с фр. В. А. М-ой и Б. В. Зевалина. Под ред. П. П. Миндалева. Казань: М. А. Голубев, 1914. – 156 с.
- Евлахов А. М.* Надорванная душа: (К апологии Печорина): В память 100-летия со дня рождения Лермонтова. Ейск: Печат. искусство, 1914. – 53 с.
- Замотин И. И.* Венок Лермонтову. Юбилейный сборник: [Рец.] // Исторический вестник. 1915. № 3. С. 985–986.
- История русской литературы XIX века: 1800–1830-е гг. / Под. ред. В. Н. Аношкиной и С. М. Петрова. М., 1989. 445 с.
- Козмин Н.* Венок Лермонтову. Юбилейный сборник: [Рец.] // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 4. С. 245–247.
- Краков А. Я.* Лермонтов и античность. Харьков, 1914. 26 с.
- Кудрявцев П. П.* Поэт душевных диссонансов: К столетию со дня рождения М. Ю. Лермонтова (1814–1914). Херсон, 1915. 16 с.
- Лермонтов и современность. Киев, 1915. 153 с.

² Впоследствии о сборнике «Венок Лермонтову» отзывались: [Гершензон, 1941: 611–613], [Голованова, 1978: 12], [Дурылин, 2006: 405], [История русской литературы..., 1989: 320], [Москвин, 2016: 82–83], [Розанов, 1990: 373], [Усок, 1981: 76–78].

- Лермонтов М. Ю.* Иллюстрир. полн. собр. соч. / Под ред. В. В. Каллаша. Т. 1–6. М., 1914–1915.
- Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 5 т. / Под ред. и с примеч. Д. И. Абрамовича. СПб., 1910–1913.
- Мережковский Д. С.* Поэт сверхчеловечества – Лермонтов // *Русская мысль*. 1909. № 3. С. 1–32.
- Москаленко-Судиенко С. Г.* Новое о «Демоне» и о «Боярине Орше». М., 1915. 184 с.
- Москвин Г. В.* Песня Ангела в творчестве М. Ю. Лермонтова: откровение и таинство // *Лермонтовские чтения: Сб. СПб.*, 2013. С. 56–65.
- Москвин Г. В.* К вопросу духовности творчества М. Ю. Лермонтова: Обзор критики 1840–1914 гг. // *Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология*. 2016. № 2. С. 78–88.
- Нейман Б. В.* Влияние Пушкина в творчестве Лермонтова. 1814 – 3 октября – 1914. Киев, 1914. 139 с.
- Родзевич С. И.* Лермонтов как романист / Предисл. А. М. Лободы. Киев, 1914. 110 с.
- Розанов И. Н.* Литературные репутации: работы разных лет. М., 1990. 462 с.
- Семенов Л. П.* Лермонтов и Лев Толстой: (К столетию со дня рождения Лермонтова). М., 1914. 465 с.
- Соколов Л.* Победенный демон: К столетнему юбилею со дня рождения М. Ю. Лермонтова // *Труды Киевской духовной академии*. 1914. Т. 3. С. 105–167.
- Усок Е. И.* Историческая судьба наследия М. Ю. Лермонтова // *Время и судьба русских писателей: Сб. Статей / Под. ред. Н. В. Осьмакова*. М., 1981. 344 с.
- Феддерс Г. Ю.* Эволюция типа «странного человека» у Лермонтова по его драматическим произведениям, поэмам и роману «Герой нашего времени» в связи с перепиской и мотивами личной жизни писателя: Опыт психол. исслед. Нежин, 1914. 159 с.
- Чешихин-Ветринский В. Е.* Венок Лермонтову. Юбилейный сборник: [Рец.] // *Вестник Европы*. 1915. № 2. С. 387–388 (подп.: Ч. В-ский).

Сведения об авторе: Тан Дини, аспирантка кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: ginnetang@mail.ru.

Г.Н. Ермоленко

ХРОНОТОП ПУТЕШЕСТВИЯ В РОМАНЕ И ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ А. ЖИДА

В статье сопоставляются хронотоп путешествия и приемы я-повествования в романе и путевых очерках А. Жид. Мифологизация пространства и романе сравнивается с визуальной поэтикой пространства в травелогах.

Ключевые слова: хронотоп, травелог, мифологизация, визуальная поэтика.

The article compares the specifics of the chronotope and first-person narration of the novel and travelogue of A. Gide. The method of mythologizing space in the novel and the visual poetics of space in travelogues are analyzed.

Key words: chronotope, travelogue, mythologization, visual poetic.

Лауреат Нобелевской премии (1947), наследник символизма, предшественник экзистенциализма и «нового романа», А. Жид является также автором нескольких циклов очерков о путешествиях, совершенных им в зрелые годы: «Путешествие в Конго» (1927), «Возвращение с озера Чад» (1928), «Возвращение из СССР» (1937). Впечатления писателя о поездках изложены в них в форме путевых дневников, представляют читателю хронику событий.

К жанру путевого дневника писатель обращался не только в травелогах, но и во многих своих художественных произведениях. Принципы работы с этой формой в значительной степени зависели от эстетической позиции автора в тот или иной период. В символистской фантазии «Странствия Уриана» (1893), например, пространство ирреально, так как речь идет о воображаемом путешествии, в чем я-рассказчик признается в стихотворном посвящении, которым заканчивается произведение:

Я обманул вас, дорогая!
Мы никуда не уезжали.
Не видел я фламинго стаи
И не бывал в садах Востока,
И не для нас сирены пели
Так упоительно-жестоко.
[Жид, 2002, II: 89]

Текст представляет собой своего рода философское эссе, в котором размышления автора приобретают форму аллегорического сюжета о плавании к Северному полюсу группы юных героев, которых утомили бесплодные размышления и манит жажда подвигов. Описываются увиденные ими диковинные картины: экзотические восточные города, океанские острова с деревьями «неведомых пород», редкие растения («болезненные орхидеи»), непроходимые заросли, песчаные дюны, а ближе к цели – убогие жилища эскимосов, белые медведи и ледяные громады. Трудности пути заставляют путешественников воспринимать его как средство борьбы с собственным несовершенством, духовное восхождение. Безжизненность ледяной равнины подсказывает героям, что судьба вела их навстречу смерти, но они благодарны Богу за трудности и страдания, так как эти испытания «вселяли в них надежду на великий конец». И не важно, что мечта не осуществилась, но важно, что их вела к цели надежда, и потому страдания «дарили подлинную радость» [Жид, 2002, II: 89]. Путешествие в данном случае является аллегорией жизненного пути, который понимается как восхождение к высотам духа.

Иначе организовано включение в текст описания путешествия в романе «Имморалист» (1902). Здесь автор рисует реальное географическое пространство, но оно подвергается символизации и мифологизации. События романа автобиографичны, и путешествие, возродившее героя к новой жизни, подобно тому, что совершил в молодости сам автор. Герой романа переживает смертельную болезнь и последующее чудесное исцеление, которые производят переворот в его сознании и заставляют с особой остротой ощутить собственное существование. Подобный эпизод омрачил молодость самого писателя, который едва не умер от туберкулеза, но чудесным образом излечился от этой смертельной болезни во время путешествия по северной Африке. В романе события собственной биографии автор переосмысливает в духе экзистенциалистской философии. Болезнь и угроза смерти создают пограничную ситуацию, которая заставляет героя познать собственную природу, найти себя и начать новую жизнь.

История протагониста представлена читателю в форме рассказа от первого лица. Роман имеет рамочную композицию, которая позволяет создать диалогическую ситуацию вокруг рассказа героя. Герой-повествователь адресует свой рассказ друзьям, акцентируя проблемы вины и ответственности, в результате чего интимный дневник протагониста прио-

бретает статус исповеди, которую обсуждают друзья, заинтересованные в его судьбе.

Способом художественного раскрытия внутренней драмы протагониста писатель избирает переживание им окружающей природной среды. Художественное пространство романа мифологизируется. Прежде всего в его границах резко противопоставляется пространство «свое» и «чужое». Внутри пространственной сферы выделяются центр и периферия. Метаморфоза героя совершается во время путешествия, и отдельные этапы внутреннего преобразования соответствуют характеру окружающей обстановки, в которую он погружается. Герой совершает два путешествия: первое – с женой во время медового месяца, когда он сам сначала едва не умирает, а затем излечивается от смертельной болезни; и второе путешествие, которое заканчивается смертью жены.

Пространственная траектория романа закольцована. Маршрут передвижений героя проходит по Франции, Италии, Тунису и Алжиру. Свадебное путешествие Мишель и Марселина совершают в Тунис и Алжир, где Мишель заболевает. После его выздоровления супруги плывут в Италию (Неаполь, Сорренто), что является счастливой кульминацией путешествия. Пространство Италии наиболее гармонично и комфортно для протагонистов. Во второй части романа семейная пара некоторое время проводит в имении Мишеля Ла Мориньер в Нормандии и с наступлением осени обосновывается в Париже. Данный локус оказывается самым дискомфортным для протагонистов. В Париже супруги теряют надежду иметь ребенка, Марселина заболевает, и начинается кризис семейной жизни молодоженов. Третья часть романа рассказывает о новом путешествии. Супруги едут в швейцарские Альпы, где Марселина начинает поправляться. Но пребывание в Швейцарии для Мишеля становится невыносимо, и супруги отправляются в Италию. Они посещают места первого путешествия – Неаполь и Тунис, где Марселина умирает.

На концепцию пространства влияет руссоистская традиция: идеализация девственной природы и отрицание цивилизации. Париж представлен как полюс культуры, которая, по словам героя, «убивает жизнь» [Gide, 1971: 104]. Парижу противостоят все остальные локусы: Нормандия, Италия, Тунис, Алжир. В этих пространственных сферах торжествуют жизнь и природа. Здесь герой начинает ощущать свое существование, здесь происходит его физическое и духовное обновление. Наиболее благотворным является пространство Италии, где природа и культура составляют гармоническое единство. Здесь герои обретают счастье. С гармониче-

ским пространством Италии контрастирует пространство Нормандии, с одной стороны, Туниса и Алжира – с другой. Это почти не тронутые цивилизацией места обитания простых людей, которые герою кажутся непонятными и загадочными, но властно притягивают его к себе. Здесь Мишель становится, по его собственным словам, «новым человеком» [Gide, 1971: 63]. Он открывает в себе свою истинную природу. Из кабинетного ученого он, отринув общественные условности, превращается в естественного человека, освободившись от уз цивилизации.

Особое место в романе занимает пространство Швейцарии. Оно характеризуется с двух точек зрения – героя и героини. Автор подчеркивает вертикальное членение пространства Швейцарии. Это горный ландшафт с чистым разреженным воздухом. Марселина, чей высоконравственный и жертвенный образ олицетворяет подчинение индивида традициям социума, чувствует себя превосходно в этой местности. Ей нравится «честный швейцарский народ». В глазах Мишеля Швейцария оказывается царством обывателей, живущих по правилам и общепринятым нормам. Герою, почувствовавшему сладость свободы, такая жизнь представляется невыносимой. Путешествие из Швейцарии в Италию описывается в романе как стремительный спуск («падение»), который является метафорой разрушительной катастрофы, постигшей семью героя. Вернувшись в Тунис, Мишель отдаляется от жены, реализуя свою жажду свободы, что окончательно подрывает здоровье Марселины и губит ее.

Одновременно с концептуализацией пространства в романе фиксируется новое восприятие героем времени. В Тунисе течение времени, по ощущениям Мишеля, прекращается, что свидетельствует о вступлении героя в мифологизированное пространство. Он сам поражается отсутствию желаний и мыслей о будущем. Его существо растворяется в наслаждении настоящим. Он признается себе, что прежде в своих занятиях историей и филологией «любил только прошлое» и впервые научился интенсивно переживать настоящее – познал «сладость мгновения». Прошлое теперь кажется ему мертвым, теряет для него интерес, отбрасывается, так как оно «мешает будущему совершиться». Вместе с ним отбрасываются «сожаления, угрызения, раскаяние». Будущее, воспринятое с прежних позиций, представляется «неверным». Вся прелесть жизни сосредоточивается в настоящем. Будущее, к которому герой стремится, воспринимается как продолжение настоящего [Gide, 1971: 119–126].

Таким образом, в романе формируется система хронотопа, соответствующая его философской проблематике и подвергающаяся философской

рефлексии. Внимание сосредоточивается на моменте экзистенциального выбора, физического и духовного преображения. Пространство концептуализируется, но при этом не описывается подробно. Автор подчеркивает в основном воздействие его на чувства героя, акцентирует внимание на внутреннем состоянии протагониста.

Иначе изображается и переживается время и пространство в травелогах Жида¹. Казалось бы, форма повествования в романе и путевых очерках практически одна и та же. Рассказ ведет я-повествователь (но уже не герой, а автор-путешественник). Используется жанр путевого дневника. Автор фиксирует события, описывает ландшафты, экзотических животных, погодные явления, портреты спутников и местных жителей. Конкретные даты создают впечатление документальной достоверности.

При этом манера рассказа кардинально меняется. Прежде всего это проявляется в способе представлении времени. Нередко повествование ведется не в прошедшем, а в настоящем времени. События представлены как происходящие здесь и сейчас: «После двух дней непогоды снова голубое небо. Море утихает, воздух теплеет, стаи ласточек сопровождают пароход» («Путешествие в Конго») [Жид, 2002, V: 7]. Повествование фрагментарно, дробится на небольшие временные отрезки. В каждом фрагменте перед читателем появляется новый пейзаж или новое лицо, что создает иллюзию присутствия при разворачивающихся событиях. Такая манера характерна для стиля журналистского репортажа.

Внимание сосредоточено на визуальном аспекте пространства. Описания лаконичны, динамичны. Встречаются назывные и неполные предложения. Создается впечатление, что глаз повествователя – это фото- или кинокамера, улавливающая один за другим новые появляющиеся перед ней объекты: «Опытный сад. Невиданные деревья. Кусты гибискуса в цвету. Углубляемся в узкие аллеи, в предвкушении тропического леса. Яркие бабочки, похожие на больших махаонов, но с крупным перламутровым пятном на нижней стороне крыльев. Пение незнакомых птиц, которых я тщетно ищу в густой листве. Черная змея, длинная и очень тонкая, скользит и исчезает» («Путешествие в Конго») [Жид, 2002, V: 9].

Ключевым моментом травелога, как и в романном описании путешествия, становится духовное обновление путешественника при встрече

¹ Мы рассматриваем лишь африканские путешествия писателя, так как «Возвращение из СССР» представляет собой не столько описание путешествия, сколько собрание положительных и отрицательных суждений и впечатлений автора об образе жизни и характере советских людей и о культе личности Сталина.

с новой реальностью. В романе «Имморалист» обновление принесло открытие «другого», возможность контакта с новым миром. В травелогах это знакомство с новым этносом и погружение в проблемы его повседневного существования: «Мне не приходило в голову, что эти мучительные социальные проблемы наших взаимоотношений с туземцами, которые я только смутно представлял себе, настолько захватят меня, что станут для меня самым интересным во всем путешествии, что изучение их сделается целью моего пребывания в этой стране» [Жид, 2002, V: 21]. Постепенно характер очерков меняется: в них все больший объем занимают этнографическая информация, автор все более сочувствует бедственному положению местного населения, активно принимает участие в жизни рабочих, приходит им на помощь во время эпидемии. Вид умирающих от голода людей приводит его в ужас и возмущает. Он готовится выступить в защиту нищих туземцев, ставших жертвами лесопромышленной компании и других крупных концессий: «Теперь я знаю – и я должен говорить» [Жид, 2002, V: 86].

Все книги путевых заметок документальны и остро публицистичны. Автор занимает достаточно радикальную позицию по отношению к грабительской политике колониальных властей в Африке. Говоря о жестокой эксплуатации сборщиков каучука, работающих на лесопромышленную компанию, Жид приводит документы, выдержки из административных отчетов, цифровые данные. Известно, что по отчетам об африканских путешествиях писателя были проведены парламентские слушания по поводу колониальной политики Франции в экваториальной Африке.

Путевые заметки Жида, как и роман «Имморалист», представляют собой я-текст. В последние десятилетия в зарубежном литературоведении, в связи со все возрастающей популярностью литературы нон-фикшн, усилился интерес к изучению структуры и семантики «я-текста» в таких пограничных жанрах, как травелог и мнемоническая проза (автобиография, автобиографический роман, мемуары), которые находятся на границе между художественной и документальной (мемуарной) литературой.

Часто признаки этих жанров совмещаются в одном тексте, поскольку травелог так же, как и автобиографический роман, принадлежат к мнемонической прозе, основан на воспоминаниях автора, предполагает в качестве источника текста наличие достоверного документально-мемуарного материала – описания реального путешествия, совершенного автором. Такое совмещение мемуаров, описания реального путешествия

и художественного вымысла находим во многих произведениях А. Жида, что дает материал для наблюдений за спецификой *я*-повествования в смежных жанрах.

При всем сходстве *я*-повествования в травелогах и романе «Имморалист», можно заключить, что повествователи в данных произведениях принадлежат к разным типам. Травелог – журналистский текст, прямое высказывание. Роман – текст художественный. Авторская идея здесь выражается опосредованно, через романский сюжет. В романе мы имеем дело с повествующим *я* героя, в травелогах – с *я* автора. В романе *я*-повествование призвано структурировать образ протагониста, сформировать у читателя представление о герое, его целостном образе. У *я*-повествования в травелоге иная задача. Авторская стратегия заключается в том, чтобы привлечь внимание читателя, заинтересовать его, приблизить к художественному миру травелога, заразить своими чувствами и идеями, превратить его в своего сторонника, борца за справедливость, способного на сочувствие терпящему бедствия народу.

Таким образом, как видим, в творчестве А. Жида представлены различные типы художественной реализации сюжета путешествия – от документального публицистического путевого очерка до исповедально-философского романа, где пространство подвергается символизации и мифологизируется. В том и другом жанре избирается повествование от первого лица, но *я*-повествователи принадлежат к разным (аукториальному и акториальному) типам и подчиняются различным авторским коммуникативным стратегиям, продиктованным жанровой спецификой произведения.

Список литературы:

Жид А. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2, 5, 7. М., 2002.

Gide A. L'Immoraliste. Paris, 1971.

Сведения об авторе: Ермоленко Галина Николаевна, докт. филол. наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: decemdi24@mail.ru.

А.А. Шейко

ЖАНРОВЫЕ ПРИНЦИПЫ РОМАНА-ФЕЛЬЕТОНА ВО ФРАНЦИИ И РОМАНА-СЕРИАЛА В АНГЛИИ

В статье анализируются жанровые особенности модификации популярного романа XIX в. Англии и Франции – романа-сериала и романа-фельетона. Показано, что популярный роман, синтезируя массовое и элитарное, является новым типом литературы, оказавшим заметное влияние на поэтику романа XX в. и предвосхитившим появление массовой литературы.

Ключевые слова: массовая литература, популярная литература, роман-фельетон, роман-сериал, Чарльз Диккенс.

The article analyzes genre peculiarities of popular novel transformation of the 19th century – novel in serial and roman-feuilleton. It is shown that popular novel, when synthesizing the mass and elite, is a new type of literature that had a significant impact on poetics of the 20th century novel and anticipated mass literature forthcoming.

Key words: mass literature, popular literature, roman-feuilleton, novel in serial, Charles Dickens.

Такие понятия, как роман-сериал, роман в выпусках и роман-фельетон, привлекают пристальное внимание современных отечественных и зарубежных литературоведов (Н.А. Литвиненко, Н.Т. Пахсарьян, М.А. Черняк, Д.У. Данн, Д. Марш). Исследователи отмечают значительное влияние романа-сериала на роман и кинематограф XX в., даже предлагают рассматривать постмодернистский роман, включающий в себя тексты предыдущих эпох, как текст-сериал (см. [Тюленева, 2004: 260–262]). Такое влияние романа в выпусках легко объяснимо: выход на авансцену «массового», обыкновенного читателя требовал создания жанра, связавшего бы культуру и повседневную жизнь, а таким жанром явились роман-фельетон и роман-сериал, не потерявшие свою актуальность и поныне.

Оба жанра появились в начале XIX в., роман-сериал – в Англии, роман-фельетон – во Франции. Появление романа-фельетона как жанровой разновидности крупной литературной формы датируют началом Великой французской революции (1789), это был либо отдельный листок в газете, где рассматривались вопросы искусства и культуры, либо нижняя часть страницы. Позднее на отдельном листе в газетах стали печатать отрывки из романов, а «30 октября 1838 г. в статье газеты «Ла Коти-

дьян» Т. Мюре объявил об «изобретении романа-фельетона» [Пахсарьян, 2005: 252–256]. Первым романом-фельетоном считается «Старая дева» О. де Бальзака, вышедшая в октябре 1836 г.; у истоков жанра стояли также «Графиня Солсбери» А. Дюма (1836), «Мемуары дьявола» Ф. Сулье (1837), «Вечный жид» Э. Сю (1844–1845). Через некоторое время успех газеты во многом стал определяться успехом романа, который в ней печатался.

Р. Майо, исследовавший английский роман-сериал, приходит к выводу, что художественная проза в той или иной форме начинает появляться в выпусках в конце XVII в., а к 1770 г. оставалось лишь несколько газет, которые «не пытались бы удовлетворить растущий аппетит публики к «сказкам» и «историям» [Маю, 1962: 17]. Сначала в выпусках печатались пересказы уже существующих произведений, а затем перепечатывались в таком формате и сами произведения, однако к началу XIX в. больше половины выходивших романов-сериалов писалось специально для выпуска в частях, и многие из них не были переизданы отдельными книгами. Качество романов было сомнительным, зачастую публиковали любителей, однако можно встретить и имена О. Голдсмита, Т. Смоллета, Дж. Хогга. Выходившие в выпусках романы периода 1740–1815 гг. нельзя назвать классическими романами-сериалами, так как, конечно, все они были написаны в расчете на цельную, а не серийную публикацию, хотя аудитория газет с началом выпуска романов по частям только возрастала. Особое влияние на становление жанра романа-сериала оказала, как отмечают исследователи (Дж. Дон Вэнн, Д. Марш), публикация в Англии «Упражнения по механике» лондонского книгоиздателя Джозефа Моксона 1678 г., учебник выпускался ежемесячно специально для читателей, которые не могли купить сразу полное издание, а также «Недорогие охранительные трактаты» (1795–1815) Ханны Мор, продававшиеся огромными тиражами (а переиздавались они вплоть до 1830-х). Постепенно такой способ публикации набирал популярность, все большее количество книг стали печатать частями. Считается, что первым среди писателей-викторианцев, обратившимся к такому способу издания, был Фредерик Марриет (1792–1848), к началу правления королевы Виктории он опубликовал в газетах шесть романов. В 1836 г. Ч. Диккенс впервые начинает печатать в выпусках ранее не издававшийся роман – «Посмертные записки Пиквикского клуба». Первоначально вышло 20 выпусков романа, а впоследствии произведение было переиздано в 5, 20 и 26 частях разными издателями; в ноябре 1837 роман был опубликован отдельным издани-

ем. Все сочинения Диккенса печатались сначала в выпусках, а позднее – отдельными книгами.

Следует уточнить, что термины «роман-фельетон» и «роман-сериал» схожи и по функции, и по структуре: роман-сериал – это литературное произведение, регулярно выходившее частями либо в качестве приложения в газете, либо отдельным выпуском, сопровождавшимся публикацией другого материала – рекламных статей, объявлений и пр. Роман-фельетон во Франции – роман, состоящий из эпизодов, глав, публикующихся в периодической печати и выходивших через определенные промежутки времени.

Появление романов, издававшихся в газетах, было бы невозможно без изменения роли и функции периодической печати: если ранее она использовалась преимущественно для освещения политических новостей и пропаганды, то в XIX в. тематика газет расширяется, на их страницах начинают печатать неполитические статьи, критические заметки, объявления о выставках, концертах, расследования, криминальные истории; газеты становятся средством познания мира, пресса давала своему читателю информацию буквально обо всем.

XIX в. в истории развития прессы также озаменован охватом новой аудитории – беднейших слоев населения, которые, в силу высокой стоимости печатной продукции и непривычного языка изложения, не могли покупать дорогие газетные издания. Появление недорогих газет (это стало возможным благодаря развитию печатных технологий, появлению паровой печатной машины, а в 1846 – ротационной печатной машины, позволившей печатать до 20 000 экземпляров в час), доступных любому читателю, отразило общую направленность эпохи в сторону «культуры для всех».

Жанровые модификации романа – роман-сериал и роман-фельетон – были обусловлены и подготовлены развитием литературы рубежа XVIII–XIX вв. И роман-сериал, и роман-фельетон, являясь синтезом литературы и журналистики, взяли за основу жанр романа, а благодаря способу издания приобрели особую технику повествования: это были прерывистость формы изложения, увлекательная фабула, стремление заканчивать очередную главу интригующим поворотом сюжета, необходимость напоминать читателю о том, что было в предыдущей главе, умелое сочетание вымысла и реальности, постоянный диалог с читателем. Являясь новым типом литературы – популярной (popular, populaire), подобный тип романа, безусловно, прокладывает путь массовой литературе XX столетия,

однако вряд ли может быть отнесен к категории массового полностью. Во всяком случае произведения Ч. Диккенса, У. Теккерея – классиков английского романа – успешно использовали жанровую поэтику сериала, синтезируя популярное и элитарное.

Распространение привычки к чтению, увеличение количества читающей публики, желание быть в центре событий способствовало росту интереса к печатной продукции, а более всего к газетам и журналам – цена такого издания была невысока, из газет узнавали последние новости, в газетах просматривали объявления – недорогая печатная продукция стала неотъемлемой частью жизни людей. Однако покупка дорогостоящего издания – книг (во Франции, например, книга стоила от 3 до 8 франков, а в Англии трехтомник в хорошем переплете стоил около 30 шиллингов) – для большинства была невозможна, а ведь именно в таком формате выходило большинство литературных сочинений. И писатели – Ч. Диккенс, Э. Тrollop, У. Коллинз, У. Теккерей, А. Дюма, Э. Сю, Ж. Санд, О. де Бальзак – прибегали к новому способу издания – частями, в выпусках журналов и газет. Так достигался широкий охват аудитории, авторы становились известны большому количеству читателей, что отвечало намерениям писателей того периода – на страницах своего произведения обратиться к большому количеству людей. Конечно, не упускалась и коммерческая выгода – издатель и авторы получали постоянный доход, – однако это не являлось основным критерием выбора способа издания – писатели стремились обратиться к каждому, а сделать это можно было со страниц газеты, которую могли купить почти все.

Прерывистость формы романа-фельетона и романа-сериала требовала иной, по сравнению с традиционной романной формой, организации – главы могли выходить нерегулярно, от одного до пяти раз в месяц (а иногда случались перерывы и в несколько месяцев), что требовало от писателей заканчивать главу интригующим поворотом сюжета, чтобы читатель за долгим ожиданием очередной главы не потерял интерес к роману, а кроме того, приходилось вводить в главу напоминания о произошедших ранее событиях – будь то название новой главы как резюме предыдущей, воспоминания или рассказ героя о случившемся ранее. Фрагментарность романа в выпусках имеет особую функцию: глава построена таким образом, чтобы и удовлетворять любопытство читателя, ожидающего ответы на вопросы с момента прочтения предыдущей главы, и загадывать читателю новые загадки. Более того, глава должна была быть, с одной стороны, частью романа, а с другой – самостоятельным отрывком, по которому

можно было бы догадаться о предыдущих событиях; так как роман на страницах газеты был окружен множеством других текстов, а это мог быть и другой роман в выпусках, и политические статьи, и объявления, и критика, то восприятие романа, изданного в книжном варианте, и романа в выпусках менялось: каждый новый выпуск становился самостоятельной частью единого целого; окруженная реалиями жизни – объявлениями – рекомендациями, рекламой услуг, товаров, знакомств – глава казалась читателям частью их реального мира.

К подобному способу издания обращались В. Энсворт, выпустивший таким образом романы «Джек Шепард» (1805–1882; сначала печатался в «Альманахе Бентли», затем – в пятнадцати отдельных выпусках), «Лондонская башня» (1840), «Лорд-мэр Лондона» (1862) и др.; У. Коллинз, все романы которого – «Женщина в белом» (1859–1860), «Лунный камень» (1868), «Закон и женщина» (1874–1875), «Муж и жена» (1869–1870) и др. – выходили выпусками в журналах, а после – отдельным изданием. «Помертвные записки Пиквикского клуба» (1836–1837), «Приключения Оливера Твиста» (1837–1839), «Жизнь и приключения Николаса Никльби» (1838–1839) и другие романы Диккенса выходили либо в журналах, либо отдельными выпусками, а потом издавались отдельными книгами. Можно назвать также романы Дж. Элиот «Ромола» (1862–1863), «Мидлмарч» (1871–1872), Э. Гаскелл «Крэнфорд» (1851–1853), «Север и юг» (1854–1855), «Жены и дочери» (1864–1866) и др.; Т. Харди «Голубые глаза» (1872–1873), «Вдали от обезумевшей толпы» (1874), «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1891) и др.; и французов: А. Дюма «Графиня Солсбери» (1836), «Три мушкетера» (1844), «Граф Монте-Кристо» (1844–1845), О. де Бальзака «Старая дева» (1836), Ф. Сулье «Мемуары Дьявола» (1837), Э. Сю «Парижские тайны» (1842–1843), «Вечный жид» (1844–1845) и т. д.

Публикация в виде выпусков требовала от сочинений определенного размера, главам была отведена ограниченная часть газеты / журнала – либо в нижней части газетного листа, либо на отдельно вложенном листе, где могли еще размещаться реклама, объявления, критические статьи. Таким образом, писателям требовалось сочетать захватывающий сюжет, прерывистость формы романа-сериала и романа-фельетона с ограниченностью печатного листа. Не все хотели ограничиваться подобной формой: Э. Тrollop [The Letters of Anthony Trollope, 1951: 90] и Дж. Элиот [The George Eliot letters, 1955: 182] сокрушались, что каждый месяц им приходится писать главу определенной длины. Английский критик и журналист Р. Хаттон отмечал, что нельзя понять и по достоинству оце-

нить «Ромолу» Дж. Элиот в виде отдельных выпусков, утверждал, что роману Дж. Элиот «тесно» в ограниченных рамках формы романа-сериала, а каждая часть романа закончена и не нуждается в повторении в каждой новой главе. В другом литературном обзоре писали, что «в виде романа-сериала “Ромола” неинтересна» [George Eliot..., 1971: 87], и советовал тем, кто читает «Ромолу» в выпусках, перечитать ее отдельным изданием, дабы понять роман. Джордж Мередит боялся, что, читая частями его «Приключения Гарри Ричмонда» в журнале «Корнхилл», публика не сможет увидеть едва уловимых изменений в характере героя, потому что перерывы между выпусками слишком велики. Однако Ч. Диккенс, наоборот, смог превратить данный «недостаток» в преимущество: его персонажи обладают яркой запоминающейся внешностью и характером, так что читателю легко представить героев, о которых он читает.

Обращение к широкой аудитории требовало выбора соответствующих тем: события, описываемые в романе, должны быть известны и интересны всем, ведь читателями популярной литературы были и простые люди, и социальная элита общества. Писатели должны были выбирать дешевый способ издания, однако темы произведения должны были быть соотносимы с реальным опытом всех читателей (Диккенс, например, будучи журналистом, не раз брал за основу случаи из реальной жизни разных слоев общества – так, например, «Очерки Боза» полностью состоят из наблюдений за лондонской повседневностью), поэтому в романе-сериале, как и в фельетоне, затрагивается разнообразная (и вместе с тем близкая современникам) тематика. Кроме того, писатели стремились к полному описанию жизни героя, а проследить жизненный путь как нельзя лучше помогла форма издания в выпусках: пока читатели ждали очередную главу, с героем могли произойти самые разные события. На страницах романов читатели видят отражение своей собственной жизни, замечают своих знакомых, или находят то, о чем они мечтали. Мир, изображенный, например, Ч. Диккенсом, близок его читателям: им знакома тюрьма Маршалси, по лондонским улицам бегают беспризорники, среди которых, может, бежит Оливер Твист, а вот частная школа, в которой мог учиться Дэвид Копперфильд, – так Диккенс создает мир, узнаваемый читательской аудиторией.

Литературоведы (например, Р. Аллен) отмечают, что феноменальный успех романа-фельетона «Парижские тайны» Э. Сю во многом был обусловлен выбором сенсационных тем – о заключенных, заговорах, самоубийствах, убийствах, потерянных и найденных детях. Конечно, по-

добные темы были интересны большинству читателей, что способствовало коммерческой выгоде, однако слава и коммерческая составляющая еще не были определяющими факторами: писатели рассказывали о том, что их действительно волновало, и, также, как и читатели, могли переживать за своих персонажей. Ч. Диккенс, например, в письмах друзьям и близким размышлял, что делать со своими героями, ведь все они требуют его внимания: в одном из своих писем Д. Форстеру о «Крошке Доррит», 7 мая 1850, Диккенс признавался: «Я не решил еще окончательно, но у меня появилась недурная мысль обрушить на это семейство большое состояние» [Диккенс, 1960]; А. Дюма в романе «Граф Монте-Кристо» не просто рассказывает о выдуманных приключениях героя, а обращается к истории – берет за основу реальный случай, обращается к историческим сведениям, народным преданиям и легендам, тем самым смешивая высокое и низкое, новое и узнаваемое [Пахсарьян, 2003]. Ни Диккенс, ни Дюма не интересует «официальная» история «больших» людей – правителей, полководцев и т. п. Они обращаются к «частной» истории, истории конкретного человека своей эпохи, умело сочетая историческую правду и вымысел.

Как правило, в романах-фельетонах затрагивалась вечная тема – борьба добра и зла, а вымысел причудливо переплетался с действительностью [Пахсарьян, 2005]. Это справедливо и по отношению к роману-сериалу. Ч. Диккенс, например, обращался к реалиям, волновавшим всех англичан: несправедливость суда, проблема детей-сирот, незащищенность простых людей (особенно ярко это показано в романах «Крошка Доррит», «Приключения Оливера Твиста», «Холодный дом», «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим»). При этом неправдоподобное, «фантастическое» (удачное стечение обстоятельств, неожиданное обретение доброго покровителя, случайное богатство и т. п.) определяло развязку фабулы: добро всегда одерживает победу над злом, а порой и само «зло» трансформируется, меняется; на первый взгляд отрицательные герои начинают раскаиваться в своих поступках, и, хотя Диккенс переносит решение проблемы в область чудесного, он дает своим читателям надежду, что это «чудесное» реально.

Характерным для романа-сериала является ориентация не на массового читателя-обывателя [Ортега-и-Гассет, 2001], а на различную по вкусам и предпочтениям широкую читательскую аудиторию, в которой существовала синкретичность элитарного и массового, что стимулировало писательское стремление к постоянному диалогу с читателем. Авторы

периодически обращаются к читателю со страниц романов: «может быть, читатель вспомнит», «читателю не слишком любопытно будет узнать», «я не ввожу своих читателей в заблуждение» и т. п. Образ читателя в романах-сериалах становится обобщенным, неконкретным, писатель не рассчитывает на какой-то определенный тип читателя (по сравнению, например, с литературой XVIII в., где образ читателя, во-первых, не лишен конкретики, как, скажем, в романе Ричардсона «Памела», а во-вторых, писатели обращались преимущественно к более образованной публике). Как отмечает Н. Т. Пахсарьян, в романе-фельетоне образ читателя неконкретен, обезличен, автономен, «и предполагают авторы романов-фельетонов самую широкую и неопределенную аудиторию – и социально, и эмоционально-психологически, и географически» [Пахсарьян, 2004].

Но эта едва ли не абстрактная широта читательской аудитории парадоксальным образом усиливала происходящий между романистами и публикой диалог. Так как главы выходили через определенные промежутки времени, авторы могли учитывать реакцию на уже опубликованное, реагировать на читательский отклик, иногда – вносить изменения в свой замысел. В то же время популярная литература не подчинялась желаниям публики абсолютно. Так, хотя Диккенс нередко указывал на то, что ему приходится принимать во внимание мнение своих читателей и вносить изменения в сюжет, в романе «Лавка древностей» он все же убивает «своего» ребенка – малютку Нелл. Читатели с надеждой ожидали, что Нелл сможет вынести то, что выпало на ее долю, однако Диккенс был непоколебим и, отвечая на критику, писал, что, плача над смертью Нелл, читателям нужно оглянуться вокруг – сколько таких смертей рядом с ними? – пусть хоть смерть маленькой Нелл не будет напрасной.

Популярности романа в выпусках способствовали и исторические процессы демократизации, индустриализации, урбанизации как в Англии, так и во Франции. В Англии процесс демократизации, отход от старых литературных традиций и устоев наметился еще в конце XVIII в., а в XIX этому процессу способствовали промышленная революция и, как следствие, объединение рабочего класса, готовность рабочих отстаивать свои свободы, чартизм. Возникновение нового класса читателей способствовало появлению иной проблематики, расширению круга тем. Писатели не только обращали внимание на социальные проблемы, но и выступали в своих романах с протестом против социальной несправедливости, неравенства, угнетения – своим творчеством пытались содействовать ре-

пению появившихся классовых противоречий. Диккенс, например, отмечал: «Когда я писал, я служил своей стране. Я хотел разобраться в социальной несправедливости и помочь правильно решить общественные вопросы» (цит. по: [Ивашева, 1957]), – через героев своих романов писатель хотел повлиять на представителей высших классов, убедить облегчить долю рабочих и бедняков, изменить систему существующих человеческих отношений. Диккенс не терял надежды, что своим творчеством он сможет повлиять на ход истории, а для этого был необходим самый широкий охват аудитории, что могло быть достигнуто только путем публикации в популярных и доступных всем изданиях.

Роман в выпусках XIX в. оказал заметное влияние на развитие жанра романа в целом и определил его поэтику. Даже печатаясь в отдельных книгах, романы XX в. стали строиться по схожему принципу – им свойственны фрагментарность, разделение на главы, отсутствие четких переходов от одной главы к другой, принцип кинематографического монтажа. Романы Ч. Диккенса, например, получили более 130 экранизаций благодаря особой сценической манере письма. Н.З. Шамсутдинова отмечает, что отличительной чертой английской литературы XX века является обращение к классическим образцам викторианской прозы, интеллектуальная игра, замысловатый сюжет и загадка, а также размывание границ между легендой и историей [Шамсутдинова, 2008]. В современной литературе оказывается плодотворен синтез массового и элитарного, осуществляемый постмодернизмом, что исследователи могут найти, например, у Дж. Фаулза. Сам Фаулз не раз признавал влияние на свое творчество писателей-викторианцев. В своих романах писатель переосмысливает викторианскую традицию с точки зрения приемов постмодернизма. С одной стороны, Фаулз обращается к литературным приемам викторианской эпохи, а с другой – иронически переосмысливает это время (например, в романе «Женщина французского лейтенанта»). В романе «Волхв» писатель создает «фантастическую реальность», смешивает свой личный и реальный опыт пребывания на греческом острове и вымысел, играет как и с героем, так и с читателем, в конце каждой новой главы оставляя всех в недоумении – что же произойдет дальше?

Серия романов с рекуррентными персонажами, популярная в XX в., также соотносится с формой издания популярного романа XIX в. – каждый роман должен быть единым целым и одновременно быть связан с другими романами серии. В каждом новом романе создается своя интрига, а целостность серии поддерживается возвращающимися героями.

Как правило, чаще всего к такому методу прибегают детективные, фантастические и приключенческие жанры. В этом заключается интертекстуальность массовой литературы: она ведет диалог с популярной романной формой XIX в., но чисто массовое искусство обращается к проблематике нижних ступеней пирамиды тезауруса – выживания, рождения, смерти, иерархической организации общества – и оказывается вторичным, клишированным, выходящим за рамки высокой художественности [Луков Вал., Луков Вл.].

Популярность классического романа массовой беллетристики XX в. обусловлена многими факторами, и это в первую очередь погоня за читателем с его сиюминутными желаниями, что определяет форму и содержание произведения. Массовая литература, в отличие от популярного романа XIX столетия, стремится прежде всего удовлетворить обыденное желание получения эмоций «низшего порядка» – наслаждения деньгами, властью, любовной связью; авторы обращаются к вопросам житейского успеха, семейного благополучия, продвижения по карьерной лестнице – массовое искусство представляет читателю плоскую и ограниченную картину жизни. Многие темы массовая литература заимствует у литературы популярной – жизни и смерти, семьи и детей (брошенных или найденных), внезапно полученного наследства, – однако эти вопросы раскрываются по-разному: массового читателя не интересуют глубинные социальные, политические, исторические причины того или иного явления, понятия веры, чести, долга не проблематизируются, а содержат готовые и ожидаемые обыденным сознанием ответы; в массовой литературе важны увлекательная интрига и интересный сюжет, бытовые вопросы. Таким образом, у популярной литературы и массовой литературы разные функции: популярная литература ориентирована на все слои населения, затрагивает важные для каждого читателя нравственные темы, стремится изменить мировосприятие людей, в то время как темами массовой литературы становятся обыденно-бытовые ситуации, авторы не претендуют на глубокий анализ душевного состояния героев и их поступков, цель массовой литературы – легкое, увлекательное чтение. Произведения массовой литературы следуют устоявшимся канонам и вкусам читателей, не выходят за жанровые границы («любовный роман», «детектив», «фэнтези», «триллер»), являясь ответом на потребность большинства в легком чтении.

Литературоведы часто не отводят популярному роману (роману-сериалу и роману-фельетону) особого места, а относят его целиком к массо-

вой культуре, обвиняя в отсутствии психологической прорисовки персонажей, ориентации на коммерческую составляющую и на развлечение, излишней затянутости действия, отсутствии описаний, клишированности. Однако популярная литература XIX в. объединяет в себе черты низкого и высокого, своим существованием нарушая четкое разделение элитарного и массового. Романы-сериалы и романы-фельетоны представляют собой жанровую модификацию популярного романа, удерживающую амбивалентность элитарного и массового, они обладают набором черт, присущих только данному жанру: это ориентация как на культурную элиту, так и на простого человека; охват всех социально-значимых тем; умелое сочетание вымысла и действительности. Выбор способа издания в выпусках газет был не только способом коммерциализации своего труда, а возможностью обратиться к большему количеству читателей со страниц газет и поднять злободневные темы.

Список литературы

- Диккенс Ч. Письма 1855–1870 // Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30 т. Т. 30 / Под общ. ред. А. А. Аникста и В. В. Ивашевой. М., 1960 (то же: <http://lib.ru/INPROZ/DICKENS/d301.txt>).
- Ивашева В. В. Чарльз Диккенс // Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1 / Под общ. ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна. М., 1957 (то же: <http://charles-dickens.ru/books/item/f00/s00/z00000002/st001.shtml>).
- Луков Вал. А., Луков Вл. А. Теория тезаурусного подхода // Знание. Понимание. Умение: Информационный гуманитарный портал. <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Lukovs/>.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001.
- Пахсарьян Н. Т. О литературной и социокультурной роли французского романа-фельетона XIX века // XV ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы докладов. Т. 2. М., 2005 С. 252–256.
- Пахсарьян Н. Т. Проблема «народного романтизма» и роман А. Дюма «Граф Монте-Кристо» // Романтизм: два века осмысления. Калининград, 2003. С. 115–123.
- Пахсарьян Н. Т. Читатель и писатель во французском романе-фельетоне XIX века // Филология в системе современного университетского образования: Материалы межвуз. науч. конф. 22–23 июня 2004 года. Вып. 7. М., 2004. С. 12–17.

Тюленева Е. М. Серийность как способ построения постмодернистского текста // Русская литература XX–XXI веков: Проблемы теории и методологии изучения: Материалы Междунар. науч. конф.: 10–11 ноября 2004 г. М., 2004. С. 260–262.

Шамсутдинова Н.З. «Магический» реализм в современной британской литературе (Анжела Картер, Салман Рушди): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

George Eliot: The Critical Heritage / Ed. D. Carrol. New York, 1971.

Mayo R.D. The English Novel in the Magazines: 1740–1815. Evanston, 1962. P. 17.

The George Eliot letters / Ed. Gordon Haight. VI. New Haven, 1955.

The Letters of Anthony Trollope / Ed. B.A. Booth. London, 1951.

Сведения об авторе: Шейко Анна Антоновна, преподаватель кафедры иностранных языков АГПС МЧС России. E-mail: sk8emo@inbox.ru.

Цзи Сяоцзюнь

УСТАНОВКА СПРАШИВАЮЩЕГО В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА¹

Статья посвящена изучению установки спрашивающего в общевпросительных предложениях китайского языка. Установка спрашивающего включает в себя два аспекта: эпистемический и аксиологический, в соответствии с которыми спрашивающий выбирает подходящие вопросительные конструкции для выражения своего субъективного отношения к альтернативам, заложенным в вопросе. Мы показываем, что в реальной языковой коммуникации это проявляется двояким образом: 1) выбираемые спрашивающим вопросительные конструкции соответствуют подлинной установке спрашивающего; 2) в связи с прагматическими факторами спрашивающий выбирает вопросительные конструкции, которые не соответствуют его подлинной установке.

Ключевые слова: вопросительные предложения, пропозиция, установка, китайский язык, прагматические факторы.

This article is devoted to the background assumptions of questioner in Chinese interrogative sentences. Background assumptions of questioner mainly contain two aspects, namely the epistemic one and the axiological one. According to them, the questioner selects appropriate interrogative sentence to express his background assumptions. We will show that in actual communications this semantic relation is not always straightforward: the case selected interrogative sentence corresponds to the questioner's background assumptions, sometimes the selected interrogative sentence does not correspond to the questioner's background assumptions due to pragmatic factors.

Key words: interrogative sentences, proposition, background assumptions, Chinese, pragmatic factors.

1. Постановка вопроса

В китайском бытовом диалоге используются общевпросительные предложения нескольких типов: 1) 你吃了(吗)? *Ni chi le ma?* ‘Ты ел?’²; 2)

¹ Статья написана при поддержке Китайского Государственного фонда международного обмена учащимися 2016 г. Автор благодарит И. М. Кобозеву, прочитавшую первый вариант данной статьи и высказавшую ряд ценных замечаний, которые были учтены при подготовке окончательного варианта. Разумеется, вся ответственность за возможные недочеты данной работы лежит на самом авторе.

² В данном разделе статьи приводятся примеры на китайском языке с передачей их звучания с помощью русских букв и переводом на русский язык. В следу-

你吃了吧? *Ni chi le ba?* ‘Ты ел, да?’; 3) 你没吃(吗)? *Ni mei chi ma?* ‘Ты не ел?’; 4) *Ni mei chi ba?* *Ни мэй чи ба?* ‘Ты не ел, да?’; 5) 饭吃了没? *Fan chi le mei?* ‘Ел или не ел?’. Подобная вариативность отражает некие субъективно-модальные различия, точнее, различия в так называемом «исходном предположении» [Падучева, 1981], или «установке» [Баранов, Кобозева, 1983] – компоненте смысла вопроса, отражающем отношение спрашивающего к альтернативам, заключенным в вопросе³. Далее мы будем называть этот компонент установкой спрашивающего.

В данной статье мы анализируем установку спрашивающего в разных вопросительных конструкциях китайского языка на основе концепции А. Н. Баранова и И. М. Кобозевой, выработанной при изучении русских общевопросительных предложений (ОВП). Соотношения между установками спрашивающего и выбранными им вопросительными конструкциями в китайском языке посвящена и часть диссертации Т. С. Билдуевой, в которой автором выделено пять типов общевопросительных предложений в китайском языке [Билдуева, 2008]. Предлагаемое Билдуевой подробное описание этих типов предложений является результатом внимательного контекстуального анализа и обобщения языковых данных китайского языка. Но надо отметить, что не все типы ОВП в китайском языке, которые мы будем рассматривать далее, были ею учтены.

2. Разъяснение терминов

В [Баранов, Кобозева, 1983] в изучение русских ОВП вводится понятие «установочный компонент» или «установка», отражающее субъективное отношение говорящего к пропозициональному содержанию вопроса, представляющему собой дизъюнкцию альтернатив (Р или не Р). Будучи имплицитным семантическим компонентом, установка противопоставляется пресуппозиции. Во-первых, пресуппозиция является общей информацией, точнее, фоновым знанием для обеих сторон коммуникации. Она представляет собой предварительное условие для понимания смысла высказывания. Установка же вводится в описание вопросительных предложений (ВП), чтобы отразить некие ожидания спрашивающего, проявляющиеся в выборе формы ВП. Во-вторых, пресуппозиция ВП сохраняется при любом прямом, в том числе отрицательном ответе

ющих разделах китайские примеры глоссируются и переводятся на русский язык. Следует подчеркнуть, что русский перевод является не полностью эквивалентным, но ближайшим смысловым аналогом китайского оригинала.

³ Это понятие под названием «background assumption» впервые было введено Ф. Кифером при анализе семантики частновопросительных предложений английского языка. Этот тип имплицитной информации в вопросительном предложении он противопоставил пресуппозиции [Kiefer, 1977: 247–271].

слушающего на этот вопрос, тогда как установку спрашивающего прямой отрицательный ответ может отрицать. В-третьих, когда пресуппозиция не удовлетворена, то это приводит к неудаче коммуникации, а если не удовлетворена установка, то никакого ущерба коммуникации это не наносит, ведь установка ВП – это лишь предположение спрашивающего. В-четвертых, в вопросительных предложениях типа «Существуют ли инопланетяне?» пресуппозиция считается пустой, а установка в них присутствует, отражая предположения спрашивающего.

В [Баранов, Кобозева, 1983] в установке выделяется два аспекта – эпистемический (оценка сравнительной вероятности альтернатив) и аксиологический (оценка альтернатив в терминах «хорошо / плохо» или «желательно / нежелательно»). Эти два аспекта могут по-разному сочетаться друг с другом, что проявляется в 9 разных семантических разновидностях ОВП. Мы попытаемся выяснить, какие установки спрашивающего соответствуют разным вопросительным конструкциям китайского языка, анализируя контекст, в котором употреблена вопросительная конструкция.

3. Установка спрашивающего и степень вопросительности

Наиболее близким к понятию установки в китайском языкознании является понятие степени вопросительности (СтВ). Соотношение между СтВ и вопросительными конструкциями давно является предметом дискуссии у исследователей китайского языка. Особо следует отметить работы в данной области [Люй Шусян, 1942], [Чжао Юанжэнь, 1979], [Сюй Цзе, Чжан Линьлинь, 1985], [Хуан Гоин, 1986], [Ли Юймин, Тан Чжидун, 1992], [Шао Цзинминь, 1996]. При анализе данной проблематики они подробно описывали СтВ, например, Сюй Цзе разделил СтВ на 100%, 80%, 60% и 40%⁴, изучая соотношение СтВ с вопросительными конструкциями: вопросами с вопросительными местоимениями (специальными вопросами), повторными вопросами (переспросами), альтернативными вопросами, общими вопросами, конструкциями с вопросительной частицей *нэ* и т. д.

Мы присоединяемся к мнению Шао Цзинминя, который ранжирует СтВ по доле уверенности / вопросительности. Очевидно, что СтВ в китайской лингвистике соответствует эпистемической установке вопроса, то есть в случаях, когда у спрашивающего в отношении к пропозициональному содержанию вопроса больше уверенности, чем вопросительно-

⁴ Разумеется, чем меньше степень вопросительности ВК, тем дальше они отклоняются от функции собственно вопроса; например, вопрос при наименьшей степени вопросительности превращается в риторический вопрос, по сути утверждение.

сти, это значит, что позитивная альтернатива более вероятна, и наоборот, позитивная альтернатива менее вероятна при большей вопросительности спрашивающего. Наконец, уверенность и вопросительность находятся на одном уровне, когда у спрашивающего нет оснований считать одну из альтернатив более вероятной. Подчеркнем, что в китайской лингвистике изучение СтВ касается только эпистемического аспекта установки спрашивающего, мы же будем рассматривать употребление вопросительных конструкций и с учетом аксиологического аспекта.

4. Вопросительные конструкции и установка спрашивающего

Как было сказано выше, установка спрашивающего может быть выражена одной или несколькими вопросительными конструкциями, и наоборот, некоторая вопросительная конструкция может выражать разные установки спрашивающего. Предпочтение одной из альтернатив в эпистемическом или аксиологическом аспектах, а также приоритетность одного из двух аспектов (в терминах противопосталения «фигура / фон») оказывают влияние на выбор спрашивающим соответствующей вопросительной конструкции. Подробно рассмотрим, как это отражается в синтаксисе китайского языка⁵.

4.1. NP+VP?

(1)	奶妈	把	纸条	给	你	了? ⁶
	Naima	ba	zhitia	gei	ni	le?
	Няня	PRT	бумажка	дать	ты	PF ⁷
	Няня бумажку тебе дала?					

⁵ В этой статье мы исключим из рассмотрения альтернативные и специальные вопросы. В альтернативных вопросах (Вы будете пить кофе или чай?) анализ установки спрашивающего надо проводить отдельно по каждой из вербализованных в ВП альтернатив. Вероятности каждой из альтернатив (эпистемический аспект установки) в альтернативных вопросах равны, но аксиологические установки по этим альтернативам могут отличаться. Например: – Ты не скажешь, новый директор, он член партии (более желательна) или беспартийный (менее желательна)? Различаются ли в специальных (частных) ВП эпистемическая и аксиологическая установки – проблема, требующая дальнейших исследований.

⁶ Здесь и далее примеры взяты из корпуса Центра китайской лингвистики Пекинского университета. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus.

⁷ Здесь и далее мы даем упрощенное глоссирование примеров, используя следующие сокращения: PRT – служебный форматив, частица; PF – показатель с перфективным значением, COP – связка, PRT-MOD – модальная частица, QM – вопросительно-модальная частица, POSS – показатель посессива, CNT-COND – коннектор с условным значением, Adr – предлог со значением адресата, Loc – предлог с общим локативным значением, Ess – показатель эссива.

Контекст этого вопроса позволяет заключить, что позитивная альтернатива представляется спрашивающему и более вероятной, и желательной. Иными словами, форма ВП отражает позитивную установку и в эпистемическом, и в аксиологическом аспекте.

- (2) 你 给 你 父亲 看 了?
 Ni gei ni fuqin kan le?
 Ты дать ты отец смотреть PF

Ты показал своему отцу?

В данной ситуации (спрашивающий задает вопрос с испугом) для спрашивающего позитивная альтернатива установки является более вероятной, но менее желательной. Очевидно, что приоритетным («фигурой») здесь явился эпистемический аспект.

- (3) 你 给 他们 打 了 电话?
 Ni gei tamen da le dianhua?
 Ты Adr они звонить PF телефон
 Ты им звонил?

В указанном случае аксиологическая установка спрашивающего позитивная, а в эпистемическом аспекте позитивная и негативная альтернативы равновероятны, так как спрашивающий не имеет оснований для предпочтения одной из них. Позитивная форма вопроса (отсутствие показателя отрицания) показывает, что эпистемический аспект установки является фоновым, а на первый план выдвигается позитивная аксиологическая установка, приоритетная в данном случае для спрашивающего.

Из приведенных примеров видно, что данная конструкция используется тогда, когда у говорящего имеется эпистемическая и (или) аксиологическая установка на позитивную альтернативу, что и было показано в исследовании [Билдуева, 2008: 13]. Но надо сказать, что если в данную конструкцию входит дискурсивное слово (наречие, частица), которое явно выражает определенное эпистемическое значение, то это значение может подавить установки, присущие исходной конструкции, например:

- (4) 祥林 嫂 竟 肯依?
 Xianglin sao jing kenyi?..
 Сянлин жена PRT 'вопреки ожиданиям' согласиться

И жена Сянлина все-таки согласилась?

Здесь при помощи дискурсивного слова *zhi* (≈ 'все-таки') выражена эпистемическая установка спрашивающего на негативную альтернативу (он считал более вероятным, что жена Сянлина не согласилась). Без этого слова данное ОВП выражало бы эпистемическую установку на позитивную альтернативу, поскольку из контекста можно понять, что аксиологического отношения к альтернативам ОВП у спрашивающего нет.

4.2. NP+VP+ *ma*⁸? Т

- (5) 熊 澧南, 印 鉴远, 你 见 我 兄弟 老二 吗?
 Xiong Linan, Yin Jianyuan, ni jian wo xiongdi lao'er ma?
 Сюн Линань, Инь Цзяньюань, ты видеть мой брат младший QM

Сюн Линань, Инь Цзяньюань, вы видели моего младшего брата?

В данной ситуации спрашивающий задает вопрос тем, кто часто был рядом с его младшим братом, желая узнать, видели ли они его. В этом примере для спрашивающего позитивная альтернатива в эпистемическом аспекте является более вероятной, и, конечно, для спрашивающего она является также и желательной⁹.

- (6) 我们 会 迟到 吗? 丌
 Women hui chidao ma?
 Мы мочь опоздать QM

Мы опоздаем?

Контекст: с говорящим и адресатом случилась авария, автомобиль выведен из строя, и телефон тоже не работает, так что обратиться за помощью невозможно. Они находятся в малолюдном месте, добраться до цели можно только пешком. Вероятнее всего, они опоздают, то есть у говорящего эпистемическая установка на позитивную альтернативу, которая нежелательна для него.

- (7) 有一次 你 来 陪 我 玩 摇摇, 你 记得 吗?
 You yici ni lai pei wo wan yaoyao, ni jide ma?
 Однажды ты прийти сопроводить я играть качели, ты помнить QM

Ты помнишь, однажды ты сопровождал меня кататься на качелях?

Здесь говорящий хочет узнать, помнит ли все еще адресат тот момент, о котором идет речь. Безусловно, говорящий хочет, чтобы адресат это помнил, то есть у него аксиологическая установка на позитивную альтернативу. Но это случилось давно, говорящий не может определить сравнительные вероятности альтернатив, и поэтому у него нет определенной эпистемической установки.

⁸ В китайском языке принято выделять категорию вопросительно-модальных частиц (далее QM), к которым китайские лингвисты относят ма (吗), нэ (呢), ба (吧). [Чжу Дэси, 1982: 211], [Лу Цзянмин, 1984]. И эти вопросительные частицы находятся в конце ВП. Вопросительная частица нэ (呢) в [Билдуева, 2008] не была описана.

⁹ Ср. с традиционным представлением о степени вопросительности общих вопросов с вопросительной частицей «ма (吗)» в китайской лингвистике, например, положительный ответ на общие вопросы с «ма (吗)» в большей или меньшей степени подвергается сомнению, т. е. вероятность его меньше 50% [Чжао Юанжэнь, 1979]; в общих вопросах с «ма (吗)» уверенность – 1/4, а вопросительность – 3/4 [Шао Цзинминь, 1996]; вопросительность в да-нет вопросах с вопросительной частицей «ма (吗)» – 80% [Сюй Цзе, Чжан Линьлинь, 1985].

- (8) 要 我 走 么?
 Yao wo zou me?
 Надо я идти QM
 Мне надо идти?

В данном случае спрашивающий задает вопрос при явном нежелании идти, то есть на самом деле желательной для него является негативная альтернатива (отсутствие обязанности идти), но форма ВП соответствует позитивной альтернативе (показателя отрицания нет). По-видимому, в данном случае на первый план выходит эпистемическая установка (спрашивающий считает более вероятным, что идти придется).

Двум рассмотренным конструкциям – 4.1. и 4.2. – синтаксически соответствуют конструкции с отрицанием: NP+Neg+VP? и NP+Neg+VP+ma? Отрицательный компонент в конструкциях этого типа, как правило, превращает собственно вопрос в утверждение, выражающее недоверие, сомнение, удивление. В Большом китайско-русском словаре указано, что если сказуемое предложения является отрицательным (с показателями 不, 沒有) – конечная частица *ma* оформляет риторического вопрос, подчеркивая оттенок недоверия¹⁰. Именно поэтому мы подобные конструкции не рассматриваем.

4.3. NP+VP+ *ba*?

- (9) 咱们 快 走 吧?
 Zanmen kuai zou ba?
 Мы побыстрее пойти QM

Нам побыстрее отправиться?

Из контекста следует, что говорящий хочет помочь любимой девушке найти потерянных близких (маму и младшего брата), поэтому заданный им вопрос выражает позитивную альтернативу и в эпистемическом, и в аксиологическом аспектах.

- (10) 您的 孩子 都 成人 了 吧?
 Ninde haizi dou chengren le ba?
 Ваши дети все взрослые PF-PRT QM

Все ваши дети уже выросли?

В данном случае подчеркивается эпистемический аспект установки спрашивающего по сравнению с аксиологическим аспектом: в большей степени вероятна позитивная альтернатива (дети уже взрослые). В по-

¹⁰ Ср. с мнением, что данный тип вопросительных предложений показывает, что у говорящего имеется эпистемическая установка на отрицательную альтернативу [Билдуева, 2008: 15, 19].

добных случаях «фигурой» является позитивная эпистемическая альтернатива, а аксиологический аспект в данном случае нерелевантен.

- (11) 你 要 搬走 吧?
 Ni yao banzou ba?
 Ты собираться переехать QM.

Ты собираешься переехать?

Из контекста мы узнаем, что у спрашивающего даже побелели губы, когда он задавал свой вопрос, настолько он был взволнован нежелательной для него перспективой переезда адресата. При этом спрашивающий считает, что по имеющимся сведениям более вероятна та альтернатива, что слушающий уедет, то есть у спрашивающего имеется эпистемическая установка на позитивную альтернативу при аксиологической установке на негативную.

- (12) 爷爷, 抄完 了, 您 还 讲 吧?
 Yeye chaowan le, nin hai jiang ba?
 Дед, переписать PRT-PF вы еще рассказывать QM
 Дедушка, когда я перепису, вы будете еще рассказывать?

В данном случае спрашивающий подчеркивает аксиологическую установку, так как позитивная альтернатива для него более желательна. При этом ему трудно определить, насколько эта альтернатива вероятна, поскольку, с одной стороны, дед не должен игнорировать желание внука, а с другой, время уже позднее, пора идти спать.

4.4. NP+NEG+VP+ ba ?

- (13) 昨 夜 你 没有 休息 好 吧?
 Zuo ye ni meiyou xiuxi hao ba?
 Вчера ночью ты NEG2 отдыхать хорошо QM
 Вчера ночью тебе плохо спалось?

- (14) 那 孩 子 没 事 吧? ”
 Na haizi mei shi ba?
 Тот ребенок NEG2 случилось QM
 Все нормально с тем ребенком?

Как показывает языковой материал, в противопоставление позитивной форме данной ВК (4.3) негативная форма выражает, что у спрашивающего имеется эпистемическая или аксиологическая установка на негативную альтернативу. В примере (13) для спрашивающего негативная альтернатива (вчера ночью адресату не спалось хорошо) более вероятна, но она не является желательной, то есть негативная форма ОВП отражает приоритетность эпистемической установки. В примере (14), наоборот, по имеющимся у спрашивающего сведениям более вероятна позитивная альтернатива (с ребенком что-то плохое случилось), при этом он, как и всякий нормальный человек, хочет, чтобы с ребенком ничего (плохого)

не случилось, то есть негативная форма ОВП отражает приоритетность аксиологической установки.

4.5. VP+NEG+VP¹¹?

(15)	一个	人	死	了	之后,	究竟,	有	没	有	魂灵	的?
Yige	ren	si	le	zhihou,	jiujing	you	mei	you	hunling	de?	
Один	человек	умереть	PF	после,	ADV-MOD	иметь	NEG ₂	иметь	душа	POSS.	

Существует ли душа после смерти человека?

Когда жена Сянлиня – спрашивающий – задает вопрос, ее предыдущий опыт не содержит сведений, на основе которых можно было бы построить исходное предположение, но она хочет, чтобы после смерти человека существовала душа, так как тогда ее душа сможет «встретиться» со своей семьей.

(16)	家里	有	孩子	没	有	啊?
Ziali	you	haizi	mei	you	a?	
Дома	иметь	дети	NEG ₂	иметь	PRT-MOD	

Есть ли у тебя дома дети?

В этом контексте у спрашивающего нет приоритетной альтернативы ни в эпистемическом, ни в аксиологическом аспекте.

(17)	我	是	能干,	但	你们	是	不	是	看见	有钱人	就	夸	呢?
Wo	shi	nenggan,	dan	nimen	shi	bu	shi	kanjian	youqianren	jiu	kua	ne?	
Я	COP	способный,	но	вы	COP	NEG1	COP	видеть	богатые	сразу	хвалить	QM.	

Я действительно способный, но не сразу ли вы хвалите богатых при встрече с ними?

Здесь спрашивающий выбирает данную конструкцию, чтобы скрыть имеющееся у него предположение по причинам, связанным с требованиями речевого этикета. Видно из контекста, что спрашивающий на самом деле думает, что слушающие так и делают при встрече с богатыми, то есть у него эпистемическая установка на позитивную альтернативу, но аксиологически эта альтернатива нежелательная. Данная конструкция выбирается говорящим именно потому, что она исходно предназначена для выражения равной вероятности альтернатив. Как сказано в [Шао Цзинминь, 1996: 12], ввиду сосуществования позитивной и негативной альтернатив вероятность и невероятность равны, степень вопроситель-

¹¹ В этой статье мы исключим из рассмотрения альтернативные и специальные вопросы. В альтернативных вопросах (Вы будете пить кофе или чай?) анализ установки спрашивающего надо проводить отдельно по каждой из вербализованных в ВП альтернатив. Вероятности каждой из альтернатив (эпистемический аспект установки) в альтернативных вопросах равны, но аксиологические установки по этим альтернативам могут отличаться. Например: – Ты не скажешь, новый директор, он член партии (более желательна) или беспартийный (менее желательна)? Различаются ли в специальных (частных) ВП эпистемическая и аксиологическая установки – проблема, требующая дальнейших исследований.

ности находится в середине шкалы. Чжао Юанжэнь [Чжао Юанжэнь, 1979] тоже считает, что в конструкции с «V-не-V» спрашивающий не склоняется ни к какой из двух противоположных установок. В таком случае выбор конструкции диктуется прагматическими «правилами вежливости» типа: не оказывай давления на адресата, предоставляй ему максимум свободы в выборе ответной реакции [Lakoff, 1973]. Одновременно говорящий скрывает наличие у него исходного предположения об отрицательно оцениваемом поведении со стороны адресата (хвалить богатых, еще не узнав их как следует). Обратим внимание на то, что ближайшей по смыслу конструкцией в русском языке является позитивный ли-вопрос, о чем свидетельствуют приведенные выше переводы.

4.6. NP+VP+mei you?

- (18) 你 把 我的 汤婆子 灌好 了 没有?
 ni ba wode tangpozi guanhao le meiyou?
 ты PRT мой грелка наполнить PF NEG₂

Наполнила ли ты мне грелку?

Здесь спрашивающий хочет, чтобы адресат наполнил ему грелку, но при этом он не имеет представления о вероятности совершения действия адресатом.

- (19) 你 吃饭 了 没有?
 Ni chifan le meiyou?
 Ты обедать PF-PRT NEG₂
 Ты обедал или нет?

В данной ситуации, судя по контексту, спрашивающий не знает, обедал ли адресат, к тому же ему это безразлично в аксиологическом аспекте.

- (20) 伤着 没有?
 Shanche meiyou?
 Быть раненым NEG2?
 Ты не ранен?

Здесь сестра задает вопрос своему брату, беспокоясь о нем. Очевидно, что желательна для нее негативная альтернатива. Именно поэтому в русском переводе использовано простое негативное ВП. В китайском предложении выбран вариант, который мотивирован не аксиологической, а эпистемической установкой спрашивающего. В данном случае имеет место эпистемический «конфликт» между позитивной и негативной альтернативами: с одной стороны, когда человека ударили, то он мог получить рану, с другой стороны, поскольку тот, кто ударил – старик старше семидесяти лет, то тот, кого ударили, вряд ли получит рану. На этой основе выбрана данная конструкция, которая аналогична конструкции VP+NEG+VP? (4.4.) в том, что она тоже выражает нейтральность в эпис-

темической установке спрашивающего (равную вероятность для него обеих альтернатив), и отличается только тем, что выражает отнесенность предиката к прошедшему времени.

4.7. CNT-COND +(NP)+(NEG)+VP+ *ne*?

Данная конструкция имеет грамматическое значение: ‘если (NP) VP, то что делать?’ [Шао Цзинминь, 1996: 42]. В китайской лингвистике этот вид ВП называется гипотетическим вопросом, см. (19). Эпистемическая установка спрашивающего данного типа закодирована в самой вопросительной конструкции при помощи коннектора с гипотетическим значением ‘если’: говорящий высказывает предположение о возможности положения дел, соответствующего пропозиции ВП: утвердительной в (21) и отрицательной в (22).

- (21) 放 在 棚 上, 万一 叫 耗子 拉去 呢?
 Fan zai peng shang, wanyi jiao haozi laqu ne?
 Класть Loc навес Ess, если DM мыши утащить QM
 Спрячу (золотой браслет) на навес, а что если мыши утащат?

- (22) 他 要是 没 有 通行证 呢?
 Ta yaoshi mei you tongxingzheng ne?
 Он если не иметь пропуск QM

А что если у него нет пропуска?

Задавая вопрос, спрашивающий выражает гипотезу, то есть мнение о возможности ситуации, обозначаемой пропозициональным содержанием вопроса. Спрашивающий не имеет никакого представления о том, насколько вероятно, что предполагаемая им возможность реализуется, то есть эпистемической установки, но он, как правило, не хочет этого (чтобы мыши утащили золотой браслет, чтобы у того, о ком идет речь, не было пропуска), то есть в таких вопросах представлена негативная аксиологическая установка по отношению к гипотетической ситуации.

4.8. Эллиптические уточняющие вопросы с частицей *ne*

Анализ материала показывает, что «гипотетические вопросы» – это не единственная вопросительная конструкция с частицей *ne* (呢). Эта частица употребляется также в эллиптических уточняющих вопросах, которые, отсылая к пропозициональному содержанию предшествующего высказывания, запрашивают информацию, которая должна дополнить и / или уточнить его. Установка спрашивающего в вопросах этого типа формируется с учетом пропозиционального содержания предыдущего высказывания.

Рассмотрим примеры эллиптических уточняющих вопросов:

- (23) “听说 第二天 也 没有 起来。”
 Tingshuo di'er tian ye meiyou qilai.
 Говорят второй день тоже NEG₂ встать.
 她 抬起 眼来 说。 “后来 呢？”
 Ta taiqi yanlai shuo. Houlai ne?
 Она поднять глаза сказать Потом QM

«Говорят, что на второй день (жена Сянлия) тоже не встала».

Она подняла глаза и сказала: «А потом?»»

В данном контексте вопрос был задан о том, встала ли жена Сянлия потом – на третий день и т. д. Спрашивающий не может определить вероятность альтернатив, так как, с одной стороны, исходя из того, что человек, не ограниченный в движениях, не может всегда лежать, даже если, как в данной ситуации, жена Сянлия не встает потому, что не хочет выходить замуж за другого человека; однако после такого сильного переживания она могла тяжело заболеть и долго не вставать. То есть установка спрашивающего не эпистемическая. И при этом спрашивающий, безусловно, хочет, чтобы жена Сянлия встала потом, выражая свою заботу и беспокойство уточняющим вопросом. Таким образом, в данном вопросе имплицирована позитивная аксиологическая установка, но вербально (выбором позитивной формы пропозиции ВП) она не выражена, поскольку вопрос эллиптический.

Особо следует остановиться на эллиптических ВК со структурой NP + ne?¹²

[Некто сообщает, что к нему прибыли спасающиеся бегством родственники и адресат этого сообщения с волнением спрашивает:]

- (24) 梅 小姐 呢?
 Mei xiaozhe ne?
 Мэй барышня QM

А Мэй?

Из контекста ясно, что спрашивающий очень хочет видеть свою двоюродную сестру Мэй, то есть аксиологически приоритетна для него позитив-

¹² Конструкция NP + 呢 (ne)? имеет два значения: 1) вопрос о местонахождении кого / чего-л. (≈ Где NP?); 2) вопрос, который примерно соответствует русскому А что с NP? [Шао Цзинминь, 1996: 32]. В первом случае конструкция семантически является специальным вопросом, в котором отсутствует оппозиция «вероятности / невероятности» каждой из множества альтернатив, заключенных в специальных вопросах. Во втором случае вопрос может быть только реакцией на предшествующее высказывание, он семантически соотносится с пропозициональным содержанием этого высказывания. И если в предыдущем высказывании формально существует оппозиция «вероятности / невероятности», то можно определить установку спрашивающего в данной конструкции.

ная альтернатива (Мэй приехала), а эпистемически для него ни одна из альтернатив (Мэй приехала / Мэй не приехала) не является приоритетной.

[Начальник компании узнал, что некий работник опоздал на работу, и он спрашивает:]

- (25) 其他 人 呢?
 Qita ren ne?
 Другие люди QM.
 А другие?

Начальник хочет узнать, опоздали ли другие на работу, про что он до этого не имел никакой информации, то есть эпистемически для него обе альтернативы равны. При этом он, безусловно, не заинтересован в том, чтобы и другие опоздали, то есть аксиологически приоритетна негативная альтернатива (другие не опоздали).

Как показывают примеры, эллиптические уточняющие вопросы имеют нейтральную эпистемическую установку (альтернативы, на которые указывает вопрос, равновероятны для спрашивающего), а аксиологическая установка в них не специфицирована и может быть выведена только из фоновых знаний.

Итак, ВК типа NP+ VP? в первую очередь выражает эпистемическую и / или аксиологическую установку говорящего на позитивную альтернативу вопроса. ВК типа NP+VP+ma? выражает прежде всего не негативную эпистемическую установку и вместе с тем выражает некую аксиологическую установку, либо позитивную, либо негативную. ВК типа NP+VP+ba? подчеркивает позитивную установку в эпистемическом и (или) аксиологическом аспекте, так как вопросительная частица ба имеет наименьшую степень вопросительности. NP+Neg+VP+ba? подчеркивает эпистемическую и / или аксиологическую установку на негативную альтернативу. ВК типа VP+NEG+VP и NP+VP+NEG2? ярко свидетельствуют о том, что спрашивающий не отдает предпочтения одной из альтернатив в плане ее большей вероятности (иногда говорящий скрывает таким образом имеющуюся у него установку из этикетных соображений). И это совместимо с разными установками в аксиологическом аспекте. «Гипотетический» вопрос, маркером которого выступает коннектор с условным значением ('если') и частица пе, выражает мнение говорящего о возможности некоторого положения дел, которое может соответствовать либо утвердительной, либо отрицательной пропозиции, и то положение дел, как правило, оценивается говорящим как нежелательное.

Эллиптические уточняющие вопросы с частицей *не* обычно выражают незнание нейтральность эпистемической установки (равновероятность альтернатив вопроса, восстанавливаемых с опорой на предшествующую реплику собеседника).

5. Заключение

В данной статье проанализированы соотношения между установкой спрашивающего и вопросительными конструкциями китайского языка. Разные конструкции отражают разные субъективные отношения (установки) спрашивающего к альтернативам общего вопроса. Эпистемические и / или аксиологические предпочтения спрашивающего, его гипотезы (предположения) приводят к выбору той или иной конструкции. В реальном речевом общении это проявляется двояким образом: 1) вопросительная конструкция отражает действительную установку спрашивающего; 2) в связи с прагматическими факторами спрашивающий выбирает вопросительную конструкцию, которая отражает установку, не соответствующую его подлинной установке.

Вообще говоря, в типичной ситуации (например, в обеденное время) вопрос *你吃了(吗)?* (Ни чи лэ ма?; Ты ел?) выражает, скорее всего, позитивную аксиологическую установку спрашивающего, то есть он не против вместе с адресатом обедать; *“你吃了吧?”* (Ни чи лэ ба?; Ты ел, да?) показывает, что у спрашивающего эпистемическая установка на позитивную альтернативу и что для него она также желательна, иными словами, спрашивающий не хочет вместе с собеседником обедать; *“你没吃(吗)?”* (Ни мэй чи ма?; Ты не ел?) часто используется как реактивная реплика, выражающая недоверие или сомнение в полученной информации; *“你没吃吧?”* (Ни мэй чи ба?; Ты не ел, да?) используется в том случае, когда негативная альтернатива для спрашивающего более желательна и он хочет вместе с собеседником обедать; *“饭吃了没?”* (Фань чи лэ мэй?; Ты ел или нет?) понимается как вопрос без особой установки, то есть у спрашивающего нет особого исходного предположения ни в эпистемическом, ни в аксиологическом аспектах.

Список литературы

- Баранов А.Н., Кобозева И.М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. № 3. С. 263–274.
- Билдугева Т.С. Синтаксис, семантика и прагматика общевопросительных предложений современного китайского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учеб. 2-е изд. М., 2004.

- Ли Юймин, Тан Чжидун. Об усвоении детьми-ханьцами системы вопросительных предложений. Ухань, 1992 (李宇明、唐志东, 《汉族儿童问句系统习得探微》, 武汉, 华中师范大学出版社, 1992).
- Лу Цзянмин. О вопросительных частицах в современном китайском языке // Китайский язык. 1984. № 5. С. 330–337 (陆俭明, 关于现代汉语里的疑问语气词, 《中国语文》, 1984年第5期, 330–337页).
- Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка. Пекин, 1942. (吕叔湘, 《中国文法要略》, 北京, 商务印书馆, 1942).
- Сюй Цзе, Чжан Линьлинь. Степень вопросительности и вопросительные конструкции // Вестник Цзянсийского педагогического университета. 1985. № 2. С. 71–79 (徐杰、张林林, 疑问程度与疑问句式, 江西师范大学学报, 1985年第2期, 71–79页).
- Хуан Гоин. Об использовании конструкций с частицей «ма» // Лингвистическое исследование. 1986. № 2. С. 131–135 (黄国营, “吗”字句用法初探, 《语言研究》, 1986年第2期, 131–135页).
- Чжао Юанжэнь. Грамматика разговорного китайского языка. Пекин, 1979 (赵元任, 《汉语口语语法》, 北京, 商务印书馆, 1979).
- Чжу Дэси. Очерки по грамматике. Пекин, 1982 (朱德熙, 《语法讲义》, 北京, 商务印书馆, 1982).
- Шяо Цзинминь. О вопросительных предложениях современного китайского языка. Шанхай, 1996 (邵敬敏, 《现代汉语疑问句研究》, 上海, 华东师范大学出版社, 1996).
- Kiefer F. Some semantic and pragmatic properties of WH-questions and the corresponding answers // Statist. Meth. Linguist. Vol. 3. 1977. P. 42–71.

Сведения об авторе: Ци Сяоцзюнь, докт. филол. наук, преподаватель Института иностранных языков Сучжоуского университета Китая. E-mail: borisji@mail.ru.

«Современник» против «Москвитянина»: Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / Изд. подгот. А.В. Вдовин, К.Ю. Зубков, А.С. Федотов. СПб.: Нестор-История, 2015. 872 с.

Книга «“Современник” против “Москвитянина”: Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов» посвящена литературному спору двух ведущих журналов эпохи «мрачного семилетья». В русской традиции исследования, касающиеся такого рода полемики, обычно берут за основу только одного участника спора, делая его центральной фигурой изысканий¹. Обсуждаемая нами книга поставила в центр саму ситуацию полемики. Такой новаторский формат оптимален для книги, дающей представление о двух журналах не как о двух отдельных самостоятельных явлениях, а через их «переписку», обмен репликами и уколами, и помогает читателю воспринять сложное явление журнальной полемики как единый текст. Составители не определяют жанр, однако можно сказать, что издание представляет собой антологию полемики, ключевыми фигурами которой были «Москвитянин» и «Современник», втянувшие в спор всех крупных действующих лиц поля словесности «мрачного семилетья». Книга содержит 47 статей: большая часть из «Современника» и «Москвитянина», 3 статьи из «Отечественных записок» (с. 686, 704, 734), 2 статьи из «Библиотеки для чтения» (с. 671, 685). Предваряет книгу фундаментальная вступительная статья, завершают комментарии и указатель имен. В двух приложениях помещены: статья Григорьева, не пропущенная цензурой, а также составленные Вдовиным библиографии критических статей участников «молодой редакции» Б.Н. Алмазова, Т.И. Филиппова, Е.Н. Эдельсона, опубликованных в «Москвитянине». Тексты статей и комментариев готовили Вдовин, Зубков и Федотов. Ответственные редакторы А.Ю. Балакин и К.Ю. Зубков.

¹ Однако есть и примеры изданий, посвященных именно полемике. См., например: Борщевский С.С. Щедрин и Достоевский: История их идейной борьбы. М., 1956.

Часть текстов перепечатывается впервые после журнальной публикации. Издание снабжено иллюстрациями, причем некоторые (фотографии членов «молодой редакции») публикуются впервые (с. 869).

Спор показан в том виде, который был доступен широкой аудитории (для этого даны версии статей с цензурными изъятиями) (с. 575), однако, поскольку оба журнала показаны в развитии, в приложении дана статья Григорьева, не пропущенная цензурой, дающая понятие об эволюции взглядов «молодой редакции» (с. 31). Отбор статей обусловлен стремлением представить наиболее репрезентативные тексты для понимания важнейших эпизодов полемики и обойти частные моменты спора, а также уделить особое внимание репрезентации разных жанров (фельетон, статья, рецензия, обзор, пародия). В увесистый том вошли только выдающиеся статьи этой полемики (с. 32). Остается пожалеть, что нет указателя всех участвовавших в полемике статей, – работа, сделанная авторами при отборе наиболее значимых текстов, скрыта от читателя (тем более что авторы признают, что отбор статей неизбежно субъективен, с. 5). Впрочем, хотя читатель не видит перечня всех полемических статей, то есть масштаб полемики несколько завуалирован, задача составителей – представить во всем многообразии литературную полемику эпохи «мрачного семилетья», центральным эпизодом которой было противостояние критиков «Современника» и «Москвитянина», а также доказать, что этот период – самостоятельный и важный для изучения этап в истории русской критики, – безусловно, выполнена. Стремление составителей восполнить пробел в изучении «Москвитянина» указанного периода приводит к тому, что в книге этому журналу уделено больше внимания: например, комментарий о каждом авторе и его роли в полемике для москвитянинцев обширнее, даны библиографии сотрудников «молодой редакции». В принципе это оправданно, однако, на наш взгляд, для полноты картины стоило дать отсылки к спискам статей членов редакции «Современника».

Исследование восполняет лакуну в изучении журналистики периода «мрачного семилетья»: критика «Современника», будучи самостоятельным явлением, обычно рассматривалась как переходный период от эпохи Белинского ко времени Чернышевского (8), «Москвитянин» же этого периода как эстетическое явление вообще незаслуженно обойден литературоведами. Между тем, в 1850-е гг. конфликтовавшие журналы были противопоставлены не только характером критики, но и художественными феноменами (И. С. Тургенев, И. И. Панаев, А. В. Дружнин и др. против

А.Н. Островского и А.Ф. Писемского). Со времен В.Е. Евгеньева-Максимова «Современник» впервые системно рассмотрен как сложное, пестрое, многосоставное явление, включающее в себя и дистанцирование от некоторых идей В.Г. Белинского, и отсутствие единой эстетической концепции (с. 9–10). Хронологические рамки исследования обусловлены желанием составителей представить полемику наиболее полно: первое полемическое выступление относится к 1851 г. (с. 614), однако книга открывается 1850-м г. Такое расширение хронологии весьма убедительно, потому что позволяет показать зарождение полемики, то есть только намечающееся, еще не перешедшее в острополемическую форму, разногласие (противопоставляющие позиции Дружинина и редакции «Москвитянина») (с. 586).

Большую ценность имеет обширная вступительная статья, написанная Вдовиным и Зубковым, в которой полемика представлена как многоплановое явление в жизни наиболее важных для поля словесности того периода журналов: «Современник» и «Москвитянин» показаны как часть системы, во взаимодействии с двумя ее другими элементами – «Библиотекой для чтения» и «Отечественными записками». Авторы уделяют внимание и распределению сил в поле литературы к началу эпохи цензурных гонений, и индивидуальным портретам редакций (с. 25). Во вступительной статье и комментариях подробно разбирается суть и ход инициированного молодой редакцией «Москвитянина» спора, в который были вовлечены все крупные критики того времени. Ключевой проблемой была роль искусства в формировании вкусов публики: москвитянинцы придавали этому первостепенное значение, обвиняя редакцию «Современника» в популизме (с. 623). Сотрудники «Современника» в свою очередь считали неуместным дидактизм «Москвитянина», однако общей концепции в редакции «Современника» так до конца и не сложилось (с. 21). В книге не только прослеживается конфликт двух редакций с момента его зарождения² до угасания, но и дается обзор фона, на котором проходила полемика, и сопутствовавших ей явлений (например, отмечена тенденция на смещение критики в сторону раздела «Смесь» во всех журналах, с. 13). Проанализирована как сама суть, так и структурные особенности полемики: обсуждается функция фельетона в каждом журнале; отмечена замена обширных и фундаментальных критических статей в «Современнике» более подходящим для коммуника-

² «Восприятие искусства как самодостаточного феномена» молодой редакцией «Москвитянина» (с. 25), спровоцировавшее полемику (с. 615).

ции с читателем фельетоном (с. 10), более стройная формальная система «Москвитянина».

Подробный комментарий содержит сведения об архивных источниках, в том числе черновиках, источниках текста, первой публикации, дате цензурного разрешения, цензоре, расхождении в вариантах текста (с. 734), авторитетных академических изданиях, переизданиях статей, а также обоснование их атрибуций. Представлена информация об авторах и их роли в литературном процессе. Для комментария использованы материалы черновики, архивные материалы. Особое внимание уделено «молодой редакции»: прослежена биография каждого автора и его роль в «Москвитянине» (с. 577, 580, 587, 597). Составители привлекают сведения из архивов М.П. Погодина, Филиппова и Эдельсона. Кроме того, комментарий определяет место конкретной статьи в полемике, представляя журнальный спор как единую систему: перечисляются вызванные статьей реплики (с. 638), поясняется конкретный аспект концепции автора (с. 578, 645), наиболее полно отраженный в статье. В результате обширный комментарий дает представление о каждом эпизоде спора в контексте его значения и положения во всей полемике, саму же полемику показывая на фоне истории. Комментарий периодически выходит за свои рамки стремится к полноценной статье, предоставляя все необходимые для понимания статьи сведения, вплоть до содержания обсуждаемых произведений и обширных цитат для подтверждения комментируемых фактов литературного процесса, что упрощает чтение. Поясняются литературные реалии эпохи, например, значение слова «литература» в 1850-е гг. (с. 578). Комментируется форма (с. 618) и жанр статей, а также рецепция самими участниками полемики этого жанра (с. 618 про Алмазова), охарактеризованы фельетонные маски и фельетонные стратегии (с. 618). Таким образом, комментарии выстраивают черновики, письма, мемуары и другие материалы, относящиеся к полемике (например, цензурскую переписку и отсылки к не вошедшим в книгу эпизодам полемики) в единую систему с комментируемыми статьями, создавая единый «текст» (в семиотическом смысле слова) полемики и вписывая спор в контекст эпохи (с. 592).

Составители не обходят сложные моменты, не утаивают предположительного характера трактовок (например: «С. 106: ...некоторые из петербургских писателей дали друг другу обещание никогда не читать полемических статей... — Скорее всего, имеется в виду чье-либо незафиксированное устное высказывание», с. 613), обговаривают то, что

не удалось установить (с. 618), предъявляя отрицательный результат поиска, что важно для дальнейших исследователей. К сожалению, не проведена до конца идея двойных отсылок, особенно отсутствие единообразия чувствуется в ссылках на тексты Дружинина: комментатор ссылается то на посмертное «Собрание сочинений» (с. 613, 584), в составлении которого критик не принимал участия, то на прижизненные журнальные публикации (с. 584), то даются двойные ссылки (например, во вступительной статье – см. с. 10, 28 – и части комментариев – с. 585, 606, 636). Безусловно, лучше всего последний вариант: для удобства поиска стоит указывать страницы тома «Собрания сочинений», однако в нем есть некоторые расхождения с журнальными публикациями¹, кроме того, ссылка на журнальную публикацию позволяет сразу понять, в каком году вышла статья (например, ссылка на опубликованное в 1849 г. высказывание Дружинина о политической ситуации 1848 г. дана по «Собранию сочинений», что скрывает информацию о дате выхода текста в печать; здесь ссылка на журнальную публикацию облегчила бы чтение, ведь составители не оговаривают дату (см. с. 7). Остается неясным, кто готовил к публикации и комментировал тексты С.С. Дудышкина (с. 576) и куда делась статья Алмазова «Современник №6, июнь» вместе с заявленным к ней комментарием (с. 576). Однако все эти недочеты технического характера не умаляют ценности издания.

Именной указатель составлен очень удобно для читателя: в нем учтены прямые и не прямые упоминания персоналий, то есть сведены воедино все отсылки к каждой персоне, фигурирующей в книге. Например, Филиппов при анализе текста не обозначает авторства Дружинина (с. 83), однако страница с произведением Дружинина отражена в именном указателе. Такой подход позволяет быстро найти все фрагменты, в которых так или иначе обсуждалась интересующая нас персоне, даже если фамилия не была названа в тексте. Особо в указателе обозначены отсылки к текстам, автором которого является персоне, что облегчает поиск. Забота составителей об удобстве читателя выражается и в оформлении комментария (в содержании даны страницы текста статьи и комментария к ней), и в его устройстве: при публикации фрагмента указаны журнальные

¹ Например, этим можно было бы объяснить ссылку на Пятое письмо Иногородного подписчика, в котором говорится о «догматизме художественности» (с. 584), – комментатор ссылается на журнальную публикацию, где присутствует авторская сноска Дружинина, опущенная при издании «Собрания сочинений». Но, с другой стороны, эта сноска не важна для комментария.

страницы, на которых он расположен, при этом купюры статей обозначены в тексте, а их содержание излагается, если оно необходимо для понимания полемики (с. 587).

Предлагаемый труд, посвященный «одному из эпизодов» (с. 33) обширной полемики, – важный шаг в оценке институциональной роли критики рассматриваемого периода (с. 32). Книга обращает внимание на то, что давление власти на культуру, в том числе выразившееся в цензурных гонениях, не сделало эпоху бесплодной в творческом плане (с. 7), причем спор двух редакций шел отдельно от политической жизни. Противостояние затронуло эстетические вопросы и проявило личные конфликты, завершившись с окончанием «мрачного семилетия», позволившим редакциям активно включиться в политическую жизнь (с. 31–32). Особо отметим, что благодаря обширному и удобному справочному аппарату издание является одновременно и фундаментальным исследованием, и важным и очень полезным инструментом учебного процесса.

Завершить нашу рецензию хочется заключительной фразой статьи А. А. Григорьева: «Продолжение в следующей книжке, а до окончания еще весьма далеко», пожелав авторам, чтобы, в отличие от судьбы, постигшей текст Григорьева, ни цензурные, ни другие препятствия не мешали им продолжить столь важное изучение русской журнальной полемики XIX в.

Г.В. Зыкова, Е.И. Чумаченко

Сведения об авторах:

Зыкова Галина Владимировна, докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: gzykova@mail.ru;

Чумаченко Елизавета Игоревна, аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ruslit@philol.msu.ru.

Венок сонетологов и сонетистов: Альманах 7-го симпозиума Международного научно-творческого семинара «Школа сонета», прошедшего 17–18 декабря 2015 г. в рамках конференции «Филологическая наука и школа: диалог и сотрудничество», приуроченной к 75-летию ученого-филолога Олега Ивановича Федотова. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2016. 360 с.; ил.

Форма научно-художественного издания, включающего поэтические произведения, эссе и научные статьи, в последнее время приобретает популярность. Материалы, собранные под одной обложкой, представляют содружество и сообщество ученых и поэтов, их сотворческий, живой диалог. Для симпозиума, посвященного сонету, эта форма особенно органична: Международный семинар «Школа сонета» научно-творческий, он объединяет поэтов и литературоведов и, кроме постоянного круга участников, пополняется все новыми именами поклонников сонета.

Весь альманах в целом представляет собой концептуальное единство. Его идея сформулирована уже в заглавии: «венки» – так называется и форма ассоциации сонетов, и, метафорически, единство разнообразия, становившееся основой многих поэтических книг. Альманах открывается «программной» статьей *О. И. Федотова*, в которой акцентирован метапоэтический потенциал сонета. Отметив, что сонет «отличается изрядной долей нарциссизма», то есть «любит говорить о себе сам, любит самовыражаться» (с. 6), ученый определяет основные виды метапоэтических сонетов: это «собственно сонет о сонете, повествующий или о его структуре, или о процессе (обычно трудном) его написания»; «сонет о сонетистах, прославляющий мастеров, выстраивающий их корифейный ряд или порицающий ремесленников» (с. 7); и сонеты о сонетологах – исследователях сонета, которые, как замечает *О. И. Федотов*, и сами часто обращаются к этой форме. Отдельное внимание в статье уделено сонетам *Л. П. Гроссмана*, известного литературоведа, автора работ о русских классиках XIX в., но также автора «первой серьезной теоретической работы по поэтике русского сонета» (с. 12). Здесь *О. И. Федотов* называет статью «Поэтика русского сонета» из книги «Борьба за стиль» 1927 г. *Л. П. Гроссману* принадлежат два цикла сонетов – «Плеяда» и «На полях Пушкина» (1919–1922). Продолжателем традиций *Л. П. Гроссмана* назван литературовед, сонетолог и поэт *К. С. Герасимов* – его памяти как теоретика-сонетолога и поэта-сонетиста посвящена статья, в заключительной части которой *О. И. Федотов* рассказывает о знакомстве с ним и о

том, что идея Школы сонета, историю которой принято отсчитывать с 1994 г., возникла раньше – в 1985 и 1988 гг., когда усилиями К. С. Герасимова состоялись две конференции в Тбилиси, посвященные сонетам. О. И. Федотов очертил перспективу альманаха и дальнейших исследований, предложив изучать венки сонетов о венках сонетов. Здесь был назван Ю. В. Линник – автор более 600 венков сонетов.

Словно откликаясь на предложение уважаемого председателя Школы сонета, Ю. В. Линник продолжает вступительную часть предисловием-эссе «Флоренция в Москве (о русском сонете)», в котором цитируется стихотворение О. Мандельштама:

Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное – Флоренция в Москве.

С явлением гетерозиса (увеличением жизнеспособности гибрида) сравнивает Ю. В. Линник русский сонет, в котором «чужеземная форма» наполнялась «своим звучанием» (с. 20). Тому же автору принадлежат две статьи первой части альманаха, посвященной венку сонетов: «Венок сонетов как теофания», «Синергетика венка сонетов», – в которых Ю. В. Линник излагает своего рода философию сонета, основанную на убеждении, что «предпосылки прекрасного: оформление – структурирование – организация <...> достигают своего максимума в венке сонетов» (с. 27). Закономерным продолжением рефлексий служит венок сонетов автора «Золотой век».

В статье Л. А. Сугай раскрывается «тайнопись любви»: речь идет о двух неизвестных венках сонетов и сонетного трилистника академика Ф. Е. Корша. «Находки, которым посвящена настоящая статья, вносят существенные коррективы в историю русской поэзии – ее «твердых форм», «стефанотворчества» (στέφανος, греч. – венок)» (с. 51). Л. А. Сугай приводит факты биографии ученого, полиглота и поэта, объясняющие, почему свои любовные стихи он записывал в международной транскрипции, латиницей с элементами восточных языков, а даты и места – арабскими письменами. Стихи записаны так, чтобы непосвященный, прежде всего его жена, с трудом владеющая даже русской письменностью, не могли их прочесть. Л. А. Сугай пишет о двух «Сонетных венках» Ф. Е. Корша, посвященных двум возлюбленным, чьи имена зашифрованы в магистральных акросонетах. Его сонетный трилистник заслуживает внимания как особая жанрово-структурная форма. Ф. Е. Корш усложняет прин-

цип гирлянды сонетов: «Если в классических гирляндах кольцо сонетов замыкалось последней строкой последнего сонета, повторяющей первую строку первого, то в трилистнике Корша четыре заключительные строки секстета последнего, третьего, сонета – это рефрен первого катрена первого сонета, а данный катрен есть реминисценция знаменитого шестидесят первого сонета Петрарки (LXI: “Benedetto sia ‘l giorno, e ‘l mese, e l’anno”))» (с. 58). Публикацией этого уникального сонетного трилистника, неизвестного читателю, завершается статья. Надо сказать, что альманах содержит немало таких уникальных фактов, разборов, текстов. Каждую публикацию отличает новизна аспекта, подхода, материала, и в обзоре трудно выбрать что-либо более или менее значимое.

В. П. Тюкин, А. Ф. Баранов, С. А. Луговцев – собиратели, систематизаторы и хранители информации о венках сонетов. Логичнее было бы дать их материалы рядом, тем более что и в работе эти исследователи связаны: электронная база данных С. А. Луговцева создавалась с 2009 г. в сотрудничестве с собирателями венков сонетов, и уже в 2010 г. в «общей копилке информации» было 3000 венков сонетов (с. 62). Масштаб деятельности собирателей впечатляет: на сегодняшний день в базе данных хранится информация о 2534 авторах, «создавших одно и более произведение в форме венка сонетов» (с. 63). Работа продолжается, разыскиваются авторы «безымянных» произведений, уточняются тексты. Статистика С. А. Луговцева позволяет проследить интересные тенденции. Так, в частности, отмечено увеличение числа венков сонетов коллективного авторства, а число создателей одного произведения доходит до 14 (вероятно, каждый поэт написал по одному сонету, хотя в статье об этом не говорится).

Далее перед нами – пример семейного содружества сонетологов и сонетистов. *А. А. Бердников* публикует фрагмент романа в трех сонетных коронах. *С. И. Передереева* – статью об этом произведении. Высказывается предположение, что «именно на пространных просторах текстов сонетной короны, очевидно, появится возможность реанимировать эпический жанр поэзии» (с. 79). Затем читаем два венка сонетов *М. А. Бердникова* «Семантика графоманства» и эссе *А. А. Бердникова* о произведении сына в форме расследования воображаемого Шерлока Холмса, пытающегося установить личность автора, якобы ему неизвестного.

Е. Е. Илларионова исследовала влияние сонетных циклов Иосифа Бродского на посвященное ему произведение итальянской поэтессы Аннелизы

Аллевы «Письмо в сонетной форме». Предварительные сведения весьма любопытны, в них сообщается, что в итальянской поэзии венки сонетов как ассоциация из 14 сонетов и магистрала существует лишь в теории, и венком называется группа из сонетов от 7 до 20, объединенная тематически. Однако в итальянской поэзии есть понятие «гиперсонет»: это 16 сонетов, из которых два – вводный и заключительный – связаны с текстами основной части не повтором строк, а семантически, ритмически, фонетически (с. 110). К этому типу Е.Е. Илларионова относит сонетные циклы И. Бродского. Они, а не итальянские прецеденты, по мнению исследовательницы, «послужили примером для итальянской поэтессы» (с. 110). В разборе представлены признаки, отличающие строфику холостых сонетов А. Аллевы от итальянских образцов и выявляющие подражание И.И. Зейферт в сопоставлении оригинала венка сонетов, созданного российским немцем Р. Жакмьеном, и перевода, выполненного В. Корниенко, обнаруживает не только отличия в лексико-семантических оттенках, особенностях структуры, но и – на уровне субъектной сферы – концептуальные расхождения, возникающие, в частности, когда при отдалении лирического героя-немца перевод приближается к русскому читателю (с. 126).

Заглавие поэтического произведения Е.И. Зейферт, следующего за статьей, имеет смысл привести полностью: «“Со дна морского вышел Крым как дом...”. Полынный венок (сонетов) Максимилиану Волошину». Венок был опубликован в поэтической книге «Веснег», в которой, как и в «Полынном венке», и в статье, и в творческой деятельности Е.И. Зейферт в целом важен «мотив общей колыбели германского и славянских народов»².

В таком тесно сплетенном венке сонетологов и сонетистов уже не может быть места случайности. И, повинаясь общему замыслу издания, следующий автор – И.В. Коляка – из Крыма. Ее венок сонетов посвящен Ю. Линнику и С. Луговцеву. Так альманах вовлекает читателя, словно спирали сонетного венка, в повторы и отклики, составляющие сложное композиционное целое: от мотива венка сонетов Е.И. Зейферт – к следующему поэту, от которого, в свою очередь, – к самому плодovитому автору венков и их собирателю.

И.А. Левин в статье, посвященной образам Диониса и Христа в «Венке сонетов» Вяч. Иванова, отмечает, что «В завершающем терците четырнадцатого сонета, который по праву занимает свою логическую компози-

¹ Черашняя Д. «Вечно незаконченное...» // Зейферт Е.И. Веснег. М., 2009. С. 193.

ционную ступень, актуализируются все связи, сходятся в одну точку все текстообразующие элементы. Это не только кольцевая композиция строк, когда первая строка становится последней, закругляет венок, вбирает весь предыдущий смысл, приходит к отправной точке, из которой исходит поэт в своём размышлении о смысле и образе Любви, но полное совмещение мифологем Диониса и Христа в образе рдяного (алого, кровавого) Крестителя, который является плодородящим и жертвенным, возделывателем и хранителем земли...» (с. 162–163). И эта статья завершает первую часть альманаха.

Вторая часть – «Диалоги в венках сонетов» – открывается венком двойного авторства *О. Мищенковой* и *А. Ребрикова*. Однако у венка есть и еще два «соавтора» – это Ф.Г. Лорка и А. Гелескул: венок написан на магистрал испанского поэта в русском переводе. В получившемся венке действительно звучит диалог: не двух соревнующихся или сотрудничающих поэтов, а героев – мужчины и женщины, каждый сонет – одна реплика, и длится их разговор, где обращение «ты» не безлично, а адресовано собеседнику:

13. Александр Ребриков

<...>

Прими в успокоении участие,
Я рвусь твой взгляд поймать, такой туманный
И каждой жилкой внятный – до озноба!

14. Ольга Мищенкова

И каждой жилке – внятный – до озноба! –
Твой Голос – вдохновенное признание...
Дни пробегают нервом ожидания –
Билет, вокзал, перрон, плацкарт, дорога... (с. 171).

Диалог в альманахе продолжается в письмах, посвящениях, обращениях, в диалоге учителя и ученика.

В начале третьей части – «Метаморфозы классического сонета» – вновь звучит мысль о сонете как преодолевающем хаос. На этот раз автор, *В. Ю. Александров*, апеллирует к уравнению Эйлера, сонету Г. Висконти и творениям Леонардо да Винчи, сближая их в равенстве гармонизирующего потенциала. Этот автор также представил сонеты собственного сочинения и материал, посвященный волгоградскому поэту С. Е. Васильеву (1957–2016). В. Ю. Александров, готовивший к публикации сонеты Васильева, посетовал на компьютерные технологии, которые «убили институт черновиков» (с. 196), ведь если поэт не сохраняет все варианты (а скорее

всего, действительно заменяет новым, уничтожая при этом прежний), то текстологу, прежде выискивавшему «лучший» вариант, разбирая компьютерные архивы современников, не придется решать эту задачу, довольствуясь вариантами публикаций, если таковые осуществлялись при жизни автора. Стихотворения, будучи только «беловыми» и «последними», лишатся истории создания. Путь поэта, его эволюция и творческие поиски, восстановленные по рукописным вариантам, – возможно, скоро все это останется экзотическим фрагментом литературоведения, как и переписка перестанет быть достоянием биографов и потомков.

К различным вариантам сонета И. Бродского «*Amicum-philosophum de melancholia, mania et plica polonica*» («Другу-философу о мании, меланхолии и польском колтуне») обратилась в своем исследовании О.Я. Бараш. И если бы не сохранившийся первоначальный вариант, не возникло бы возможности интересного сопоставления и вопроса, «почему Бродский отказался от... барочного классического сонета в пользу “экспрессионистского” английского» (с. 211). О.Я. Бараш высказывает предположение, что второй вариант больше отвечал композиции цикла «Литовский дивертисмент», и Бродский, остановившись на менее «правильном» сонете, подчинился тем самым требованиям сверттекстового единства.

Заметна содержательная переключка и в следующих материалах альманаха. С.Ю. Преображенский в анализе творческой индивидуальности А. Штыпеля как переводчика и создателя сонетов останавливается на одной из характеристик современного сонета, отмеченных О.И. Федотовым, по мнению которого «сонет на современном этапе его развития характеризуется... <...> склонностью к экспериментам и в то же время имитацией наиболее архаичных, сохраняющих классическую чистоту эталонных моделей»¹². При этом сонет А. Штыпеля может быть замаскирован «до полного неопознания» (с. 219).

«Современные вариации сонетного канона» продолжает рассматривать Л.В. Фокин, выделяя совмещение сонетных форм, сонеты, записанные прозой и «спрятанные» в прозаическом тексте. В основе наблюдений – произведения современных авторов, приведенные полностью или большими фрагментами.

С.И. Кормилов и Г.А. Аманова рассматривают твердую форму классической корейской поэзии – сиджо как аналог сонета. Авторы придержива-

¹ Федотов О.И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: В 2 кн. Кн. 2. Строфика. М., 2002. С. 398.

ются мнения о сокращении средней длины современного русского стихотворения под влиянием немногочисленных восточных форм. Сиджо – корейское трехстишие, имеет «три вертикально записывавшихся строки, но длинных, не менее 14 слогов каждая, с обязательной цезурой», общий объем – 43–45 слогов (с. 245). В русских переводах сиджо – шестистишие. Как и сонеты, сиджо выступают в различных модификациях; циклизуются или используются как строфы при создании поэм; циклы сиджо с осторожностью сопоставляются с венками сонетов. В центре внимания исследователей – сопоставление переводов А. Л. Жовтиса и А. А. Ахматовой.

«Восточная» тема подхвачена поэтом *Я. М. Соловейчиком* в «Трех сонетах к Мацуо Басё» и *О. В. Зыряновым*, рассмотревшим тип «восточного сонета» (анафорического) в русской поэзии на материале произведений Е. Шешолина и Б. Дугарова. Русский сонет, синтезировавший европейские и восточные традиции и допускающий и те, и другие, исследователь предлагает считать особым типом – евразийским.

Несколько статей возвращают нас в Серебряный век. *С. М. Пинаев* пишет о «Гроте Нимф» М. Волошина, напоминая, в частности, о «Полынном венке (сонетов) Максимилиану Волошину» Е. И. Зейферт и «таинственных» сонетах Ф. Е. Корша в публикации Л. А. Сугай. В сонете М. Волошина, как показывает С. М. Пинаев, заключена и трагедия любви и одиночества поэта, тайна его судьбы и сокрыта одна из важнейших антропософских идей «“странничества” человеческой души в космических коридорах вечности, ее воплощений и перевоплощений» (с. 277).

Ю. Е. Павельева представила сонеты Л. Н. Вилькиной и показала особенности формирования образа лирической героини в «женском» сонете Серебряного века. При этом сонет предстал как форма воплощения житнетворческого сценария «творимой легенды» (с. 295).

Об упорядочивающей структуре сонета напоминает статья *И. Е. Карпенко*, в которой проанализированы сонеты Ф. де Кеведа и отмечено значение концептизма – создания концептов языка, таких, как «жизнь, смерть, любовь, измена, ревность, дружба, предательство, душа, прах и др.», выделенных поэтом «из хаоса мира» (с. 302).

А. В. Останкович сосредоточивает свое внимание на проблеме связи архитектоники и композиции и реализует свой замысел на материале сонетов малоисследованного поэта Г. В. Голохвастова, создавшего оригинальную структуру *abba abba ccd cdc*. Интересно, что все сонеты автора из книги «Лебединая песня», а их 81, написаны по этой схеме, что, безусловно, является «результатом сознательного версификационного усилия, имеющего

целью опробовать и, возможно, утвердить архитектурно-композиционно более совершенную модель жанрово-строфической формы» (с. 307). Ученый приходит к выводу, что трехчастная форма, два кульминационных возвышения, смещение гармонического центра являются «несомненным вкладом поэта в развитие жанрового потенциала сонета» (с. 312).

Среди многочисленных стихотворных посвящений О.И. Федотову нельзя не отметить «Технологию сонета» *С.Е. Бирюкова*, представившего в пяти вариациях размышления по поводу сонета, свойств формы, магических, но объяснимых и выразимых, в частности, в числах: «... туда-сюда волной отражены / усиьем воли что ль обнажены / катрены (два) и (тоже два) терцеты. // И вдруг, как будто вырубili ток, / и словно вновь выгнали струи Леты, / и на сонет навесили замок» (с. 313).

Экспериментам Г. Сапгира с сонетной формой посвятил свое исследование *Ю.Б. Орлицкий*. Автор отмечает, что оно продолжает начатую им еще в 1995 г. работу, первые итоги которой были представлены на конференции Школы сонета. Книга «Сонеты на рубашках» в отличие от других книг Г. Сапгира является единственной «открытой», «незавершенной» (выдержавшей несколько переизданий и авторских дополнений), и Ю.Б. Орлицкий выделяет это свойство как «первое, внешнее проявление изощренной игры поэта на стыке традиции и авангарда, которую он разыгрывает в этой книге» (с. 334). «Сонеты на рубашках» автор статьи полагает возможным рассмотреть «как своего рода образец действия спонтанно возникающего в современной поэзии механизма компенсации авангардистского «беспредела» канонической формальной же четкостью» (с. 334–335).

Альманах завершают переводы и комментарии *В. Сарисвили* к сонетам-медальонам поэтов братства «Голубые роги», статья *В.Б. Сергеевой* о творческой мастерской, демонстрирующая методику школьной работы с жанрово-строфической формой сонета, и два прощальных сонета крымчанки *Л.Н. Корнеевой*, обращенных и к поэтам-сонетистам, и к ученым-сонетологам:

...Как призвана поэтов рать
В сонетном таинстве высоком
Стихий смыслов примирять,

Так вы – приоткрывать мечтам
Сиянье чудных граней тайн
Лучом всевидящего ока (с. 359).

На такой торжественной ноте завершается «Венок сонетистов и сонетологов».

Запад и Восток, древность и современность, эссеистический, художественный и академический подходы – в альманахе сонет явлен во всем вдохновляющем богатстве своих возможностей. Во многих материалах, статьях, письмах, эссе, сонетах, есть обращения к О.И. Федотову – крупнейшему специалисту-сонетологу, председателю Международной Школы сонета и юбиляру: к его 75-летию был приурочен VII симпозиум, и альманах отразил не только многообразие программы, но – главное – творческий дух и научные открытия, сопровождающие многолетнюю деятельность Школы сонета.

У.Ю. Верина

Сведения об авторе: Верина Ульяна Юрьевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы Белорусского государственного университета. E-mail: verina14@rambler.ru.

Рецензируемая монография написана в русле традиций функциональной стилистики, восходящей к работам одного из основателей Пражского лингвистического кружка Б. Гавранека и плодотворно развиваемой на кафедре английского языкознания МГУ имени М. В. Ломоносова профессором О. С. Ахмановой и ее учениками, к числу которых принадлежит и автор монографии. При этом небезынтересно то, что по ряду аспектов эта традиция выдерживается лингвистами данной кафедры более последовательно, чем их чешскими коллегами.

Напомним, что традиционная как для отечественной, так и для чешской школьной традиции система функциональных стилей восходит к работе Б. Гавранека «*Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura*» (1932), в которой рассматриваются три основные функции литературного языка, а именно функция общения (*funkce komunikativní*), функция сообщения (*funkce sdělovací*) и функция эстетического воздействия (*funkce estetická*), хорошо знакомые отечественному филологу по работам В. В. Виноградова, успешно применившего концепцию Б. Гавранека к русскому материалу.

Для реализации названных функций в чешском языковом пространстве используются наборы соответствующих языковых средств чешского литературного языка, которые Б. Гавранек назвал «функциональными языками»: «разговорный / colloquialный язык» (*jazyk hovorový / konverzační*) для функции общения, «язык рабочий / деловой» (*jazyk pracovní / věcný*) для функции «практического сообщения» (*funkce prakticky sdělovací = funkce prakticky odborná*), «язык научный» (*jazyk vědecký*) для функции «теоретического сообщения» (*funkce teoreticky odborná*), «язык поэтический» (*jazyk básnický*) для функции эстетической (*funkce estetická*). Проведенная в 1954 г. Институтом чешского языка Чехословацкой академии наук конференция по проблемам стилистики утвердила данную классификацию функциональных стилей чешского литературного языка в качестве базовой, предусмотрев возможность ее расширения за счет бурно развивающегося стиля публицистического (*styl publicistický*), а также оговорив особый статус разговорного стиля (*styl hovorový*) литературного чешского языка, в который в определенных условиях проникают элементы иного структурного образования – так называемого «об-

иходно-разговорного чешского языка» (*obecná čeština*); ср. написанные на основе выступлений на данной конференции статьи П. Троста, Э. Паулини, К. Гаузенбласа в номерах журнала «Slovo a Slovesnost» за 1955 г. Эта расширенная классификация функциональных стилей чешского литературного языка стала общепринятой в чешской школьной традиции (и продолжает во многом ею оставаться), в том числе благодаря многократно переиздававшемуся классическому учебнику для гимназий Б. Гавранека и А. Едлички «Чешская грамматика» (*Česká mluvnice*). Именно на нее ориентируется разметка электронных (под)корпусов серии SYN Чешского национального корпуса, шестая версия которой включает в себя около пяти миллиардов (4 834 739 998) токенов.

В коллективной монографии «Чешский – речь и язык» («*Čeština – řeč a jazyk*», 1996) М. Чехова в качестве основных функциональных стилей называет разговорный (*prostěsdělovací = běžnědorozumivací = hovorový*), специальный (*odborný*), административный (*administrativní = úřední = jednací*), публицистический (*publicistický*), ораторский (*řečnický*), художественный (*umělecký*) и эссеистский (*esejistický*). Эти же семь функциональных стилей названы в качестве наиболее популярных и в разделе «Теория функциональных стилей» («*Teorie funkčních stylů*») «Стилистики современного чешского языка» («*Stylistika současné češtiny*», 1997), написанном Э. Минаржовой.

В своей «Стилистике для журналистов» («*Stylistika pro žurnalisty*», 2011) Э. Минаржова описывает шесть «примарных функциональных стилей» (*funkční styly primární*), к которым она относит разговорный стиль (*styl prostěsdělovací nebo běžně dorozumivací, hovorový*), специальный стиль (*styl odborný*), административный стиль (*styl administrativní*), журналистский стиль (*styl žurnalistický*), ораторский / риторический стиль (*styl řečnický / rétorický*), художественный стиль (*styl umělecký*), а также три «секундарных стилиа» (*styly sekundární*), а именно эссеистский стиль (*styl esejistický*), стиль церковной коммуникации (*styl církevní komunikace*) и стиль рекламы (*styl reklamy*).

В «Настольной грамматике чешского языка» («*Příruční mluvnice češtiny*»), подготовленной в Масариковом университете в Брно под редакцией П. Карлика, М. Некулы и З. Русиновой (1995; переизд.: 2012), автор раздела «Стилистика» М. Елинек приводит более актуальную, по его мнению, таблицу функциональных стилей, которая существенным образом развивает и дополняет классическую четырехкомпонентную классификацию. Появляется эпистолярный функциональный стиль (*styl*

epistolární); административно-правовой (styl právně-administrativní), он же официально-деловой функциональный стиль (styl úřední); экономический (styl ekonomický), он же хозяйственный функциональный стиль (styl hospodářský); пропагандистский (styl propagační), он же рекламный функциональный стиль (styl reklamní); эссеистский функциональный стиль (styl esejistický); директивный функциональный стиль (styl direktivní); ориентационный функциональный стиль (styl orientační) и, наконец, набор стилей идеологических (styly ideologické), из которых в качестве примера назван религиозный функциональный стиль (styl náboženský). Кроме того, в рамках традиционных четырех функциональных стилей выделяются их варианты: в рамках художественного функционального стиля (styl umělecký) – стили прозаический (prozaický), драматический (dramatický) и поэтический (poetický), в рамках специального стиля (styl odborný) – стили научный (vědecký), специально-практический (odborněpraktický) и популяризаторский (odborněpopularizační), в рамках публицистического стиля (styl publicistický), который обозначен также как журналистский стиль (styl novinářský), – стили новостной (zpravodajský), аналитический (úvahový), интервью (interviewový), персуазивный (přesvědčovací). В рамках же традиционно выделяемого разговорного (styl konverzační) или colloquialного функционального стиля (styl kolokviální) различаются стили приватный (soukromý) и публичный (veřejný). Отметим, что использовавшегося Б. Гавранек для обозначения данного «функционального языка» (= функционального стиля) прилагательного hovorový М. Елинек избегает, чтобы, как мы полагаем, не возникала нежелательная интерференция с понятием hovorová čeština ('разговорный вариант литературного чешского языка', как переводила этот термин на русский язык ведущий советский богемист А.Г. Широкова). Свою концепцию М. Елинек развивает в написанных им для «Энциклопедического словаря чешского языка» («Encyklopedický slovník češtiny», 2002) статьях. Эта концепция была в целом сохранена и в новом, существенно расширенном издании словаря в 2016 г. («Nový encyklopedický slovník češtiny»).

Наконец, авторы коллективной монографии 2016 г. «Стилистика устного и письменного чешского языка» («Stylistika mluvené a psané češtiny») вообще отказываются от использования понятий «функциональных стилей» и обращаются к понятиям «коммуникативных сфер», а именно к сфере повседневной коммуникации (sféra běžné každodenní komunikace), сфере институциональной коммуникации (sféra institucionální komu-

nikace), сфере специальной коммуникации, сфере учебной коммуникации (*sféra školní komunikace*), сфере медиальной коммуникации (*sféra mediální komunikace*), сфере рекламной коммуникации (*sféra reklamní komunikace*), сфере литературной коммуникации (*sféra literární komunikace*).

Как мы видим, чешские лингвисты пошли, во-первых, по пути «умножения данностей» (у некоторых исследователей число функциональных стилей переваливает за два десятка), а во-вторых, в сторону отчетливой социологизации стилистических исследований.

Что же касается исследований, проводимых на кафедре английского языкознания, то развитие концепции Б. Гавранека – В.В. Виноградова здесь велось, если можно так выразиться, не в экстенсивном направлении, а, скорее, в направлении интенсивном, в тесной связи с понятием нормы; см., например, монографию А.А. Липгарта «Основы лингвопоэтики» (1999/2007/2010/2013/2016. С. 39 и след.), а также монографию А.А. Липгарта и В.В. Хуринова «Функциональные стили современного английского языка: Наука и журналистика» (2013. С. 7 и след.). Ср. также коллективную монографию под ред. О.С. Ахмановой «О принципах и методах лингвостилистического исследования» (1966), монографии Н.Б. Гвишиани «Язык научного общения: вопросы методологии» (1986), С.Г. Тер-Минасовой «Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков» (1986), М.С. Чаковской «Взаимодействие стилей научной и художественной литературы» (1985), диссертации В.Я. Задорновой «Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования» (1992), Т.Б. Назаровой «Омонимия и квази-омонимия в разных функциональных стилях речи» (1984), Л.Л. Барановой «Единство и взаимодействие устной и письменной форм научного изложения» (1983), И.Л. Кукурян «Английские переводы романа “Евгений Онегин” как предмет лингвопоэтического анализа» (1990), А.В. Рудаковой «Лингвопоэтика многокомпонентных атрибутивных словосочетаний в английской драме XVI–XVII веков» (2001). О роли именно классического варианта рассматриваемой концепции в композиции рецензируемой монографии достаточно красноречиво свидетельствуют уже сами названия последних четырех ее глав: глава 7 – “The Style and Timbre of Everyday Speech”, глава 8 – “The Style and Timbre of Official Documents”, глава 9 – “The Timbre of Journalism”, глава 10 – “The Voices in Fiction”. Во-вторых, в проводимых на кафедре английского языкознания преобладает не социолингвистическая, а лингвопоэтическая направленность, ср., в частности, названную докторскую диссертацию

цию В. Я. Задорновой и серию монографий А. А. Липгарта. Не исключением стала и рецензируемая монография, где мы находим великолепные образцы лингвопоэтического анализа английских текстов самых разных жанров и эпох – от классических до современных, от Шекспира до Урсулы Ле Гуин, Стивена Фрая и Кадзуо Исигуро. Однако в качестве наиболее значительного достижения в рецензируемой монографии мы бы отметили детальную разработку проблематики, изучение которой на кафедре также было инспирировано О.С. Ахмановой и продолжено О.С. Миндрул, Т.Н. Шишкиной и прежде всего М.В. Давыдовым, – просодическом аспекте лингвостилистических исследований. В этом плане весьма интересны, как представляется, прежде всего глава 4, в которой механизм ментального аудирования рассматривается на нейрофизиологическом уровне, и глава 5 о параметрии внутренней и внешней речи. Впрочем, истинное наслаждение получит и читатель главы 6 об индивидуальных авторских стилях, если ему удастся освоить the way to hear timbre.

Подводя итог, горячо рекомендуем данную монографию самому широкому кругу читателей.

А. И. Изотов

Сведения об авторе: Изотов Андрей Иванович, докт. филол. наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: a.i.izotov@mail.ru.

Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Язык городского пространства: словарь, карта, текст. М.: Языки славянской культуры, 2015. 240 с.

Монография представляет собой интересный опыт многоаспектного исследования языка, при помощи которого концептуализируется и описывается пространство города.

Книга состоит из трех глав. В первой – «Язык городского пространства как объект лингвокультурологического исследования» – Е. Ю. Булыгина и Т. А. Трипольская рассматривают пространство как уникальную систему номинаций, складывающуюся в тех или иных культуре и языке и отражающуюся в словарях, картах, путеводителях, художественных текстах. Авторы предлагают значительный по объему, полный и глубокий обзор междисциплинарных исследований, посвященных городу. Анализируются работы Н.П. Анциферова, П. Вайля, А. Гениса, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Т.В. Шмелевой, И.Г. Яковенко, посвященные городу как семиотической системе, культурному пространству, элементу социокультурной коммуникации.

Город представлен как исторически сложившийся опыт освоения и членения пространства. Авторы последовательно рассматривают лингвокультурологические, национально-культурные, переводоведческие (лакунарность и безэквивалентность), прагматические и лексикографические аспекты городского пространства. Вдумчивый и подробный анализ лексикографических источников представляет значительный интерес.

В первой главе показано, как разнообразно подходят к отображению лексем городского пространства словари: важная информация распределяется по разным зонам и помещена в толковании, комментариях, пометах, иллюстрации. Булыгина и Трипольская показывают эксплицитный и имплицитный способы представления лингвострановедческой информации в словаре. Авторы демонстрируют, как толкование и иллюстративный материал словаря различным образом раскрывают денотативную сторону имен, называющих объекты городского пространства. При этом статус иллюстрации часто повышается: из дополнительного средства семантизации становится ведущим (с. 70).

Во второй главе – «Образ своего и чужого пространства» – Булыгина и Трипольская обращаются к этимологии, анализу заимствований и семантической деривации, взаимодействию исконных и заимствованных номинаций. «Исконная лексика городских пространств имеется в ка-

ждом языке, ее следы, отпечатки так же, как и “темпорированные места”, позволяют рассматривать город как палимпсест, или текст, написанный на месте прежнего, стертого» (с. 90). Данный тезис определяет и еще одну важную особенность рецензируемой работы: необходимость соединения синхронного и диахронного подходов к материалу, поскольку старая система номинаций, частично сохраняясь, включается в новую. В данной главе авторы также анализируют доминантные точки городского пространства и особенности поведения человека в городе.

Третья глава – «Язык городского пространства» – затрагивает несколько тем: травелог (рассказ о путешествии) как элемент текстов разных жанров, переводоведческий аспект, комментариев к переводному тексту и карту как особый текст. Жанр путешествий, известный с давнего времени и приобретший в XVIII в. объективизированную, документальную основу, обрел новое дыхание в XX и в XXI вв. в связи с популярными книгами П. Вайля и А. Гениса. Что касается образа города, созданного в литературных художественных текстах, авторы интересно сопоставляют оригинальные тексты и их перевод на русский, показывая, к какой тактике прибегают переводчики, стараясь адаптировать исходный текст или сохранить его аутентичность в переводе. Рассматривается, в частности, описание Парижа у Хемингуэя. В данном случае ситуация осложняется, если лексема не тождественна по семантике во французском, английском и русском языках. Авторы пишут: «Полисемант *сквер* в одном из своих лексико-семантических вариантов заимствовался из английского языка в русский и французский с трансформацией лексического значения: семантика геометрической фигуры, а также площади соответствующей конфигурации оказались не востребованными в языках-реципиентах, в них закрепилось значение “небольшой городской сад для прогулок”».

Сильными сторонами монографии являются обзор, посвященный анализу работ о пространстве, анализ лексикографического материала, сопоставление тематических групп апеллятивов, описывающих пространство города, и топонимических систем разных языков: английского, итальянского, испанского, русского и французского.

К сожалению, в рецензируемой работе недостаточно, с нашей точки зрения, уделяется внимания русскому материалу – Москве и Петербургу как двум моделям города. Мы не нашли в библиографии источников, посвященных российским столицам, – энциклопедических словарей «Москва» и «Петербург», в которых подробно объясняется происхождение городских топонимов и входящих в них апеллятивных компонентов: *сад*,

канал, канавка, ворота, ров. Существенно различие между московской (как более архаичной) и петербургской (новой) системами номинаций городских объектов: так, в Москве компонент *сад* входит в состав топонима *Нескучный сад*; что касается Петербурга, в разговорной речи *садам* жители города именуют то, что москвичи называют *сквером*.

Из досадных библиографических зияний отметим также отсутствие толковых словарей – «Словаря Академии Российской» (1789–1794), «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 г., а также лингвострановедческого словаря «Россия» (М., 2007). Два первых источника позволяют проследить, как в старую, исконную систему номинаций – *улица, ров, вал, ворота* – встраиваются новые единицы – *аллея, бульвар, парк, променад, сквер*.

О.Е. Фролова

Сведения об авторе: Фролова Ольга Евгеньевна, докт. филол. наук, зав. лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: olga_frolova@list.ru.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ – X: НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИВАНА ВЛАДИМИРОВИЧА ЦВЕТАЕВА»

6 декабря 2017 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова прошла научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры – X», посвященная 170-летию со дня рождения выдающегося русского филолога, искусствоведа, историка и археолога Ивана Владимировича Цветаева (1847–1913).

И.В. Цветаев был сыном сельского священника, учился в Шуйском духовном училище, потом во Владимирской семинарии, закончил Петербургский университет (в 1870 г., с золотой медалью за работу о Таците), защитил магистерскую (в 1873 г. в Варшавском университете), а затем и докторскую диссертацию (в 1877 г.). С 1885 г. ординарный профессор Московского университета по кафедре классической филологии. В 1898 г. удостоен звания заслуженного профессора Московского университета. Последние 19 лет своей жизни Иван Владимирович работал над созданием Московского Музея изящных искусств имени Императора Александра III. И.В. Цветаев был первым в России специалистом по итальянским языкам и латинской эпиграфике и автором трудов, ставших фундаментальными в этой области: «Сборника оскских надписей» и монографии «Италийские надписи»¹.

¹ По материалам сайта кафедры классической филологии МГУ имени М.В. Ломоносова: <http://www.philol.msu.ru/~classic/persons/cvetaev/>, а также Летописи Московского университета: <http://letopis.msu.ru/peoples/759>. Из наиболее важных публикаций об И.В. Цветаеве необходимо отметить следующие: Каган Ю.М. И.В. Цветаев: Жизнь. Деятельность. Личность: (Ученый, основатель Музея изящных искусств в Москве) / Отв. ред. д-р ист. наук И.Н. Осиновский. М., 1987. 192, [16] с.; Соснина Е.Б. 1913: Последний год жизни И.В. Цветаева. Иваново, 2013. Новейшая публикация о нем – словарная статья: Смышляева В.П. Рос-

Конференцию открыл заведующий кафедрой классической филологии проф. *А. И. Солопов*, который во вступительном слове обозначил роль и значение И. В. Цветаева в жизни Московского университета и отделения классической филологии. Подробнее о научном пути выдающегося ученого рассказал в своем выступлении академик *Н. Н. Казанский* (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург), напомнивший слушателям о тройном юбилее – 170-летию со дня рождения И. В. Цветаева, 140-летию «Сборника оскских надписей» и 145-летию с момента защиты магистерской диссертации. Увлечение И. В. Цветаева надписями Н. Н. Казанский поместил в историко-культурный контекст, приведя в качестве литературной параллели пассаж из романа «Анна Каренина», связанный с изучением А. А. Карениным французского исследования о египетских надписях. Говоря о значении магистерской диссертации, посвященной Тациту, докладчик подчеркнул значительный вклад И. В. Цветаева в развитие классической филологии, выразившийся в критике дивинационных эмендаций и повышении авторитета рукописной традиции. На примере развития окончания *-b^hjas* в оскском языке было продемонстрировано значение эпиграфического материала для решения вопросов сравнительно-исторического языкознания. При этом было показано, как филологическая акрибия и необходимость реального комментария развились в идею создания музея. В заключение Н. Н. Казанский сделал акцент на условиях существования науки во времена И. В. Цветаева – стипендиях для работы с надписями и рукописями за границей, высочайшей академической мобильности, научных интересах политических элит – которые обеспечивали конкурентоспособность отечественных ученых.

Археологической стороне И. В. Цветаева был посвящен доклад *О. Ю. Самар* (Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина) «И. В. Цветаев и эпоха Великих археологических открытий». По мнению докладчика², И. В. Цветаев стал знаковой фигурой в истории российской культуры и науки. Он принадлежал к эпохе определения гуманитарных дисциплин. Завершалось развитие целого направления «филологической археологии» и начиналась новая глава, ознаменовавшаяся повсеместными полевыми исследованиями в Средиземноморье. В 1870-е гг. археологическая деятельность приобретает государственные масштабы и приво-

сийские филологи-классики XIX века. «Германовское» направление: (Материалы для биографического словаря) / СПб., 2015.

² Здесь и далее в изложении содержания выступлений использованы тезисы, любезно предоставленные авторами докладов.

дит к многочисленным открытиям, изменившим наши представления о древней истории и античном искусстве. И.В. Цветаев был вовлечен в эту деятельную атмосферу как страстный путешественник, неутомимый исследователь, преподаватель и создатель Музея изящных искусств. Благодаря ему Музей для каждого посетителя стал пространством личного опыта и настоящей лабораторий научного поиска и сравнительного анализа.

Доц. О.М. Савельева (МГУ) в докладе «К истории рождения Музея: имена, даты, детали» проследила развитие идеи создания в Москве музея греко-римского искусства и классических древностей, которая оказалась существенной и привлекательной для русского общества на протяжении XIX в., начиная с Кабинета (Музея) Московского университета. Эта идея была представлена в проектах кн. З.А. Волконской и профессора Московского университета С.П. Шевырева (1831), в плане 1848 г., позже в предложениях профессора археологии и искусствоведения Московского университета К.К. Гёрца (1858), генерала Н.В. Исакова (1864) и, наконец, в проекте проф. И.В. Цветаева (1894). Докладчик осветила важную роль Московского университета и его профессуры в осуществлении этой инициативы общекультурного и образовательного содержания, столь значимой и для Москвы, и для всей России.

Доклад проф. Д.П. Ивинского (МГУ) был посвящен анализу той части книги Андрея Белого «Между двух революций», где рассказывается о скандале с Эллисом, который был уличен сотрудниками Румянцевского музея в порче книг. По мнению докладчика, все неточности и ошибки, допущенные Белым, имели не источниковедческое, а литературно-художественное значение. Так, осуществленная Белым «замена» А.Н. Шварца, действительно конфликтовавшего с И.В. Цветаевым, на Л.А. Кассо, обладала специфическим «объяснительным потенциалом»: Кассо прославился своими конфликтами с рядом учебных заведений, в том числе с Московским университетом, и не без оснований воспринимался как «апологет реакции», а потому упоминание о нем позволяло Белому «переклЮчить» внимание читателей с Эллиса на более общий и более «понятный» читателям сюжет противостояния властей и гуманитарной интеллигенции.

Помимо докладов, связанных с деятельностью и личностью И.В. Цветаева, прозвучали выступления, отражающие сферу его научных интересов. Изучению эпиграфических памятников были посвящены доклады доц. Э.В. Янзиной (МГУ, в соавторстве с О.В. Корнеевым, МГПУ) и доц.

А.Е. Кузнецова (МГУ). В докладе Э.В. Янзиной рассматривалась формульная структура надписей на победных статуях олимпийщиков. Подробно были изложены все элементы формул данной категории надписей, указано время появления и частотность употребления каждого из элементов, дан сопоставительный анализ формул надписей олимпийщиков и других типов посвячительных инскрипций. Все представленные в докладе факты и выводы были сделаны на основе изучения полного корпуса Олимпийских надписей в честь победителей с VI в. до н.э. по III в. н.э.

В докладе А.Е. Кузнецова анализировалась надпись на чаше (κοτύλη) из Питекуз, известной как кубок Нестора и датируемой последней третью VIII в. до н.э., которая имеет метрическое строение, сопоставимое с эподами, что указывает на ее связь с культурой пиршественной поэзии. Существенную трудность представляет то, что кубок Нестора был найден в захоронении мальчика в возрасте от 11 до 14 лет. Автор надписи владел искусством эпической версификации и использовал слово *ἔμερος* 'любовное влечение', которое можно с уверенностью признать поэтическим и эпическим (II. 3, 446). Привлекая смысловые ассоциации, засвидетельствованные в эпосе, докладчик реконструировал личную ситуацию, стоящую за надписью: чашу можно рассматривать как подарок от старшего участника симпотиического сообщества (Нестора) младшему (анонимному подростку). Все это позволяет предположить, что в VIII в. до н.э. люди, принадлежавшие к аристократическому классу пиршественных сообществ, не только были грамотными, но и были способны сочинять и записывать стихи, посвященные их приватной жизни, следовательно, уже в эту эпоху существовала школа классического типа, в которой изучение стихов было основным методом обучения грамоте людей, для которых грамотность была не профессиональным, а сословным и статусным навыком.

Вопросам изучения итальянских языков были посвящены выступления Е.П. Новиковой (МГУ), обратившей внимание на явление начальной интенсивности и фонотактику в поэме Энния «Анналы» с учетом влияния итальянских языков, и К.Г. Красухина (ИЯ РАН), который в докладе «Germano-Italica» подчеркнул вклад И.В. Цветаева в итальянское языкознание и эпиграфику. Докладчик остановился на германо-италийских языковых схождениях, проанализировал свыше 30 лексических изоглосс, указал на возможные морфологические изоглоссы. Особое внимание было уделено возможным заимствованиям из германских языков в оскскую

юридическую лексику. К. Г. Красухин показал, что корни были заимствованы, но оформление основ лексем произошло уже на итальянской почве.

Два выступления отдали дань отечественной традиции изучения Горация, которая была заложена учителем И. В. Цветаева профессором Николаем Михайловичем Благовещенским. Так, И. Р. Гимадеев (МГУ) представил новую интерпретацию лексемы *peloris*, встречающейся у Горация (Hor. sat. II 4, 32) и обозначающей некоего моллюска. Среди комментаторов Горация существуют серьезные разногласия в идентификации моллюска, обозначенного данным термином. Одни исследователи относили *peloris* к классу *Bivalvia*, что, по мнению И. Р. Гимадеева, неточно ввиду многочисленности видов, относящихся к этому классу. Другие идентифицировали *peloris* с *Tridacna gigas* (Linnaeus, 1758), ракушкой весом до 400 кг, что также едва ли уместно в рассматриваемом контексте Горация. Некоторые ученые понимали под *peloris* различных животных семейств *Mytilidae* или *Chamidae*. Против этого мнения докладчик привел весомые аргументы. Опираясь на исследования Штейера и Келлера, И. Р. Гимадеев предположил, что термином *peloris* обозначен моллюск *Gari depressa* (Pennant, 1777) из семейства *Psammobiidae*. Ввиду отсутствия какого-либо русского термина для обозначения *Gari depressa* (Pennant, 1777) было предложено название «пелорида».

Доц. А. М. Белов (МГУ) в докладе «Южная Италия в римской оде Кв. Горация Флакка III, 4: к вопросу о композиции» представил новое прочтение оды Горация. Отметив, что родина Горация, Южная Италия, мыслится как арена битвы между богами и гигантами, докладчик выделил три символических плана и три идеи рассматриваемой оды. Первая из них заключается в том, что Гораций совершил *hybris*, примкнув к восставшим, но Музы спасли его, вселив в его душу умеренность; вторая – в том, что неумеренность и дерзость гигантов стала причиной их поражения; третья, которая дается намеком, – в том, что те люди, которые сейчас готовы будут пойти против Цезаря, подобно поэту, рискуют поплатиться, как поплатились титаны и гиганты. Основываясь на этом, А. М. Белов сделал вывод о лоялистском и подлинно римском характере рассмотренной оды.

Тематическое разнообразие придали конференции доклады, посвященные различным областям классической филологии. Доц. Т. Ф. Тенерик (МГУ) представила анализ изображения жеста «взять за руку» в «Энеиде» Вергилия и сделала вывод о том, что, внешне следуя Гомеру, в акцентуации и нюансировке жеста Вергилий в большей степени опи-

рался на «Аргонавтику», где изображение аналогичного жеста находится в контексте поэтики более углубленного психологизма, чем это имело место у Гомера. Жанровая поэтика эпоса римского классицизма оказалась восприимчивой и к поэтике александрийского эпоса, что демонстрируется изображением не только вербального, но и невербального поведения эпического персонажа.

Проф. *Д. Е. Афиногенов* (ИВИ РАН, МГУ) в докладе «Что Платон мог узнать у еврейских мудрецов, но не узнал?» рассмотрел фрагмент сочинения Псевдо-Иосифа Флавия, содержащийся в изначальной версии хроники Георгия Монаха, который впоследствии был исключен. В результате утраты рукописного листа существенная часть текста по-гречески более не существует. Содержание утраченного листа сохранилось в славянском переводе (в так наз. Лѣтовнике) и позволяет сделать важные выводы о характере этого раннего иудейского апологетического трактата.

Наконец, проф. *А. И. Солопов* (МГУ) в докладе «Греко-латинская антропонимия в «Кодексе Юстиниана»: к методологии лингвистического анализа» рассказал об осуществляемом в настоящее время проекте по полному переводу на русский язык «Кодекса Юстиниана» – важнейшего памятника римской юридической мысли. Перевод предпринят под эгидой образованного в 2017 г. Центра изучения римского права при юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Значительную сложность при переводе «Кодекса» представляют личные имена, не получившие пока надлежащего освещения с точки зрения ономастики. В докладе на примере имен Eutyches, -etis и Nicagoras были продемонстрированы методы решения возникающих проблем.

Конференция собрала широкую аудиторию студентов, аспирантов и преподавателей Московского университета и других вузов и привлекла внимание не только филологов, историков и философов, но и представителей других специальностей. Прозвучавшие выступления показали многогранность, научную значимость и новые перспективы развития классической филологии, формированию и развитию которой отдал свои силы Иван Владимирович Цветаев.

А.Е. Беликов

Сведения об авторе: Беликов Алексей Евгеньевич, канд. филол. наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: belikov.smu@gmail.com.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КНЯЗЯ П.А. ВЯЗЕМСКОГО (1792–1878)

18 мая 2017 г. кафедра истории русской литературы филологического факультета научную конференцию «Князь П. А. Вяземский и русская литература», приуроченную к 225-летию со дня рождения известного поэта, литературного критика, историка литературы и литературной жизни, меуариста, переводчика, политического и общественного деятеля, в течение нескольких десятилетий – с 1810-х по 1870-е гг. – оказывавшего влияние на русский историко-литературный процесс.

С приветственным словом к участникам конференции обратился ведущий кафедрой профессор В. Б. Катаев.

Вступительное слово «Князь Вяземский и Московский университет» произнес проф. *Д. П. Ивинский*, отметивший, что конференция памяти Вяземского, впервые проводимая в МГУ, имеет дополнительные, кроме чисто научных, основания: поэт собственноручно связал свою биографию с Московским университетом – в письме 1855 г., направленном им тогдашнему ректору А. А. Альфонскому в дни, когда университет отмечал свое столетие:

«Хотя не могу похвалиться, что с самых молодых лет моих принадлежал к нему официально в звании студента, но могу, однако ж, сказать, что частью образования своего я ему обязан. Родителем моим был я отдан на попечение профессору Рейсу и жил у него в университетском доме у него и слушал я частным образом лекции профессоров: Булле и Рейнгардта и гг. Богданова и Загорского. Следовательно, и я могу праздновать без малого пятидесятилетие моих университетских преданий. Ныне, когда по Всемилостивейшей воле Государя Императора <...> удостоился я лестного звания товарища министра народного просвещения, отношения мои к Московскому университету укрепляются и, можно сказать, осязаются новой силой и новыми для меня обязанностями».

А. А. Евдокимов (филологический факультет МГУ) в докладе «"Раздражительный Сумароков": личность и творчество поэта в оценке князя П. А. Вяземского» рассмотрел тексты Вяземского, в которых тот обсу-

ждал творчество и литературную личность А.П. Сумарокова в связи с литературной жизнью его эпохи, а вместе с тем в контексте творчества В. А. Озерова, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского и А. С. Пушкина.

В.Л. Коровин (филологический факультет МГУ) в докладе «Князь Вяземский и С.С. Бобров» напомнил о ранних литературно-полемических выступлениях П.А. Вяземского (антибобровские эпиграммы, «Запрос от современников и потомков к г. В. Жуковскому» и др.), а в особенности о «Письме к издателю о поэте Боброве» (1810, изд. 1994). Докладчик указал на двусмысленность этого сочинения, которое может быть интерпретировано не только в контексте «споров о языке», но и в связи с вопросом о гибели императора Павла I. Лица, цитирующие стихи Боброва в этом тексте, идентифицируются с К.Н. Батюшковым, В.А. Жуковским и самим Вяземским.

С.И. Панов (ИМЛИ РАН) прочел доклад «Вяземский, Дурылин и «Литературное наследство»», посвященный неопубликованному посланию П.А. Вяземского к А.О. Россет (Смирновой) (1809–1882). Стихи Вяземского относятся к девичеству героини (1829), почти век назад их обнаружил в старом альбоме известный писатель, историк культуры, духовный деятель С.Н. Дурылин (1886–1954). Подготовленная им статья так и не увидела света -- даже дружественное автору «Литературное наследство» отклонило ее как «старомодную».

Д.П. Ивинский (филологический факультет МГУ) в докладе «Князь Вяземский, Мицкевич, Пушкин: из комментария к письму Мицкевича к Вяземскому от первой половины марта 1839 г.» представил некоторые результаты изучения вопроса о влиянии произведений А.С. Пушкина на историософскую и историко-литературную концепцию «Лекций о славянских литературах» (1840–1844) Адама Мицкевича. Было показано, во-первых, что Мицкевич мог быть знаком с ему посвященным стихотворением Пушкина «Он между нами жил...» или по крайней мере с его проблематикой со времени его встреч с Вяземским в Париже в 1839 г. Во-вторых, по мнению докладчика, статья Вяземского «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» (1847) оказалась своеобразным откликом на лекции Мицкевича, одновременно комплиментарным и полемическим.

В выступлении проф. *В.А. Воронаева* (филологический факультет МГУ) были охарактеризованы личные и творческие взаимоотношения Н.В. Гоголя и князя П.А. Вяземского. Докладчик представил краткий очерк истории их литературных отношений, остановившись на восприя-

тии Вяземским «Ревизора», «Мертвых душ», «Выбранных мест из переписки с друзьями».

И. Е. Прохорова (факультет журналистики МГУ) в докладе «Еще раз о “последних песнях” П. А. Вяземского и Н. А. Некрасова», кратко охарактеризовав современное состояние литературы вопроса, рассмотрела поздние лирические стихотворения Вяземского в некрасовском контексте. Особое внимание при этом было уделено циклу Вяземского «Хандра с проблесками». Одновременное было показано хорошее знание Некрасовым лирики Вяземского и выявлены некоторые скрытые цитаты из его произведений в творчестве автора «Последних песен».

Доклад *С. В. Мыслякова* (РГСУ) «Князь П. А. Вяземский и полемика Ф. М. Достоевского с “Русским вестником”» был посвящен полемике, развернувшейся в 1861 г. между Ф. М. Достоевским и М. Н. Катковым на страницах журналов «Время» и «Русский вестник». В эту полемику заочно оказался вовлечен и кн. Вяземский, чье стихотворение «Заметки» Катков поместил в своем журнале. Достоевский усмотрел в этом произведении персональные выпады, что побудило его «атаковать» не только «Русский вестник», но и Вяземского, причем иронической оценке удостоились как идеологические, так и художественные достоинства стихотворения.

Л. Ф. Кацис (РГГУ) обратился к предположению проф. В. С. Баевского о том, что строки О. Э. Мандельштама «Я пью за военные астры...» с большой вероятностью восходят к стихам Вяземского «Я пью за здоровье немногих...», и предложил сравнить две формулы «Я пью...» Вяземского-Мандельштама и «Я пил...» Б. Л. Пастернака. По предположению Кациса, в случае Мандельштама мы имеем дело с использованием хорошо узнаваемой формулы, а в случае Пастернака необходимо сопоставить окончание стихотворения Вяземского о мертвых друзьях и стихи Пастернака «Душа моя печальница...», которые восходят к заключительной части стихотворения «Я пью за здоровье немногих...». В этом случае стихотворение Пастернака оказывается завершением диалога с мертвыми предшественниками, в том числе с Мандельштамом.

О. Л. Довгий (факультет журналистики МГУ; РГГУ) выступила с докладом «Бестиарные коды поэзии князя Вяземского», в котором подробно обсуждалась его поэтическая фауна, соотнесенная исследовательницей с соответствующей образностью в произведениях русских поэтов XVIII–XX вв. В частности, обсуждалась поэтика острословия Вяземского, преимущественно в аспекте его «бестиарной метафорики». В качест-

ве дополнительного материала привлекались его письма, тексты мемуарного характера, а вместе с тем некоторые выразительные биографические и литературные факты, характеризующие его отношения с «Беседой», А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским и др.

Все доклады заинтересованно обсуждались.

Д.П. Ивинский

Сведения об авторе: Ивинский Дмитрий Павлович, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: dmitrij_ivinskij@mail.ru.

V СОКОЛОВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

V Соколовские научные чтения, прошедшие на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 26 октября 2017 г., имели подзаголовок «Реализм и *не*-реализм на рубеже эпох: XVIII / XIX – XIX / XX – XX / XXI вв.» и были посвящены совершенно разноплановым на первый взгляд литературным явлениям, объединенным не временем, не пространством, не общностью эстетических устремлений авторов, а той «рубежностью» идейно-художественного сознания, исследование различных манифестаций которой необходимо для понимания цикличности мирового историко-литературного и историко-культурного процесса в целом. Впрочем, в силу специфики научных интересов филологов «соколовского круга» основное внимание все-таки было уделено русской литературе и особенностям ее рецепции за рубежом.

Проф. *М.М. Лоевская* (МГУ) в докладе «Русская агиография рубежа веков (XX–XXI)» подчеркнула, что житие – это всегда знамение времени, чем и объясняются новации в агиографической литературе на сломе эпох. Отличительной чертой современных житий, отметила исследовательница, стало «стремление авторов к “повествовательно-справочной” полноте при описании жизни святых мучеников и исповедников».

Вопросу о многоаспектности оппозиции «реализм – *не*-реализм», рассмотренной на временном отрезке между рубежом XVIII–XIX и рубежом XX–XXI вв., посвятила свой доклад н. с. *Е.А. Певак* (МГУ). Современный реализм, по ее мнению, уходит от «лобовых» оппозиций типа «индивидуальное – коллективное», «индивидуалистическое – общественное», «социальное – антисоциальное»: «Сегодня можно говорить о “барочной” модели освоения действительности в реализме, сосредоточенном, с одной стороны на нюансах человеческого существования, с другой – на создании многомерной, сложной картины мира, когда свободно варьируются традиционные для реализма эстетические и стилистические нормы».

Доц. *Е.В. Иванова* (МГПУ), рассматривая поэтику индивидуального стиля Е. Евтушенко, отметила его близость к футуристам, «заявившим миру о новациях в области поэтической формы»: «С их легкой руки вошла в поэзию Е. Евтушенко знаменитая лесенка, яркая образность, широкая автокоммуникативная позиция».

Проф. *А.Г. Шешкен* (МГУ) представила содержательный обзор истории изучения русского авангарда в трудах сербских литературоведов за период с 1990 по 2016 г. Речь прежде всего шла о фундаментальных работах представителей «Белградской школы» М. Стойнич и Б. Косановича, а также о материалах конференций, прошедших в Белградском университете.

Проф. *Н.М. Солнцева* (МГУ) в докладе «О вкусе поэтов к крови» говорила об абстрактном оправдании жертвенного (или искупительного) кровопролития как об одной из провокаций модернистского сознания – и как об одном из эпизодов в творческой биографии В. Маяковского («Война и мир») и Н. Клюева (лирика революционного периода).

Проф. *М.В. Михайлова* и асп. *Т.В. Левицкая* (МГУ) представили ценный – в первую очередь в силу своей малоизученности и малодоступности – материал о рецепции периодической печатью 1903–1904 гг. публицистической и лекторской деятельности Н.А. Лухмановой (1841–1907)).

Особенности использования приема игры в реалистической и постмодернистской реконструкции исторического прошлого на примере повести В.П. Некрасова «Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы» (1983) и романа Ю.В. Буйды «Ермо» (1996) проанализировала н.с. *В.Г. Моисеева* (МГУ).

Н. с. *А.Н. Красовец* (ИНИОН РАН) обратилась к истории деятельности группы поэтов-биокосмистов (1920–1923), рассмотрев ее в контексте философии русского космизма и искусства авангарда.

Магистрант *Т.А. Большакова* (МГУ) рассмотрела процесс канонизации Николая II с точки зрения сложившихся православных канонов причисления к лику святых.

Анализ идей и наблюдений Леона Штильмана, впервые озвученных им в 1958 г. на IV Международном конгрессе славистов и вызвавших бурную дискуссию на тему реализма – не-реализма в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина, представила на суд собравшихся доц. *И.Л. Анастасьева* (МГУ).

В докладе ст. н. с. *В.В. Сорокиной* (МГУ) «“Модернизированная проза” европейской литературы рубежа XX–XXI веков» была дана характеристика наиболее значимых факторов, определивших специфику современного литературного процесса, и сделан вывод о «явном сближении путей развития русской и западной литератур, которые большую часть XX в. представляли собой два ярко выраженных направления европейской литературы».

Ст. н. с. *Т.Н. Белова* (МГУ), говоря о роли литераторов и критиков русского зарубежья в становлении англо-американской русистики в 1920–

1950-е гг., отметила, что труды эмигрантов первой и второй волны способствовали популяризации русской духовной культуры в Великобритании и США и стали катализатором вначале интереса к русской литературе, а затем и бурного подъема англо-американской русистики.

Доклад ст. н. с. *Т.Я. Орловой* (МГУ) был посвящен анализу книги М. Цетлина «Декабристы», вышедшей в 1933 г. в издательстве «Современные записки» (Париж) и сочетающей в себе элементы документально-исторического и художественного произведения.

Ст. н. с. *О.В. Розинская* (МГУ) рассказала об основных тенденциях в современной польской литературоведческой русистике, подчеркнув широкий спектр изучаемых ею проблем и достойный уровень научной оценки литературного процесса в России.

О литературно-критических выступлениях шахматиста, драматурга и театрального критика Е.А. Зноско-Боровского в журнале «Аполлон» говорила в своем сообщении н. с. *Е.Г. Домогацкая* (МГУ). Автор комедии «Обращенный принц», поставленной В.Э. Мейерхольдом, Георгиевский кавалер, секундانت Н.С. Гумилева на дуэли с М.А. Волошиным, Зноско-Боровский был весьма примечательным персонажем петербургской культурной жизни рубежа 1900–1910-х гг., и его наследие несомненно заслуживает внимания историков литературы.

Доклад ст. н. с. *А.В. Злочевской* (МГУ) «Роман В. Набокова “Приглашение на казнь”: духовная индивидуальность в фокусе метафизических и металитературных проблем» содержал анализ внутренней структуры романа, в аллегорической форме воссоздающего модель бытия индивидуального сознания главного героя «в центре трехчастной картины мира: в фокусе сплетения *эмпирической – трансцендентной – металитературной* реальностей». По мнению докладчика, именно в «Приглашении на казнь» набоковский герой впервые «оказывается не жертвой, не безвольной игрушкой трех сил мироздания, но творцом своей судьбы».

Оживленные дискуссии свидетельствовали об актуальности проблематики докладов, а также и о том, что Соколовским чтениям удалось сохранить и передать атмосферу дружеской и всегда заинтересованной полемики, царившую на научных семинарах проф. А.Г. Соколова.

Е.Г. Домогацкая

Сведения об авторе: Домогацкая Екатерина Григорьевна, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: arabella67@gmail.com.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 9.
ФИЛОЛОГИЯ» В 2017 ГОДУ

СТАТЬИ

- Безяева М. Г. Коммуникативное поле нормы в языке и тексте . . . III, 76
- Виноградов И. А. Блаженны миротворцы: от Повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (I) III, 7
- Виноградов И. А. Блаженны миротворцы: от Повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (II) IV, 51
- Воропаев В. А. Н. В. Гоголь и святоотеческое наследие V, 9
- Довгий О.Л. Оппозиция «сон / бессонница» в сатирах А.Д. Кантемира VI, 44
- Ермолович Д. И. Последовательный перевод: кризис гуманитарности V, 79
- Жданова Л. А. Власть и закон в русском языке и в картине социального мира III, 57
- Каверина В. В., Ван Сяоси. Становление норм употребления двойных согласных в отглагольных образованиях в русском литературном языке XVII–XIX вв. V, 47
- Красавченко Т.Н. У истоков британского модернизма: Т.Э. Хьюм. . . VI, 65
- Кузьмина Е. А. Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной sprawy второй половины XVII в.. . . . V, 21
- Кукушкина О. В. Язык Пушкина: лексикографические этюды III (Аневризм Пушкина – правда или вымысел?) IV, 25
- Кюсева М. В. Признаковая лексика в русском жестовом языке в типологической перспективе III, 97
- Литвиненко Н. А. Роман У. Эко «Таинственное пламя царицы Лоланы»: ретроспективные горизонты массового II, 83
- Лунд К.-Х. (Дания). Переводчик Нильс Мунк и языковой аспект десятилетия XVII в.. . . . I, 7
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт описания морфологии неизученного языка. Имя существительное (тип m. 2b) . . . I, 34
- Михайлова М.В., Чжан Чих Хан. Тело в экспрессионистской прозе Л. Андреева VI, 55
- Николенкова Н.В. Место перевода «Атласа Блау» в формировании лингвокультурологической ситуации кануна петровских реформ VI, 32
- Оляндэр Л. К. (Украина). Интертекстуальность: терминологические значения и способы ее проявления в художественной литературе III, 19

<i>Пентковская Т. В.</i> Толкования на послания апостола Павла в переводе Епифания Славинецкого как источник Нового Завета последней четверти XVII в.	II, 27
<i>Пентковская Т. В.</i> Беседы Иоанна Златоуста на Деяния и Послания апостольские как источники перевода Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого	VI, 7
<i>Петрухина Е. В.</i> Дискуссионные вопросы русского словообразования: К 70-летию Е. В. Клобукова	IV, 7
<i>Сквайрс Е. Р.</i> Германско-латинские глоссарии IX–XI в.: между лингвистикой и педагогикой	II, 7
<i>Сунь Шуфан, Сунь Минжуй.</i> О метафорических моделях компьютерных терминов	V, 65
<i>Толмачев В. М.</i> Натурализм: проспект детализированной словарной статьи.	I, 88
<i>Уржа А. В.</i> Семантика и прагматика подстрочных комментариев в русских переводах «Приключений Тома Сойера»	I, 52
<i>Федорова Е. В.</i> Настоящее историческое в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (на примере Евангелия от Марка)	II, 53
<i>Фролова О. Е.</i> Мотив смерти в повести А. Платонова «Котлован»	III, 42
<i>Чекалов К. А.</i> Эжен Сю и его творчество в зеркале французской словесности и периодики конца XIX – начала XX в.	I, 71
<i>Шарипова В. А., Шакирова Н. Р., Елинсон М. А.</i> Объективация в языке функционально-когнитивной сферы «Речевая деятельность» (сопоставительное исследование на материале русского и английского языков)	II, 70

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПОДБОРКИ СТАТЕЙ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

<i>Богинская А. П.</i> «Качественное обеднение»/ «обогащение» в художественном переводе (на примере французских переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»).	V, 154
<i>Борисенко А. Л.</i> Буквализм в художественном переводе: ошибка, эксперимент, метод?	V, 132
<i>Каранец В. В.</i> Переводная множественность: заимствования или случайные совпадения переводческих решений (на примере переводов «Madame Bovary» на русский язык)	V, 143

ДИАЛОГИ ОБ ОСНОВАХ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

<i>Вализаде Хадидже.</i> Трудности усвоения персоговорящими студентами падежной системы русского языка	IV, 139
<i>Всеволодова М. В.</i> Категория управления в современной русистике и проблемы изучения падежей русского языка в иноязычной аудитории	IV, 151

ДОНЕЦКАЯ ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

- От редакции VI, 72
 Акулич Е.А. Аббревиатурная группа *вело-*: общая характеристика VI, 117
 Бровец А.И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова VI, 98
 Рязанова В.А. Мутантные аббревиатурно-композиционные группы в словообразовательной системе языка VI, 108
 Теркулов В.И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания VI, 73

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

- Ивинский Д. П. Пушкин и Державин: к вопросу об интерпретации двух заключительных строф «Воспоминаний в Царском Селе» I, 127
 Коровин В. Л. Ода «Идолопоклонство» и духовные стихотворения Г. Р. Державина 1810 г. I, 114

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. М. КАРАМЗИНА

- Криницын А. Б. Повесть «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина в творчестве Ф. М. Достоевского II, 102
 Пахсарьян Н. Т. Карамзинские мотивы в романе Андрея Макина «Женщина, которая ждала» II, 117

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. К. ТОЛСТОГО

- Кормилов С. И. Использование текстов Пушкина в стихотворениях А.К. Толстого IV, 68
 Пастернак Е. А. Заметки о незаурядном поэте: А. А. Илюшин об А. К. Толстом. IV, 89

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

- Баликова М. С. Образы искусств в романах Д. С. Мережковского «Юлиан Отступник» и «Леонардо да Винчи» I, 161
 Холиков А. А. , Коростелев О. А. От войны к революции: публицистика Д. С. Мережковского, не вошедшая в авторские сборники (1917–1918) I, 146

ТРАНСМЕДИЙНЫЕ МЕТОДЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА

- Немец-Игнашева Д. (США) [Введение к рубрике] IV, 99
 Калинина Е. А. Фотография в художественном мире В. Набокова (на материале романа «Дар») IV, 101
 Рыбина П. Ю. Разоблачение зрителя: радикальные киноадаптации «Гамлета» (на материале фильмов А. Каурисмяки и М. Алмерейды) IV, 120

ШКОЛА ВЕРЫ АРСЕНЬЕВНЫ БЕЛОШАПКОВОЙ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. БЕЛОШАПКОВОЙ)

От редакции	V, 104
Грекова О. К. Логический ракурс синтаксиса РКИ	V, 123
Ревзина О. Г. Ее называли <i>Профессор</i>	V, 107
Шмелева Т. В. Союзцентризм и его преодоление в концепции сложного предложения В. А. Белошапковой.	V, 114

ДЕЛА И ЛЮДИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЛИБАН

От редколлегии. Дань памяти лучшего университетского лектора	VI, 125
Беляева И.А. Либан Николай Иванович	VI, 127
Кормилов С.И. Собрание сочинений и выступлений выдающего- ся гуманитария	VI, 133

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Андрейчук К. Р. К вопросу о религиозности Пера Лагерквиста . .	II, 192
Балакин А. Ю. И.А. Гончаров в письмах К.Ф. Ордина к жене (1872)	III, 115
Будённая Е. В. Древнерусские именные клаузы в процессе экспансии местоимений: исключение, подтверждающее правило? . . .	IV, 199
Гедгафова Н. А. Специфика иллокутивных моделей заголовков ан- глоязычных газетных статей информационного жанра . . .	II, 170
Григорьева О. Н., Кадыоглу Э. Знаки памяти в поэтическом языке Н. А. Некрасова и А. А. Ахматовой	IV, 234
Гулуева Х. А., Школьников О. Ю. Прижизненные издания Пьера де Ронсара в свете спора о французской орфографии . . .	V, 165
Дорофеева С. В. Дислексия и проблема Платона – Хомского . .	V, 189
Дудников К. Э. Интент-анализ, коммуникативные стратегии и тактики, теория речевых актов: сравнительный анализ сов- ременных подходов к изучению интенциональности . . .	V, 176
Ермоленко Г.Н. Хронотоп путешествия в романе и путевых очер- ках А. Жиды	VI, 171
Зиббер И. А. Преодолевшие сонорность: переход /v/ > /z/ и другие явления в бесермянском удмуртском	II, 140
Инь Суй. Буковница 1592 г.: особенности грамматической коди- фикация и структура словарных гнезд	III, 190
Кашлева К. К. Лексические особенности немецких научных тек- стов первой половины XIV в. (на примере Mainauer Naturlehre и Das Buch der Natur)	II, 160
Киданова М. Е. Корпусное исследование структуры составных коннекторов, выражающих отношение контактного предше- ствования	IV, 209

- Киктева К. Д.* Раскаявшийся соблазнитель в религиозно-фантастической драме Хосе Соррилья «Дон Хуан Тенорью» III, 138
- Кравченко Е. В.* Сложное слово в аллитерационной поэзии: семантическая динамика первого компонента (на примерах синонимической системы моря) IV, 188
- Муковоз А.С.* К вопросу о соотношении компонентов словообразовательной парадигмы русских фамилий I, 204
- Николенкова Н. В.* Союзы в церковнославянских переводах с латинского языка XV–XVII вв.: дополнения к историческим словарям I, 190
- Плотникова А. И.* Значения местного падежа у существительных мужского рода в русском языке XVII в.: факторы выбора окончания -ѣ или -у III, 203
- Пронина М. К.* Способы просодического оформления обращения в аргентинском национальном варианте испанского языка . . . II, 129
- Ройтберг А. М.* Ресурсы для исследования различных типов ассоциативных связей между именными группами в дискурсе I, 174
- Савина Е. С.* Некоторые стилистические приемы передачи юридического дискурса в текстах Ж. Сименона III, 147
- Сайкина Н. В.* Материалы к ранней биографии кн. З. А. Волконской. . . V, 197
- Сасова Е. А.* Материальность в поэтике частного письма (письма Ф. М. Гримма к графу С. П. Румянцеву) II, 182
- Скворцова В. В.* Специфические средства движения текстового времени в прозе В. Пелевина IV, 222
- Тан Дини.* Юбилейный сборник «Венок Лермонтову» (1914) (к вопросу о московской школе лермонтоведения) VI, 162
- Цзи Сюэцзюнь.* Установка спрашивающего в вопросительных конструкциях китайского языка VI, 190
- Черепанова О.Д.* Лингвистическое обеспечение речевых технологий: использование англо-русской практической транскрипции в системе русскоязычного синтеза «ТЕКСТ – РЕЧЬ» III, 156
- Шейко А.А.* Жанровые принципы романа-фельетона во Франции и романа-сериала в Англии. VI, 178
- Юй Исин.* Формы русского речевого этикета в свете этики ответственности II, 150
- Ян Шэнь.* Хармс и Заболоцкий в китайских переводах IV, 243
- Янь Юй.* Особенности сложения сокращенных заимствованных основ в русском языке рубежа XX–XXI вв. III, 168
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ**
- Ван Лэй, Чжао Дан.* История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена / Отв. ред. С.И. Кормилов. Нанкин: Изд-во Нанкинского университета, 2017. 3; 2; 5; 591 с. I, 218

- Верина У.Ю.* Венок сонетологов и сонетистов: Альманах 7-го симпозиума Международного научно-творческого семинара «Школа сонета», прошедшего 17–18 декабря 2015 г. в рамках конференции «Филологическая наука и школа: диалог и сотрудничество», приуроченной к 75-летию ученого-филолога Олега Ивановича Федотова. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2016. 360 с.; ил. VI, 211
- Зими́на Н. Ю.* О прозе. О поэзии. О Славе: Сб. науч. статей / Отв. ред. В. И. Охотникова. Псков: Псковский государственный университет, 2015. 178 с. V, 256
- Зыкова Г.В., Чумаченко Е.И.* «Современник» против «Москвитянина»: Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / Изд. подгот. А.В. Вдовин, К.Ю. Зубков, А.С. Федотов. СПб.: Нестор-История, 2015. 872 с. VI, 205
- Изотов А. И.* Издательство Карлова университета в Праге – филологу II, 214
- Изотов А. И.* Marvan J. Čeština – most k Evropě a k Evropanům. Ústí nad-Labem: Univerzita Jana Evangelisty Purkyně, 2015. 183 s. . . IV, 257
- Изотов А.И.* Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Экологическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2016. 184 с. I, 224
- Изотов А.И.* Konurbaev M.E. The Style and Timbre of English Speech and Literature. London: Palgrave Macmillan Ltd, 2016. 208 p. . . VI, 221
- Кихней Л. Г. Гавриков В. А.* Циклизация и контекстность в поэзии Владимира Высоцкого: Монография. Брянск: Брянский центр научно-технической информации, 2016. 108 с. V, 250
- Кормилов С. И.* Таврическая мифология Пушкина: Литературно-исторические очерки. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. 304 с. V, 235
- Кукушкина О. В. Кретов А. А., Воеводская О. М., Меркулова И. А., Титов В. Т.* Единство Европы по данным лексики. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 10 с. V, 224
- Никуличева Д. Б. Чекалина Е.М.* Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительнотипологический анализ. М.: МАКС Пресс, 2017. III, 214
- Тыртова Г. П.* Путиами сербского языка, литературы и культуры . . . V, 261
- Ушакова О. М.* Элиот Т. С. Бесплодная земля / Изд. подгот. В. М. Толмачев, А. Ю. Зиновьева. М.: Ладомир: Наука, 2014. 528 с., ил. (Литературные памятники) IV, 253
- Федотов О. И.* Ефимова С. «Судьба не потерпит измены»: Поэзия Константина Васильева. М.: Совпадение, 2016. 328 с. V, 242
- Федотов О.И.* «Гармония – абсолютна, а дисгармония – относительна»: Памяти М.М. Гиршмана / Сост. Э.М. Свенцицкая; Ред. Т.А. Панич. Киев: Изд. Дом Дмитрия Бурого, 2016. 360 с. . . . I, 214

- Фролова О.Е. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Язык городского пространства: словарь, карта, текст. М.: Языки славянской культуры, 2015. 240 с. VI, 225
- Холиков А. А. Маймин Е.А. О русском романтизме. Русская философская поэзия. Лев Толстой: Путь писателя. Воспоминания. Переписка / Под ред. Н. Л. Вершининой и Е. Е. Дмитриевой-Майминой. Псков: Издательство ГППО «Псковская областная типография», 2015. 904 с. II, 206

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Беликов А.Е. Международная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры – IX. Новолатинская традиция в Европе» I, 234
- Беликов А. Е. День науки на филологическом факультете – 2017 . . IV, 266
- Беликов А.Е. Всероссийская конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры – X: научные чтения, посвященные 170-летию со дня рождения профессора Московского университета Ивана Владимировича Цветаева». . . . VI, 228
- Володина М.Н., Кобозева И.М. Круглый стол «Язык и дискурс СМИ в XXI веке» III, 227
- Воропаев В. А. Всероссийская научная конференция «Поэма Н.В. Гоголя “Мертвые души”: история и современность» на филологическом факультете МГУ IV, 261
- Домогацкая Е.Г. V Соколовские научные чтения VI, 238
- Жуйкова Е. В. Пятая Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)» I, 227
- Захаров Л. М. , Кобозева И. М. Седьмой междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи» (АР³-2017) II, 220
- Ивинский Д.П. Научная конференция к 225-летию со дня рождения князя П.А. Вяземского (1792–1878) VI, 234
- Леонтьева А.Л. Международная научная конференция «Русская грамматика: описание, преподавание, тестирование» (Хельсинки) III, 232
- Онипенко Н. К. Хроника конференции, посвященной 50-летию научной школы Г. А. Золотовой II, 227
- Петрухина Е. В. Ломоносовские чтения 2017 г. на филологическом факультете МГУ III, 217
- Ситько Ю. Л. Конференция «Диалектный словарь как лингвистический ресурс» IV, 269
- Филатова А.С. Международная конференция «Безвременье как сюжет» в Твери III, 236
- Швец А., Аникудимова Е. XX Фулбрайтовская гуманитарная летняя школа «Личное повествование как живая история» . . . V, 267

ПАМЯТИ...

Мария Геннадьевна Безяева	IV, 271
Елена Федоровна Васеко	V, 270
Федосюк М. Ю. Ольга Алексеевна Крылова (1937–2016)	II, 239
Татьяна Александровна Шилова	.I, 240

ЮБИЛЕИ

Кучина Т.Г. Александр Владимирович Леденев	.III, 240
--	-----------